

Анна Шнайдер
Чужой престол

«Литнет»

2023

Шнайдер А.

Чужой престол / А. Шнайдер — «Литнет», 2023

Анастасия - ненужная принцесса. Дочь предателей. Она соглашается на помолвку с королём соседней страны от безысходности, но будет ли она там нужнее? Огден стал королём месяц назад благодаря дворцовому перевороту и поддержке императора Арена, на чьей племяннице ему теперь предстоит жениться. Однако Огден любит другую девушку, а Анастасия ему совсем не нужна. Может, она откажется от этого брака? Остин Роланд Фокс, канцлер и незаконнорожденный сын почившего короля, вообще по закону не может ни жениться, ни заводить детей. Поэтому ему лучше ни в кого не влюбляться, особенно если речь идёт о чужой невесте. Вот только сердцу не прикажешь. История Анастасии, племянницы Арена. Может читаться отдельно. Героев ругаем, друг с другом не ругаемся)

© Шнайдер А., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвёртая	32
Глава пятая	42
Глава шестая	54
Глава седьмая	67
Глава восьмая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Глава первая

Анастасия

Осень в Граагу всегда приходила неожиданно. Ещё накануне было тепло, дул приятный лёгкий ветерок, всюду светило солнце, игриво заглядывая в глаза, но, ближе к вечеру, прекрасная и почти летняя погода сменилась похолоданием и проливным дождём. Пронизывающий ветер пробирал до костей, когда Анастасия бежала утром в дворцовую оранжерею, и принцесса, с жалостью вздохнув — так не хотелось, чтобы заканчивалось лето, — поставила магический полог против ветра и дождя. Листья на деревьях были ещё зелёными, но Анастасия понимала, что это ненадолго. С таким резким похолоданием сад в императорском дворце за пару дней наденет багрово-оранжевые наряды.

— Доброе утро, ваше высочество, — вежливо, но прохладно поздоровался с Анастасией дежурный охранник у входа в оранжерею. Здесь, внутри, было тепло, как на южном Корго, — почти никакого ветра, высокая влажность и круглосуточное пение экзотических птиц. Анастасия прекрасно знала, сколько сил тратится на поддержание подобного климата, — она ведь начала работать в оранжерее, ещё учась в университете. Почти четыре года прошло с тех пор, как её высочество, получив подписанный ректором и императором приказ о назначении на практику в дворцовую оранжерею, едва сдерживала радостный крик. Тогда Анастасии казалось, что она непременно добьётся успеха, станет известным учёным, и её будут уважать не только за то, что она носит фамилию правящей династии.

Но в начале этого года всё изменилось, и с тех пор принцесса ощущала себя чужой везде: где бы ни бывала, куда бы ни ходила. Да, её никто не оскорблял, но и не радовался общению с ней. Анастасия, привыкнув с детства быть всеобщей любимицей, тяжело переживала подобную перемену отношения, но, как исправить ситуацию, не представляла.

Каждый из сотрудников оранжереи утром в понедельник получал разнарядку — листок с заданиями на ближайшую неделю. Анастасия как раз направлялась к кабинету главного садовника, когда путь ей преградил один из охранников императора.

— Ваше высочество, — произнёс он, слегка поклонившись. — Его величество ожидает вас у себя в кабинете.

— Сейчас? — обречённо выдохнула Анастасия. Захотелось досадливо поморщиться, но она сдержалась. Принцесса должна всегда держать лицо, а уж такая никому не нужная принцесса, как она, — особенно.

— Да. Прошу прощения, но мне приказано вас сопроводить.

Оставалось лишь подчиниться — выбора у неё не было.

Впрочем, нет. Выбор был, но не сейчас, а весной, в тот момент, когда император рассказывал ей о предложении одного из принцев Альтаки. И Анастасия сделала этот выбор, дав согласие на возможный брак.

Так что теперь было поздно о чём-либо жалеть.

Наступления осени Анастасия не хотела не только потому, что не слишком жаловала холод и слякоть. Ей нравилась сухая и тёплая погода, желательно ещё и солнечная, чтобы с улыбкой задира́ть голову и смотреть на небо. Анастасия любила голубой цвет, часто носила платья такого оттенка, который очень шёл её светлым, почти белым волосам, фарфоровой коже и большим синим глазам. Она с детства знала, что необыкновенно хорошенькая — это повторяли все без исключения: и отец, и мама, и брат, и тётя Анна, и даже дядя-император.

Нет, не только из-за любви к теплу Анастасия не желала видеть осень за окном. Просто именно осенью за её высочеством должны были приехать из Альтаки, чтобы забрать в качестве невесты... теперь уже не принца, а короля. В августе его высочество Огден был коронован после непродолжительного дворцового переворота. Об этом Анастасии сообщил император.

Да, весной она согласилась поехать в Альтаку, потому что устала от постоянной холодности, которая сопровождала каждое её появление в обществе. Дядя Арен был убедителен, объясняя, что для Анастасии будет лучше на время уехать, увидеть что-то новое, отвлечься. И пообещал, что на неё не станут давить: никто не будет принуждать её выходить замуж за Огдена. В конечном итоге это и подкупило принцессу — подтолкнув дать согласие на предложение альтакцев.

Но теперь Анастасия начала сомневаться. Ей просто было страшно. Принцесса в принципе не считала себя бесстрашным человеком, она многого опасалась. Анастасия никогда не смогла бы, как дядя Арчибальд, сражаться с демонами Геенны. Даже артефакторика — специальность, которую когда-то выбрал её брат Адриан, — казалась Анастасии слишком опасным занятием. Разработка артефактов не была лишена риска: мастера-артефакторы, бывало, и погибали, и калечились. Редко, конечно, гораздо реже, чем охранители. Но Анастасии было достаточно узнать в детстве о двух подобных случаях, чтобы навсегда перехотеть быть артефактором.

Она любила растения и животных — природу во всём её многообразии. «Биология и зоология» — мирная и неопасная специальность. Анастасия обожала своё дело, ей хотелось достичь каких-нибудь высот, сделать открытие... А теперь её отправляют в Альтаку. Есть ли во дворце короля Огдена место, где она сможет работать? Насколько Анастасия помнила из курса истории: в отличие от Альганны, членам правящей семьи в Альтаке не положено работать. Особенно женщинам. И не будут ли и там на Анастасию косо смотреть, когда она начнёт сажать в саду цветы и рыхлить землю?..

Об этом и думала принцесса, шагая вслед за охранником по пути в кабинет дяди Арена. Соглашаясь на возможный брак с Огденом, Анастасия просто хотела сбежать от напряжённого отношения к себе, граничащего с презрением. Ей не нравилась та ледяная бесстрастность, с которой к ней теперь обращались почти все — за редким исключением. Она была обижена и чувствовала себя без вины виноватой. Это ощущение преследовало Анастасию со Дня Альганны, когда выяснилось, что её отец, брат императора, планировал заговор с целью захвата трона. Она ничего об этом не знала, но тот факт, что Анастасия приходилась Аарону дочерью, говорил не в её пользу. А потом, спустя пару месяцев, выяснилось, что в заговоре были замешаны и мама, и Адриан — старший брат Анастасии. Он погиб, сгорел при пожаре в Императорском театре. И после этого стало ещё хуже...

Но почему она решила, что в Альтаке к ней не станут относиться с холодным пренебрежением? Хотя, пожалуй, всё же пренебрежения не будет — не захотят альтакцы ссориться с императором. Но вот безразличие будет наверняка, а оно умеет оскорблять ничуть не менее презрения или открытой ненависти.

Да, теперь Анастасия сомневалась в принятом решении. Сможет ли она быть счастливой в Альтаке? Не станет ли и там такой же ненужной, лишней принцессой, которой стала здесь за последний год? Да и Огден... Он-то что обо всём этом думает?

Анастасия видела магпортреты* третьего сына покойного короля Фредерика. (*Магпортретами в Альгanne называют фотографии.) Огден был красив. Пожалуй, даже слишком. Подобные, привлекательные до дрожи, мужчины вызывали у Анастасии невольную опаску — она уже сталкивалась с такими, ещё когда училась в магическом университете, и ничем хорошим те отношения не кончились. Впрочем, плохим тоже, просто опыт был не самый приятный.

Анастасия, на несколько мгновений закрыв глаза, представила перед собой лицо Огдена. Теперь уже — его величества Огдена. Магпортрет был чёрно-белым, но девушка и так видела,

что Огден светловолос. Скорее всего, волосы у него чуть темнее, чем у самой Анастасии. Не слишком короткие, прикрывающие уши. Черты лица почти совершенные — нос с горбинкой, губы не широкие, но и не узкие, спокойный и умный взгляд. Глаза, наверное, серые или голубые. Из недостатков Анастасия могла бы назвать только тяжеловатый подбородок, красноречиво указывающий на то, что его хозяин упрям как горный баран, но в остальном — идеальное лицо. И по возрасту Огден едва ли был сильно старше двадцатитрёхлетней Анастасии. Она даже вынуждена была признать правоту тёти Анны, сказавшей, что они с Огденом станут красивой парой. Правда, хотелось съязвить: «Если станем», — но Анастасия промолчала. Тётя Анна относилась к племяннице по-прежнему тепло, несмотря на то, что в том пожаре, унёсшем жизнь брата Анастасии, погиб и её муж.

— Прошу заходить, ваше высочество, — раздался громкий голос сопровождающего принцессу охранника, и Анастасия распахнула глаза.

А вот и кабинет дяди Арена. И кто там внутри сейчас кроме него? Делегация из Альтаки? Анастасия очень надеялась, что нет.

В кабинете оказалось столько народу, что её высочество с лёгким изумлением оглядывалась, изучая присутствующих. Никто из них не был ей знаком. Ну, почти никто — Вану Вагарису, главу комитета безопасности, Анастасия знала. Но остальных видела впервые.

Императора принцесса заметила сразу, несмотря на то, что среди подобного количества присутствующих он мог бы и потеряться, тем более что не сидел за письменным столом, а стоял возле окна и изучал какой-то документ. Однако Арена сложно было не заметить, как сложно не разглядеть солнце на небе. И дело не только в магии, силу которой ощущали все без исключения, но и в его собственной ауре спокойной властности и повелительности, подавляющей любую волю.

Когда Анастасия вошла, присутствующие уважительно поклонились, поприветствовав её нестройным хором голосов. Те, кто сидел — это были женщины, — вскочили с кресел и дивана и тоже отвесили полагающиеся по этикету поклоны.

— Здравствуйте, — кивнула Анастасия и слегка вздрогнула, когда один из мужчин в форме безопасника поставил перед письменным столом императора небольшое кресло, обитое нежно-голубой тканью — будто специально для принцессы, — и указал на него ладонью.

— Садитесь, ваше высочество.

Она медленно опустилась на сиденье. Между тем император, закончив читать документ, вернулся к столу и сел в своё кожаное кресло — как раз напротив Анастасии.

Его лицо, как и всегда, почти ничего не выражало. Даже глаза — чёрные, словно совсем без белков, странные и неестественные, — сейчас были абсолютно бесстрастными.

— Анастасия, — произнёс Арен, глядя на принцессу, — я думаю, ты понимаешь, зачем я тебя сюда позвал.

— Примерно, — ответила девушка, непроизвольно облизнув губы от волнения. — Вы говорили мне, что я отправлюсь в Альтаку осенью...

На людях Анастасия всегда называла своего дядю «ваше величество» и «вы», как и остальные родственники императора. Это давалось легко, да и в целом, глядя на Арена, порой было сложно представить, что он способен на чувства, — настолько непроницаемым всегда казался император.

— Я получил официальное уведомление от его величества Огдена, — кивнул Арен, положив ладонь на документ, который минуту назад изучал, стоя у окна. — Делегация, которой поручено доставить тебя в Альтаку, приедет через неделю. Огдена с ними не будет, — в этот момент император чуть поджал губы, и Анастасия подумала, что он не слишком доволен подобным решением. — За тобой приедет канцлер.

— Канцлер... — прошептала Анастасия. Про Остина Фокса, который как минимум последние пять лет негласно управлял Альтакой вместо умирающего короля Фредерика, она слышала многое. Но его самого никогда не видела, причём даже на портретах. После того как дядя Арен озвучил ей предложение отправиться в соседнюю страну, Анастасия попросила у него только магпортрет Огдена, но не канцлера. А сейчас стало интересно, как Остин Фокс выглядит и сколько ему лет. Тем более что в Альганне канцлера не было, хотя император периодически говорил, что именно эту традицию у Альтаки следовало бы перенять.

— Да. Остин Роланд Фокс, — произнёс Арен — будто указ зачитывал. — Это его полное имя.

Двойное?.. Анастасия безумно удивилась. Она отлично помнила, что двойные имена в Альтаке принято давать внебрачным детям. Вот эту традицию император как раз считал абсолютно дурацкой.

— До Альтаки вы с Фоксом доберётесь за пять дней, — продолжал между тем Арен. — Но я хотел поговорить не об этом. Так совпало, что письмо от Огдена пришло буквально за пятнадцать минут до собрания, которое я собирался провести с твоим участием... и с участием твоей свиты.

— Свиты? — невольно повторила Анастасия, оглядывая присутствующих. Нет, она понимала, что не может поехать в другую страну одна — это не только странно, но и как-то унижительно. Кто-то должен её сопровождать. Но... Анастасия думала: речь идёт о её личных служанках и охранниках, которых она знала в лицо и по именам. А все эти люди, находящиеся сейчас в кабинете, были принцессе не знакомы.

— Вано, — сказал император, взглянув на мужчину, который стоял навтыжку ближе всего к письменному столу. — Объясни всё её высочеству.

Принцесса чуть развернулась, вопросительно посмотрев на Вагариуса. Глава комитета безопасности — мужчина с ярко-рыжими волосами до лопаток, убранными в хвост, — всегда был ей симпатичен. Анастасия помнила его с рождения и очень жалела — ведь он потерял всю семью.

И кстати, в этом тоже был виновен её отец...

— Ваше высочество, — заговорил Вагариус, вежливо поклонившись, — несмотря на то, что Огдена короновали, мы не думаем, что его старшие братья смирились с потерей власти. Его высочество, прошу прощения, его величество Огден оставил обоих в живых. Да, он отправил их в ссылку, но... Вряд ли это столь уж эффективно. В Альтаке для вас будет небезопасно.

— Вы думаете, кто-то захочет покуситься на мою жизнь? — Анастасия улыбнулась. Почему-то эта мысль показалась ей весёлой. — Это же самоубийство.

— Не обязательно на жизнь, ваше высочество. Но, позвольте, сейчас не будем обсуждать подробности, да и неважны они для вас. Однако вам следует знать истинное положение дел и быть предельно внимательной ко всему происходящему. И так как подобные... хм... условия вашего нахождения в Альтаке весьма рискованны, его величество принял решение отправить с вами усиленную охрану, в число которой будут входить специалисты первого отдела.

Анастасию кольнуло невнятной, глухой и застарелой болью — словно внезапно дёрнулся давно заживший рубец.

Специалисты первого отдела... Значит, рассказывать всё это должен был не Вано Вагариус, а Гектор Дайд, главный дознаватель. Человек, в которого Анастасия давно была влюблена, и он об этом догадывался. Именно под его началом и работал первый отдел дознавательского комитета.

— Что ж, я вас поняла, — сказала принцесса, старательно держа на лице равнодушную маску. — Я готова познакомиться со всеми.

— Отлично, — чуть улыбнулся Вагариус и кивнул кому-то, кто находился за спиной Анастасии.

Раздались глухие шаги, и перед её высочеством, встав рядом с Ваном, вытянулся высокий мужчина. Отличный маг, судя по энергетическому контуру. Очень худой, немолодой, с короткими тёмными волосами и уставшим лицом, но глазами такими пронзительно-кариими, что они казались принадлежащими молодому человеку. Да и выражение этих глаз — острое и пронизательное — никак не вязалось с непримечательной и совсем незапоминающейся внешностью.

Анастасия была уверена, что через минуту забудет лицо этого мужчины. Забудет всё, кроме его живых и умных глаз.

— Эрнест Тад, — представился он, почтительно поклонившись. — Меня назначили начальником вашей свиты, ваше высочество. В официальных документах я буду называться главным распорядителем.

— Рада познакомиться, айл* Тад, — вежливо ответила Анастасия. То, что представившийся мужчина являлся сотрудником первого отдела и подчинённым Дайда, было понятно и без лишних слов. (*Айл — обращение к мужчине в Альганне. Айла — обращение к женщине.)

Первый отдел занимался особыми делами, и прежде всего преступлениями против государственной власти и безопасности империи. И если с Анастасией собираются отправить его сотрудников — значит, опасность и правда есть. И нешуточная.

— Вы можете называть меня Эрнестом, ваше высочество, — ответил мужчина и отошёл. Анастасия не сомневалась, что работник он хороший, но сейчас её радовало главным образом то, что мужчина явно не испытывал к ней неприязни. Несмотря на то, что наверняка помогал обезвредить её отца, а возможно, и брата.

Хотя точно знать Анастасия не могла — эмпатический щит, которым принцесса закрывалась от чужих эмоций почти круглые сутки, она сейчас не снимала. И не хотела, и не могла.

Родовым даром Альго — такую фамилию носили представители правящей династии — была в том числе эмпатия, но принцесса неважно ей владела. Один на один Анастасии удавалось улавливать чужие эмоции — пусть и не всегда, — но, если вокруг было много людей, снятие эмпатического щита грозило девушке обмороком. От какофонии чужих чувств у Анастасии всегда возникало ощущение, будто она стремительно глохнет.

Между тем место Эрнеста Тада заняла женщина. Она была не менее сильным магом, чем Тад, — наверняка архимаг, не ниже. Брюнетка средних лет в простом тёмно-коричневом платье, с лицом, слегка тронутым морщинами, с доброжелательными светло-серыми глазами и лёгкой вежливой улыбкой на полных губах — Анастасии она сразу показалась милой женщиной.

— Кларисса Колби, ваше высочество, — произнесла она глубоким и певучим голосом. — Я тоже сотрудник первого отдела, как и Эрнест. В вашей свите я буду отвечать за подбор и обучение служанок. Не беспокойтесь, я это умею. Официально моя должность будет называться...

— Камеристка, — закончила за неё Анастасия, улыбнувшись, когда женщина запнулась, будто припоминая слово. — Рада познакомиться и с вами, Кларисса.

Колби почтительно прижала ладонь к груди и отошла. Её место моментально занял ещё один человек, на этот раз мужчина. Он был гораздо моложе Эрнеста и Клариссы, и именно он несколькими минутами ранее поставил перед Анастасией кресло.

В отличие от предыдущих представляющихся этот мужчина не был высоким — ростом ненамного выше Анастасии, а она была не самой высокой девушкой. Но фигура в целом впечатляла — несмотря на приземистость, выглядел этот человек внушительно. Широкие плечи, мощный торс, крупные ладони. Обычные русые волосы, очень короткие. Крупноватые губы, лёгкая небритость, бесстрастные светло-карие глаза. Этого мужчину можно было бы даже назвать симпатичным, если бы не забавные лопоухие уши, торчащие по обе стороны головы и отлично видные из-за короткого ёжика волос.

— Нортон Чанг, — представился мужчина, поклонившись. — Я начальник вашей охраны, принцесса. В ближайшие несколько дней отберу для вас среди сотрудников службы безопасности тех, кто поедет с нами в Альтаку.

— Рада познакомиться, — откликнулась Анастасия и уточнила: — Но я думала: со мной отправятся мои дворцовые охранники...

— Двое из них — да, — кивнул Нортон Чанг. — Но остальные не желают уезжать, у них здесь семьи, маленькие дети. А нам с вами нужны девять человек, не включая меня. Поэтому мне придётся отобрать ещё семерых.

— Удачи вам, — искренне пожелала Анастасия. Она не представляла, где Нортон найдёт столько народу. Да и кто вообще захочет сопровождать в Альтаку дочь Аарона? И не только сопровождать. Придётся там жить какое-то время.

Начальник охраны отошёл в сторону, и перед принцессой вытянулся очередной мужчина.

Анастасия сразу обратила внимание на его глаза. Скорее всего, потому что они безумно напомнили ей глаза брата — такие же ярко-синие. И даже по форме, кажется, похожи...

Из-за того, что Анастасия как заворожённая глядела в глаза этого мужчины, она не сразу расслышала, что он говорит. Поэтому, мысленно ударив себя по щекам, принцесса попросила повторить всё ещё раз.

— Моё имя Риан Ортего, — послушно повторил мужчина. — Я ваш личный артефактор. В мои обязанности будет входить не только изготовление любых артефактов для вас или починка сломавшихся, но и проверка всех подарков.

Подарков... Анастасии было странно думать о том, что Огден станет дарить ей подарки. Пока он был для неё лишь человеком с магпортрета.

Подождите-ка...

— Простите, — она удивлённо выдохнула. — Вы не могли бы повторить ваше имя?..

Мужчина нисколько не удивился подобной просьбе. Не изменившись в лице, невозмутимо ответил:

— Риан Ортего, ваше высочество.

Риан...

Надо же, какое совпадение. У него глаза как у брата — и имя тоже. Ну, почти. Брата-то звали Адриан. Остальные черты лица не совпадают, конечно, — и брови чуть шире и сильнее нависают над глазами, придавая мужчине какой-то хмурый вид, и нос менее аккуратный, да и губы другой формы. И волосы светлее — у Адриана они были почти чёрные, а у этого человека — скорее тёмно-русые.

Но так таращиться всё-таки неприлично, и Анастасия, опомнившись, пробормотала:

— С вами я тоже очень рада познакомиться.

Ортего на мгновение усмехнулся, и эта усмешка — точнее, чуть дрогнувший правый уголок губ — заставила Анастасию замереть в своём кресле и гулко сглотнуть.

Брат усмехался точно так же. Если только... менее молниеносно.

Между тем Ортего отошёл в сторону, уступая место очередному мужчине, который сразу напомнил Анастасии большого и косматого медведя, — высокий и широкий в кости, заросший усами и бородой, но какой-то очень печальный, он не был одет в форму, как и Риан Ортего. И смотрел на Анастасию глазами нежно-голубого оттенка, который больше подходил прекрасной девушке, чем здоровенному мужчине с бородой.

— Морган Рид, — поздоровался он кратко, поклонившись. — Я поеду с вами в качестве вашего личного врача, ваше высочество.

— Врача? — изумилась принцесса, невольно покосившись на дядю. — Это действительно необходимо?..

— Да, — кивнул император. — Необходимо. Более того, я настаиваю, чтобы Морган осматривал тебя каждый вечер.

— Хорошо, ваше величество, — покладисто согласился Рид, пока Анастасия отходила от удивления. Увидеть в своей свите врача она никак не ожидала. Хотя, с другой стороны... Вон сколько народу ей уже показали, а будет ещё больше. Кто-то же должен их лечить?

После Моргана Рида Анастасии представили трёх девушек — одну безопасницу и двух сотрудниц первого отдела, — которые должны были отправиться в Альтаку в качестве компаньонов принцессы. В Альтаке таких девушек называли фрейлинами.

У Анастасии никогда не было компаньонов, поэтому она не представляла, что будет делать с этими девушками, молоденькими и очень даже симпатичными. Обязанность фрейлин — развлекать венценосную особу, но Анастасия не очень любила традиционные женские занятия — пустую болтовню и сплетни, рукоделие или чтение вслух. И надеялась, что девушки тоже ничего этого не любят и не станут навязывать ей подобные «развлечения».

Наконец, представление присутствующих закончилось, и император попросил всех удалиться, напомнив, что канцлер Альтаки приедет через неделю. Анастасия с удовольствием бы вернулась обратно в оранжерею и приступила к привычной работе, но, увы, Арен попросил её задержаться.

Её высочество сразу подобралась и выпрямилась в кресле — хотя она и так сидела прямее некуда, — зная, что дядя не относится к людям, которые любят разговаривать просто так. И раз император хочет, чтобы Анастасия задержалась, — значит, скажет что-то важное.

Когда все представленные покинули кабинет и закрыли дверь, Арен встал из-за стола, обошёл его и протянул Анастасии руку.

— Пойдём, сядем на диван, — сказал он, помогая ей подняться. — А то, когда ты сидишь в кресле напротив меня, возникает ощущение, что ты не моя племянница, а подчинённая, которую я собираюсь ругать.

— А не собираешься? — легко улыбнулась Анастасия, послушно опускаясь на сиденье рядом с императором.

— Пока нет. Адна, две чашки чая нам, — произнёс его величество, касаясь браслета связи, и секретарь, к которой он обращался, тут же откликнулась и сообщила, что сейчас всё сделает. — Не переживай, я не задержу тебя надолго. Скоро вернёшься в оранжерею. По правде говоря, я думал, что мой охранник перехватит тебя до начала рабочего дня. Ты же вроде с десяти часов работаешь, Тасси? А он сообщил мне, что поймал тебя уже в оранжерее, и это было в девять.

— Просто... — Анастасия немного смутилась и опустила глаза. — Мне одиноко, дядя Арен. Ты же знаешь, что после Дня Альганны на меня стали косо смотреть. Даже главный садовник даёт мне исключительно работу в одиночестве... Не думай, я не жалуюсь! — выпалила девушка, посмотрев на императора и заметив, что он поджал губы. — Наоборот, благодарна ему — одной мне сейчас проще, чем в паре с кем-то. Может, если бы Днём Альганны всё закончилось, все бы уже остыли, так ведь нет...

Арен согласно кивнул. Да, к сожалению, после гибели его брата всё не только не закончилось, а продолжилось, и весьма болезненно для жителей столицы. Чего только стоила порталная ловушка возле Императорского музея, унёсшая жизни двухсот человек. А потом и пожар в Императорском театре...

— Мне хорошо в оранжерее, нравится работать, — подытожила Анастасия со вздохом. — Поэтому я прихожу туда пораньше и ухожу позже. Надеюсь, ты не станешь...

«Запрещать мне» она не договорила — Арен перебил её:

— Нет, разумеется. Это твоё дело, Тасси. Да и я прекрасно тебя понимаю.

Принцесса кивнула — она знала, что дядя понимает. Он и сам всегда нырял в работу, если что-то случалось, и в этом ему не было равных. Анастасия работала немногим дольше официального рабочего дня — император же занимался делами почти круглые сутки.

Она любила дядю Арена. Любила несмотря на то, что на заботливого дядю со стороны он был не слишком похож. Но Анастасия знала, что на самом деле он не такой холодный, каким всегда предстаёт перед посторонними людьми, а чуткий и добрый. Впрочем, император умел быть и жестоким... Ведь он всё же не пощадил своего брата, когда узнал о заговоре, а убил его. Испепелил за одну секунду.

Хорошо, что она этого не видела.

И даже после такого Анастасия не могла ненавидеть дядю. У её матери ненавидеть прекрасно получалось — настолько, что та даже решила поучаствовать в заговоре против Арена, за что в конечном итоге и поплатилась.

Зашла секретарь — строгая пожилая женщина с полуседыми волосами, убранными в сложный пучок, — и поставила на столик перед Анастасией и Аренем две чашки, наполненные чаем. Перед принцессой — обычную, а перед императором — большую. Он всегда пил чай только из таких чашек. Маленьких ему не хватало, а гонять секретаря лишний раз не хотелось.

— Тасси, — произнёс Арен, сделав несколько глотков с явным удовольствием. — Я думаю, не стоит лишний раз упоминать: сопровождающих из первого отдела мы взяли для тебя не зря. Всё действительно серьёзно. Я понимаю Огдена, который не захотел убивать своих братьев, несмотря на то, что это было недальновидно. Но и для него, и для тебя сохранение жизни ближайшим претендентам на престол таит в себе опасность.

— Ты был бы рад, если бы он...

— Я не был бы рад, — покачал головой император. — Подобное нельзя назвать радостью. Разумностью — можно. Огден поступил неразумно, пойдя на поводу у своего сердца, но я его понимаю. Поэтому не стал ничего ему выговаривать. Думаю, это и без меня нашлось кому сказать.

— Ты имеешь в виду канцлера? — уточнила Анастасия, пытаясь припомнить, что она слышала об этом человеке. Но как-то ничего не вспоминалось, кроме того факта, что при короле Фредерике он был важной фигурой.

— Именно. Фокс исключительно прагматичен, ему подобная мягкотелость несвойственна. Даже мне порой свойственна, — едва уловимо усмехнулся император, — а ему — нет. Итак, Тасси... Я попросил тебя остаться для того, чтобы сообщить одну вещь. Если ты заметишь что-то подозрительное, особенно если оно будет касаться тебя, или Огдена, или твоей свиты, — сообщай об этом не главному распорядителю.

— Ты ему не доверяешь?

— Я никому не доверяю. За редким исключением. И в твоей свите есть такое исключение. Риан Ортего. Ему ты можешь рассказывать всё — этому человеку я доверяю.

Анастасия невольно вспомнила синие глаза артефактора, чем-то напоминающие глаза её погибшего брата.

Значит, Риан Ортего...

— Он при необходимости примет меры или сообщит мне, — продолжал между тем император. — Ты поняла, Тасси? Никакой самостоятельности, хорошо? Не нужно ничего умалчивать. заметишь что-то подозрительное — сразу говори.

— Я не буду умалчивать, — покачала головой Анастасия, невольно подёрнув плечами.

Однажды она уже умолчала о своих подозрениях... Боялась подставить маму. До сих пор жалела.

— Обещаю. Дядя Арен... — Девушка вздохнула. — Ты так и не сказал мне, чего хочешь.

— Ты о чём?

Объяснять было неловко, но Анастасия знала, что должна это сделать.

Она была виновата перед дядей. Да, к сожалению, у тех, кто сейчас холодно относился к принцессе, была для этого причина... хотя они о ней не знали. За исключением Гектора Дайда и нескольких его подчинённых.

Ведь если бы Анастасия в своё время сообщила о том, что однажды заметила, то, скорее всего, нескольких трагедий можно было бы избежать. Да, те сведения касались её матери, и морально было сложно рассказать об увиденном дознавателям, но всё же стоило это сделать.

— Я должна выйти замуж за Огдена? — негромко уточнила Анастасия. — Или...

— Я уже говорил тебе, — перебил её император резко. — Я буду рад, если тебе понравится Огден и ты станешь его супругой. Потому что мне, честно говоря, надоели постоянные перевороты в Альтаке. Если на троне будут сидеть родственники Альго, вмешиваться во внутренние дела наших соседей станет гораздо проще. Не говоря уже о том, что я буду настаивать, чтобы у ваших с Огденом детей была фамилия Альго.

— Что? — удивлённо вскинулась Анастасия, и Арен улыбнулся.

— Да, Тасси. Так им перейдёт наша родовая магия. И да, по сути Альтака станет частью Альганны. Пусть автономной и почти независимой, но тем не менее частью.

— Хороший план, дядя Арен... — пробормотала принцесса обескураженно. — Но я не уверена, что Огден на него согласится. Для него это будет значить потерю государственности.

— Я не собираюсь спрашивать Огдена, — отрезал император. — Это станет условием для вашего брака, но озвучивать его я буду позже. Если ты всё-таки решишь дать своё согласие. Но если по какой-то причине откажешься — что ж, вернёшься в Альганну. Да, этот вариант для меня менее предпочтителен, но я повторюсь — заставлять тебя никто не будет. И вот что ещё, Тасси...

Арен вновь сделал глоток из чашки, подержал её, словно грея руки — на самом же деле он делал напиток горячее при помощи магии, — и продолжил:

— Хочу развеять твои возможные иллюзии. Да, Огден месяц как король. Формально это так. Однако управляет всем по-прежнему канцлер.

— Что же он тогда оставляет Альтаку и едет за мной? — не удержалась от подколки Анастасия.

— Вот мы и посмотрим, — ответил Арен, улыбнувшись.

Глава вторая

Огден

Огден сидел на диване напротив камина и, держа в руке наполненный бордовым вином бокал, покачивал его, любуясь на отблески огня в глубине и на поверхности напитка. По многим причинам мужчине было беспокойно.

Какой простой и понятной была жизнь до смерти отца, короля Фредерика. Огден, в отличие от своих старших братьев, никогда не рассчитывал на престол, поэтому спокойно выучился и начал работать в целительском подразделении охранителей. В Альтаке охранители не имели такого большого значения, как в Альганне, но они всё же существовали, и Огден с детства мечтал стать одним из них. Но гораздо больше, чем охранительная или боевая магия, принца привлекало лечебное дело, поэтому он стал врачом целительской службы. И с успехом выполнял свои задачи, пока однажды вечером к нему не явился канцлер.

Остина Роланда Фокса Огден знал едва ли не с рождения. Только в то время будущий канцлер был подростком. Учился в магической школе, а в королевский дворец приходил к матери, которая была работницей кухни. Её Огден помнил смутно, и, скорее всего, только из-за того, что мать Фокса была рыжей, как лисичка, яркой и громогласной. В памяти принца отпечатался скорее её образ, чем внешность, и ему казалось, что Роланд на неё совсем не похож.

Да, именно так — Роланд. Канцлер отчего-то предпочитал второе своё имя. У Огдена были предположения почему, но он старался об этом не думать, чтобы лишний раз не переживать.

В то время, когда маленький Огден бегал по дворцу и ещё ходил пешком под стол, он иногда замечал вихрастого подростка с пепельно-рыжими волосами — порой тот заходил в королевскую библиотеку и подолгу там торчал. А ещё он навевался в кабинет отца Огдена. Вот там Роланд находился совсем мало и выходил оттуда с таким видом, будто его пчёлы покусали.

Что всё это значит, Огден тогда, конечно, не задумывался. А после, повзрослев, предпочёл не замечать, как выделяет король Фредерик молодого мужчину по фамилии Фокс, лучшего выпускника Королевской магической академии. Фокса взяли помощником тогдашнего канцлера почти сразу после выпуска и тут же принялись готовить на место канцлера. Старый канцлер учил Роланда с большой охотой — он действительно был уже очень пожилой человек и давно хотел оставить должность, — да и Фокс проявлял должное рвение. И Огден точно знал, что отец был им доволен — он даже приводил Роланда в пример Тедону и Грегору. Пару раз пытался всучить того и другого в помощники Фоксу, чтобы приобщились к государственным делам, надеясь, что с Роландом будет получаться лучше, чем с родным отцом, — но тщетно. Старшие братья Огдена никогда не проявляли интереса именно к работе — лишь к развлечениям. И он не сомневался, что если бы кто-то из них занял престол, то точно скинул бы все государственные задачи на Фокса, а сам занялся бы исключительно увеселениями.

Младший принц мало общался с Роландом все эти годы, что Фокс фактически жил во дворце, а затем и управлял страной вместо заболевшего отца. Но каждое такое общение убеждало Огдена в том, что канцлер — человек достойный. Да, излишне жёсткий, но исключительно преданный короне. И только этот факт каждый раз удерживал Огдена от справедливого вопроса, который давно вертелся на языке и не давал ему покоя...

И сейчас тоже не давал, но спрашивать о подобном вновь было не время.

— Что тебя беспокоит? — поинтересовался Роланд, взял кочергу и перемешал её дрова в камине, чтобы ярче горели. — Я вижу, ты хмуришься.

Фокс был старше на пятнадцать лет, но Огдену порой казалось, что на все пятьдесят.

Роланд не был эмпатом и не мог чувствовать чужие эмоции. Зато он был отличным физиономистом и часто мог сказать что-то о человеке исходя из выражения его лица. Сам же Фокс чаще всего сохранял доброжелательный и спокойный вид — исключением являлись, пожалуй, только их с Огденом встречи с императором Альганны. Но в присутствии императора Арена мало кому удавалось сохранять безмятежное лицо.

— Мы уже говорили на эту тему, Роланд, — вздохнул Огден, делая большой глоток восхитительно вкусного вина. Терпкое и прохладное, оно приятно горчило на языке, раскрываясь фруктовыми нотками. — Принцесса. Принцесса Анастасия, которая приедет сюда примерно через две недели.

— Она всего лишь молодая девушка, Огден, — невозмутимо заметил канцлер и сел рядом со своим королём. — Молодая и симпатичная.

— И она принцесса, племянница императора Арена, — добавил Огден, усмехнувшись. — Здесь не может быть никакого «всего лишь». Я не хочу на ней жениться, но он ведь даже не поставил таким образом вопрос! Император сказал, что Анастасия может передумать и уехать. А я? Я, получается, не могу...

— Не можешь, — в голосе Роланда прорезались стальные нотки. — Ты мужчина, а не безусый юнец. Мы согласились на помощь с переворотом. Ты и сам прекрасно понимаешь, что гвардия короля Фредерика перешла на твою сторону только благодаря вмешательству людей Арена. По закону о престолонаследии корона достаётся либо первому сыну, либо второму, но третий даже не упоминается. Да и Фредерик в своём завещании указал Тедона. Хорошо, что мне хватило ума никому не показывать эту бумагу.

Огден поморщился. Да, если бы кто-то ещё знал о воле короля, кроме канцлера и законника, составлявшего завещание, вопросов у гвардейцев было бы гораздо больше. И Фокс, совершив, по сути, государственную измену, оказал Огдену услугу.

Услугу, за которую и он, и император Альганны требовали только одного — жениться на принцессе Анастасии.

Но Огдену даже думать об этом было тошно.

— Кстати, насчёт третьего сына, — процедил нынешний король, решив отвлечь и себя, и Фокса этим вопросом, — точнее, насчёт первого и второго... Ведь Грегор у нас не второй сын, а третий, верно? А я, получается, четвёртый. Так, Роланд?

Огден резко развернулся к канцлеру, едва не расплескав содержимое бокала, и успел заметить мелькнувшую на губах мужчины усмешку.

— Законный — второй, ваше величество, — ответил Фокс так невозмутимо, будто речь сейчас шла совсем даже не о нём. — А вы — третий. Перед смертью у Фредерика были проблемы с памятью, но считать он, несомненно, умел.

Огдену оставалось лишь промолчать.

Роланд

Ох уж эти принцы... Да и короли не лучше. В сущности, с коронацией ничего не меняется — человек остаётся тем же. У него не увеличивается ни чувство ответственности за свои поступки, ни желание заниматься государственными делами, ни способность работать без продыху. Единственное, что может со временем раздуться, — спесь.

Всё это Роланд уже проходил, и не раз. Сначала — с королём Фредериком, который сообщил ему, что собирается сделать из него канцлера, когда Фоксу было лет семь. Мать пыталась возражать, но когда и кто её слушал? Королю достаточно было сказать, что, если Тилла будет возникать, он быстро уволит её из дворца и сына после этого она больше не увидит, — и мать замолчала. Вздыхала только, когда Роландом распоряжались как его величеству было угодно.

В отличие от своих старших сыновей, Фредерик был ответственным правителем и желал привить эту ответственность и Роланду. Хотя здесь уместнее было бы слово «прибить» — по крайней мере, именно так Фокс ощущал ту настойчивость, с которой его всему обучали. В него просто вбивали знания, умения и возможности. Абсолютно не интересуясь, хочет он этого или нет.

В какой-то момент будущий канцлер, почти умирая над учебником экономики, понял: если не можешь изменить судьбу, научись получать от неё удовольствие. В конце концов, Фредерик не желает ему зла — он хочет воспитать для одного из своих сыновей, для будущего правителя, отличную правую руку. Руку, которая никогда не предаст, скованная самой сильной из клятв — кровной, ещё и родственной. Роланд дал её сам в глубоком детстве, услышав от Фредерика рассказ о том, кто является его отцом. Хитрый король подловил мальчишку на слабости...

Впрочем, и ладно. Стать королём Фокс никогда не желал. Но правление под началом бездельников Тедсона или Грегора его тоже не устраивало. Роланд хотел для Альтаки нормального и ответственного короля, а не этих дурачков, что с малых лет привыкли только к лени и безделью. Как Фредерик умудрился настолько их избаловать, особенно с учётом того, что самого Фокса он муштровал словно гвардейца, — та ещё загадка. Впрочем, Роланд предполагал, что свою очаровательную ручку к подобному сомнительному воспитанию приложила покойная королева. К счастью, эта невыносимо капризная женщина умерла, когда Огдену было полгода, не успев испортить ещё и третьего принца. Тогда положение Фокса стало бы совсем безнадёжным.

У Огдена были амбиции — хотя и не королевские, о троне он не мечтал. Зато он хотел процветания для страны и видел, что ни один из его братьев не потянет управление государством. Честолюбие... Фокс сыграл на его честолюбии. Он и сам был честолюбив, поэтому это было просто.

Если бы только императору Арену не пришлось в голову настаивать на браке с принцессой Анастасией! Да, тогда всё было бы идеально. Но ему пришлось. Роланд понимал Арена — конечно, для дочери предателя лучшим выходом станет переезд в другую страну. Но переезд без свадьбы — ссылка. А племянницу Арена всё же любил, поэтому и облёк свой ультиматум в такие... мягкие рамки. И оставил принцессе возможность отказаться.

Думая об этом, канцлер скрипел зубами. Потому что Огден, до смерти влюблённый в другую девушку, наверняка сделает всё, чтобы Анастасия во дворце надолго не задержалась.

И это будет безумно глупым поступком. Расстраивать принцессу, добиваясь отказа на брак, чтобы Арена был недоволен, — очень по-детски недальновидно.

Поэтому Роланд настоял на том, что поедет за Анастасией в Альганну один. Он надеялся, что сможет расположить принцессу к себе и сделает так, чтобы она не сбежала из дворца сразу после приезда, как только узнает правду. Фокс был в этом заинтересован.

Свадьба с принцессой Анастасией принесёт Огдену много хорошего — недавно коронованный принц и сам это знал. А любовь...

А что любовь? Самое недолговечное чувство в мире. Сегодня есть, завтра нет.

Роланд давно верил только в материнскую любовь, но его матери, к сожалению, уже много лет не было в живых.

Огден

После разговора с канцлером остался неприятный осадок. Так бывает, когда знаешь, что собеседник прав, но отчаянно не хочешь этого признавать.

Фокс был прав, утверждая, что не стоит ссориться с императором Ареном. Но Огден и не собирался делать то, что оскорбило бы Анастасию. Для того, чтобы девушка отказалась

от свадьбы, совсем не обязательно её обижать, разве не так? И Огден надеялся, что сумеет уговорить принцессу не ломать жизнь ни ему, ни себе.

С другой стороны... Он ведь не знаком с Анастасией. Может, она и не хочет выходить замуж по любви. Хотя Огден слышал, что Альго только так и поступают, заключая браки исключительно по причине глубоких чувств к партнёру. Но кто знает... это ведь всего лишь слухи.

Что если принцессу устраивает брак с королём Альтаки? А может, у неё вообще нет выбора, и Арен заявил ей, что она должна согласиться на предложение Огдена в любом случае. Мало ли, что он сказал самому Огдену? Это не более чем слова. А в реальности всё может оказаться совсем иначе.

Тем более что Анастасия — дочь старшего брата императора, Аарона-предателя, как его теперь называют в народе. И так как и сам Аарон, и его жена, и сын умерли, весь негатив обрушивается на Анастасию, как на единственную ближайшую родственницу. Да, она не имела к заговору никакого отношения, об этом много раз и в газетах писали, но разве же людям объяснишь? Нет, конечно. Надо на кого-то злиться, вот и злятся. И долго ещё эта пена не сойдёт.

Так что Анастасия может быть вполне заинтересована в том, чтобы остаться в Альтаке, и плевать на любовь. Вдруг она вообще в неё не верит, как Фокс? Огден даже усмехнулся. Ему было сложно представить юную девушку, которая не верит в любовь. Роланд — другое дело, он взрослый мужчина, многократно разочаровавшийся в отношениях. С ним всё понятно. А вот Анастасия...

Хотя Фокс как-то обмолвился, что после потери отца, матери и брата меньше чем за год принцесса наверняка мечтает обрести дом и родных людей рядом, выйти замуж по любви, родить детей. Неужели не поймёт, что Огден не способен всё это ей дать?..

Он поставил бокал с недопитым вином на столик, встал с дивана и направился к двери. Вышел из своих покоев в коридор, кивнул стражникам и приблизился к покоям напротив. Постучал в дверь, чтобы предупредить Каролину о приходе, и сразу зашёл внутрь.

— Огден! — обрадованно воскликнула девушка, вскочив с постели, на которой сидела и расчёсывала волосы перед сном. Бросила расчёску поверх одеяла и, подбежав к Огдену, легко цокая каблуками туфельек, повисла на его шее, прижимаясь щекой к щеке.

Сердце сразу замерло. Руки словно сами поднялись и сжали в объятиях тонкий стан, обнимая ещё крепче, и губы коснулись мягких кудряшек возле виска.

— Каро... — прошептал Огден с восторженной влюблённостью и улыбнулся — все плохие мысли моментально растворились, отошли в сторону, и захотелось по-настоящему поверить — они с Каролиной всё же смогут пожениться. Обязательно смогут!

— Я так соскучилась, — вздохнула девушка, отстраняясь и заглядывая Огдену в глаза. — Ты весь день пропадал, даже на обед не пришёл. Совсем себя замучаешь!

Каролина всегда беспокоилась за Огдена, особенно если он не ел. До того, как он забрал её к себе во дворец, девушка работала в кондитерской, делала пирожные и конфеты, поэтому, если кто-то пренебрегал едой, начинала переживать.

— Я поел у себя в кабинете, вместе с канцлером. Фокс завтра уезжает, надо было многое обсудить. Поэтому и не смог вырваться к тебе, — ласково произнёс Огден, наклонился и запечатлел на губах Каролины нежный поцелуй. Она с готовностью откликнулась, обвив руками шею возлюбленного, приподнялась на цыпочках и взъерошила волосы на его затылке.

— Он поедет... за ней? — выдохнула с грустью, и Огден кивнул. Каролина сразу помрачнела и отстранилась, кусая губы и глядя на него с искренней обидой.

У неё было право обижаться — Огден отлично это понимал. На тот момент, когда к нему пришёл Фокс и предложил занять трон вместо братьев, Огден уже сделал Каролине предложение. Девушка и свадебное платье начала выбирать.

Но потом последовал ультиматум Арена, и всё изменилось.

— Каро, — сказал Огден серьёзно, — я постараюсь сделать всё, чтобы этого брака не было. Я уже обещал тебе. Ты мне не веришь?

— Верю, — быстро ответила Каролина, блеснув влажными глазами. — Конечно, я верю тебе. Но... не могу не сомневаться. Вдруг она понравится тебе больше, чем я? Всё-таки она принцесса, а я... я всего лишь кондитер, да и маг слабый...

— Ты для меня лучше всех, — уверил её Огден, восхищённо оглядывая девушку. На его взгляд, Каролина была необыкновенной красавицей — он вообще никогда не видел никого прекраснее. Даже Фокс признавал её очаровательность, что было удивительно — чаще всего канцлер казался равнодушным к женской красоте. Но Каролине он порой улыбался, вызывая у Огдена приступы ревности. Впрочем, эти приступы ничем не заканчивались, ибо ничего, кроме тёплых улыбок, Фокс себе всё равно не позволял.

Каролина была очень обаятельной и могла очаровать кого угодно только за пару минут разговора. Так Огден в неё и влюбился — зашёл в кондитерскую, а там она: девушка с искренней улыбкой, милыми ямочками на щеках, чуть выющимися светлыми волосами с рыжеватым оттенком, мягким пухлым ротиком и остреньким носиком с мелкими веснушками на нём. В её светло-голубых глазах так и светилось любопытство, когда Огден в форме охранителя прохаживался вдоль витрин, выбирая сладости, и он не смог с ней не заговорить. А потом и свидание назначил, околдованный чистотой и искренностью этой девушки.

Каролине недавно исполнился двадцать один год, летом она закончила Академию около-магических специальностей, где учились слабые маги, и получила диплом повара-кондитера. Её родители не были богатыми людьми — мать работала поваром в ресторане, отец держал небольшой магазинчик с овощами и фруктами. Узнав, что их дочь встречается с принцем, они были в шоке.

Огден рассказал о своём происхождении не сразу, поэтому не сомневался, что Каролина полюбила его совсем не за родственные связи с королём...

А теперь она даже страдала из-за них — свадьбу пришлось отменить. Нужно было ждать решения принцессы.

— Всё будет хорошо, — вздохнул Огден и, взяв Каролину на руки, понёс к постели. Не дождавшись официального бракосочетания, они начали жить вместе, как муж и жена. Поэтому Огден и поселил Каролину во дворце — ему хотелось, чтобы любимая всегда была рядом. — Я не променяю тебя ни на одну принцессу в мире.

Каролина почти счастливо рассмеялась, но Огдену, несмотря на то, что он принялся жарко целовать её, было беспокойно.

Как воспримет Анастасия тот факт, что во дворце живёт... Ну, наверное, для принцессы Каролина будет являться его любовницей. И неважно, что Огден считает Каролину своей женой. Для Анастасии этот факт может быть оскорблением...

Но отселять Каролину дальше от себя Огден тем не менее не собирался.

Анастасия

За неделю принцессе представили и всю оставшуюся часть свиты. Народу было достаточно, и Анастасия даже не надеялась с первого раза запомнить, как кого зовут.

Из тех людей, кого Анастасия считала более-менее близкими, в Альтаку с ней согласились поехать всего трое. Её служанка Мэл Руди и двое личных охранников. Эти мужчины охраняли Анастасию почти с рождения — семей у них не было, поэтому они решили последовать за принцессой в другую страну. А служанка... она была почти такой же отверженной, как и сама Анастасия.

Мэл Руди, милая блондинка небольшого роста с голубыми глазами и простым лицом, была когда-то служанкой отца Анастасии. У него вообще было много слуг, но после его гибели они почти все уволились. А Мэл некуда было идти. Круглая сирота, выросшая во дворце, она решила остаться, несмотря на косые взгляды и откровенное пренебрежение. В отличие от Анастасии она даже радовалась отъезду, надеясь, что в Альтаке и к ней, и к её принцессе отношение будет менее холодным.

Анастасия боялась надеяться, не желая в дальнейшем разочаровываться. Кроме того, её настораживал тот факт, что приехать за ней должен был лишь канцлер. Разве так поступают с желанными невестами? Вряд ли.

За несколько дней до официального приёма в честь визита канцлера Анастасия начала собирать вещи, делая это вдвоём с Мэл. Других служанок принцесса к процессу не подпускала. Она разбирала платья, складывала книги и украшения и украдкой вздыхала, что не получится взять с собой комнатные растения. У Анастасии была во дворце не комната, а почти оранжерея... И она точно знала, что в Альтаке долго не выдержит без цветов в помещении, где ей предстоит жить.

И вот — наконец настал день, когда должен был прибыть Остин Фокс. Точнее, Остин Роланд Фокс, но Анастасии до сих пор было странно слышать двойное имя — в Альганне такие вещи совсем не практиковались. А ещё ей было любопытно, как канцлер предпочитает, чтобы его называли — Остин или Роланд?

Анастасия отчего-то ожидала увидеть мужчину в глубоком возрасте, возможно, даже седого. И каково же было её удивление, когда император позвал племянницу в кабинет и представил ей Фокса, оказавшегося вполне себе молодым. Да, старше и её, и Огдена, но далеко не старым. По меркам обычных людей — маги всё-таки иначе стареют, — выглядел он лет на тридцать пять-сорок, не больше. И был... весьма своеобразным.

Волосы у канцлера оказались тёмно-русыми, с рыжеватым оттенком. Такие же рыжеватые волоски пробивались и на его щеках, и на подбородке — Фокс был небрит, но это ему даже шло. Его лицо Анастасия сочла красивым, но в отличие от лица Огдена оно не было лишено недостатков — нос длинноват и кривоват, изгибаясь влево чуть сильнее, чем нужно, широкие надбровные дуги низко нависали над глазами, придавая лицу излишнюю суровость, а верхняя губа казалась тонковатой. Да и в целом выглядел этот человек так, словно не слишком часто улыбался.

Но сильнее всего поразили Анастасию глаза Фокса. Они были ярко-зелёными — как майская листва. Очень необычный оттенок, насыщенный и завораживающий, — принцесса даже на мгновение потеряла дар речи, когда канцлер посмотрел на неё в первый раз, а затем, вежливо улыбнувшись уголками губ, почтительно поклонился.

— Добрый вечер, ваше высочество, — произнёс мужчина глубоким и настолько красивым голосом, что у Анастасии мурашки по позвоночнику побежали. Какой баритон! Словно перед ней певец Императорского театра, а вовсе не канцлер Альтаки. — Очень рад вас видеть. В жизни вы ещё красивее, чем на любом магпортрете.

Стало интересно, насколько Фокс правдив, но Анастасия не решилась снимать эмпатический щит, ведь в кабинете императора находились ещё двое мужчин, по-видимому сопровождающие канцлера.

Принцесса улыбнулась в ответ и произнесла:

— Спасибо, айл Фокс. Мне тоже приятно с вами познакомиться.

— Вы можете звать меня Роландом, ваше высочество, — тут же откликнулся мужчина, выпрямляясь. Взгляд его зелёных глаз был спокойным и доброжелательным, и Анастасии даже захотелось вздохнуть с облегчением. В последнее время подобным образом на неё смотрели лишь несколько человек из числа родственников или ближайших слуг. Остальные либо отводили глаза, либо были подчёркнуто холодны. — Если вам будет угодно, разумеется.

Что ж, а вот и ответ на вопрос, что терзал Анастасию — какое имя предпочитает Фокс. Видимо, второе.

И принцесса не удержалась, поинтересовавшись:

— А почему Роланд? Ведь ваше первое имя — Остин. Вам не нравится, как оно звучит? Фокс успел только рот открыть, когда вместо него ответил император:

— Анастасия, это не слишком вежливый вопрос.

Голос дяди Арена звучал подчёркнуто прохладно, и принцесса, внезапно опомнившись, поспешно извинилась перед канцлером. Невольно скосила глаза, посмотрев на двоих мужчин, что его сопровождали, — и едва не улыбнулась, заметив, с каким любопытством они её рассматривают. А через мгновение — и с восхищением.

Стало приятно. Да, ради этой встречи Анастасия ушла из оранжереи пораньше, чтобы успеть сменить рабочий костюм на красивое платье — светло-голубое, с вышивкой на ткани, длинными рукавами и жемчужной отделкой в области декольте. Мэл и причёску ей сделала, заколов волосы на затылке так, что оставалась видна длинная белая шея. «Вы как лебедь!» — восхищалась служанка, пока прикрепляла к волосам Анастасии живые цветы — нежно-розовые водяные лилии.

— Я могу ответить, если её высочеству интересно, — произнёс канцлер, когда Анастасия перестала извиняться и немного сконфуженно замолчала. — По традиции незаконнорождённым в Альтате дают двойное имя: первое придумывает отец, второе — мать. Подобное призвано показывать, что родители ребёнка не являются супругами и не могут договориться. Я намного сильнее любил свою мать, поэтому предпочитаю имя Роланд. Но если вам больше нравится другой вариант, то я не против, принцесса. Вы вольны называть меня как угодно, — заключил Фокс и, вновь едва уловимо улыбнувшись, второй раз почтительно поклонился.

Анастасия почувствовала, что непроизвольно заливается краской, причём сама не понимала почему. А император между тем рассмеялся:

— И всё же вас не зря называют Лисом, Фокс.

— Согласен, ваше величество, — с иронией откликнулся канцлер Альтаки. — При дворе умеют выбирать прозвища.

Роланд

Принцесса была красивой — аж глаза слепило. Куда до неё Каролине Эркур, бывшей невесте Огдена. Хотя Каролина тоже была очаровательной девушкой, очень приятной и нежной, ещё и непосредственной, что особенно нравилось Фоксу — он любил искренних людей. Но Анастасия...

Синие глаза, светлые волосы — почти снежно-белые, какие-то неземные, — изящная шея, манящие розовые губы... Величественная птица — белый лебедь, не иначе. Неужели Огден не сможет полюбить такую девушку? Да ерунда.

Даже у Роланда в сердце что-то дрогнуло, когда он посмотрел на прекрасную Анастасию. Совершенная красота. Зимняя, но отчего-то тёплая. Как яркое солнце и голубое небо в морозный день — и холодно, и жарко одновременно.

Первая встреча в присутствии императора и двоих безопасников, которых Роланд взял с собой в Альтанну, была нужна всего лишь для знакомства с принцессой — официальное мероприятие с танцами и представлением друг другу намечалось на завтрашний вечер. Но император хотел, чтобы вначале Анастасия и канцлер познакомились в неформальной обстановке.

— Моя племянница — довольно-таки простая девочка, — объяснял он своё решение. — Совсем не избалованная. Для неё знакомство с вами непосредственно на приёме в честь вашего приезда и официальной помолвки с Огденом станет стрессом. А она и так в нём находится со дня смерти моего брата. Поэтому сначала я всё же вас представляю.

Фокс не возражал. Он вообще собирался сделать по максимуму для комфорта принцессы. Тем более что Огден желал совершить обратное. Кто-то же должен уравнивать?

В присутствии Арена — единственного человека в мире, который способен был вызвать у Роланда замешательство, если не сказать страх, — беседовать с принцессой было не слишком удобно, но кто он такой, чтобы высказывать недовольство? И Фокс, сидя на диване в кабинете его величества, старался не обращать внимания на испытующий взгляд императора — иначе терял нить повествования. А Анастасия задавала вопросы. О королевском замке, в котором ей предстоит жить, о том, будет ли ей позволено работать в саду или это считается неприличным, о столице Альтаки — Мальтеране, — красивейшем городе на свете, как считал Роланд. В глазах канцлера даже Граага не могла затмить его.

Роланду нравилось, с каким искренним интересом слушала эти рассказы Анастасия. Она действительно производила впечатление неизбалованной девушки, хотя Фоксу это было странно. Он слишком хорошо помнил сыновей Фредерика, да и не только — при дворе несколько лет назад жила сестра короля и две её дочери. И своей капризностью вкупе со взрывным темпераментом они сводили канцлера с ума. Особенно девушки, которые, кажется, решили устроить соревнование в стиле «кто быстрее доведёт Роланда до трясучки». Хорошо, что обе сестрички вышли замуж и уехали, а их мать умерла незадолго до кончины Фредерика.

Да, в Анастасии не было ни капризности, ни заносчивости, ни спеси. Хорошая девушка. Пожалуй, даже слишком хорошая для дочери Аарона. Хотя... брат императора ведь тоже был демонски обаятельной личностью, он производил приятное впечатление на окружающих. Улыбчивый и артистичный, он умел расположить к себе собеседника. Фокс видел его всего несколько раз в жизни, но каждый раз поражался удивительному контрасту между строгим, неулыбчивым и словно даже каким-то замороженным Ареном — и его старшим братом, необыкновенно живым и харизматичным.

Значит, Аарон хорошо умел притворяться, раз никто не догадался, что он стоит во главе заговора против императора. Может, Анастасия тоже умеет? И строит из себя милашку, а сама — такая же змея.

Странно: Роланду вроде не должно быть никакого дела до настоящего характера принцессы, однако отчего-то при мысли о притворстве стало неприятно. Как будто протянул руку, чтобы погладить милого котёнка, а тот ощерился и тяпнул тебя острыми зубками за палец.

После того, как её высочество, попрощавшись с Фоксом и его помощниками, удалилась, император попросил покинуть кабинет и всех остальных, кроме Роланда. И когда мужчины послушно вышли, поинтересовался, глядя на канцлера с острой внимательностью:

— Огден не слишком желает этого союза, верно?

Да, было чересчур наивно думать, будто Арен не догадается, отчего Роланд приехал в Альганну один.

— Пока это так, ваше величество, — честно ответил Фокс, кивнув. Врать императору? Нет. Умолчать можно, но не лгать. — Однако я надеюсь, что со временем это пройдёт. Её высочество Анастасия — прекрасная девушка.

— Согласен. И тем не менее полюбить по приказу невозможно, — произнёс Арен, задумчиво прищурившись. И не успел Роланд ответить, что любить никто и не требует, как император сменил тему: — Что со старшими братьями Огдена? Я помню, что их отправили в королевскую резиденцию в другом городе. Но насколько долго они там просидят?

Для канцлера это была большая тема. Даже ещё большее, чем наличие Каролины напротив покоев Огдена. Подобное, разумеется, не понравится Анастасии, но шанс разрулить ситуацию пока был — если принцесса столь же адекватна и понятлива, какой показалась Роланду нынешним вечером.

А вот тот факт, что Тедон и Грегор остались в живых...

— Обоих охраняют, ваше величество. Обоим запрещено покидать пределы города, куда их отправили. Я несколько раз в день разговариваю с начальником стражи — пока и Теден, и Грегор не выходят из замка, только пьют и бьют посуду. Тот факт, что гвардия перешла на сторону Огдена и переворот был осуществлён легко и просто, здорово ударил по их психике.

— Слишком легко, — подчеркнул Арен. — И это настораживает.

В этом канцлер был с ним солидарен. Он тоже ожидал большего сопротивления. Однако в ночь смерти Фредерика они с Огденом просто вызвали из Альганни людей Арена, затем пригласили в большой дворцовый зал собраний всех министров, советников и начальника королевской гвардии и объявили им о поддержке кандидатуры Огдена императором соседней страны и будущей помолвке с Анастасией. Возражать и уж тем более сопротивляться никто не стал, не желая идти против Арена. Вот так буквально через час после смерти короля Фредерика его старшие сыновья были задержаны и был осуществлён самый короткий в истории Альтаки государственный переворот.

— Да, ваше величество, вы правы, — уважительно кивнул Роланд. — Мне тоже порой кажется, что Теден и Грегор затаились и выжидают. Первоначально решили, что не смогут победить, тем более что тогда они открыто враждовали. Но теперь могли и договориться. Слишком уж показательно они пьют и бьют посуду.

Император усмехнулся.

— Смотрите в оба, Фокс, — подытожил он привычно жёстким тоном. — Эти мальчишки, по-моему, не слишком хорошо представляют, с кем связались. Если мне понадобится, от династии Фредерика останется один семейный склеп. Вы давно взялись их воспитывать — не разочаруйте меня, канцлер.

В душе у Роланда взметнулось раздражение, но он быстро его погасил.

— Да, ваше величество, — ответил прохладно.

К чему спорить? В конце концов, так он и собирается сделать.

Глава третья

Анастасия

Дворцовые балы принцесса не слишком любила и поэтому всегда старалась их избегать. Причина была проста, как школьная программа по биологии: по сравнению с остальными ближайшими родственниками Анастасия неважно танцевала. Нет, разумеется, неуклюжей её высочество не была, но, наблюдая за тем, как грациозно получается двигаться у дяди, отца или брата, она начинала стыдиться собственной деревянности. В момент танца Анастасия ощущала себя так, будто ей вставляли палку в позвоночник, лишая желанной гибкости.

Ситуацию многократно пытались исправить — принцессе нанимали лучших учителей, да и брат старался научить Анастасию не зажиматься в танце. Но увы, ничего не получалось. Да, технически все её движения казались безупречными, но в них не чувствовалось лёгкости и свободы. Анастасия словно танцевала из-под той самой палки, которая так и торчала в её позвоночнике.

Поэтому перед приёмом в честь официального визита делегации из Альтаки принцесса переживала. Чтобы её поведение не сочли пренебрежительным, Анастасии следовало потанцевать хотя бы трижды, причём один раз — с канцлером.

Глядя накануне на Остина Роланда Фокса, она отчего-то совсем не сомневалась — этот человек всё делает идеально, почти как её дядя. И уж тем более он идеально танцует. Не хотелось его разочаровывать — ведь вчера канцлер смотрел на неё с таким восхищением... Каково будет ему узнать, что Анастасия в танце похожа на заводную игрушку?

— Не переживайте, ваше высочество, — говорила Мэл, застёгивая на принцессе нежно-розовое платье. По правилам, на официальных приёмах император мог носить только бело-золотое, императрица — то же самое и голубое. Первые наследники появлялись в ало-золотом или синем. Остальные цвета были в распоряжении Анастасии — первой наследницей она не являлась из-за посредственной для Альго силы дара, — и принцесса выбрала красивейшее бледно-розовое платье. Несколько слоёв ткани — внизу более яркая, а сверху совсем бледно-розовая и прозрачная органза, — с пышной юбкой, длинными рукавами и с лифом, усыпанным мелким речным жемчугом. Спина была полностью закрытой, а вот спереди имелся вырез, скромно обнажающий верхнюю часть груди. — У вас всё получится!

— Ты же знаешь, что я не мастер по танцам, — грустно улыбнулась Анастасия, рассматривая своё отражение. Сегодня Мэл не заколола ей волосы на затылке, а распустила, убрав лишь часть из них, чтобы не лезли в глаза. И украсила причёску тонкой диадемой из золота с розовыми бриллиантами. — Мягко говоря.

— Я не видела, как вы танцуете, но помню, что по этому поводу говорил... — Мэл запнулась, но всё же продолжила: — ...ваш брат. «Ноги не отдавит, а всё остальное ерунда».

— Да, — вздохнула Анастасия. Сердце кольнуло тоской по Адриану. Несмотря на его не самый приятный характер, брата она любила. И когда выяснилось, что и он тоже был предателем...

Было больно. Уже привычно больно — после того, как дядя Арен убил её отца, а потом таинственно и быстро умерла мама, Анастасия не могла плакать. В первый раз, когда она узнала об участии в заговоре отца, ей было невыносимо и жутко, и позже, когда выяснилось, что мать Анастасии хотела убить семилетнюю дочь Арена, принцессу накрыло запредельной болью. Она тогда ничего не могла делать — так ей было плохо. И, видимо, перегорело...

Предательство и гибель Адриана уже не воспринимались настолько остро. Во-первых, потому что до этого Анастасия несколько месяцев не видела брата — он сбежал из столицы и где-то скрывался. Где она даже не знала. А во-вторых...

Анастасия не поверила в его вину. Она знала Адриана едва ли хуже себя самой, поэтому легенду о том, что именно его их отец оставил в качестве лидера заговора второй волны, восприняла как детскую сказку, которую интересно послушать, но даже в голову не придёт, что она может быть правдивой.

Нет, не мог Адриан быть во главе заговора. Не мог планировать убийство Агаты и собираться убить императора посреди театра. Он был безалаберным, вспыльчивым и порой трусливым молодым человеком, но не предателем. И он скорее полез бы на дядю Арена с кулаками, чем стал бы плести паутину за его спиной, как их отец.

Но вместе с Адрианом погиб муж тётки Анны... И, конечно, обвинить в предательстве сына предателя было гораздо выгоднее, чем очернять память человека, которого любила сестра императора. Да, Анастасия была уверена: вину Адриана придумали, чтобы не травмировать тётку Анну, которой и так было тяжело после смерти мужа. И Анастасия даже никого не осуждала...

Просто надеялась, что неправдой в этой истории является не только легенда о вине брата Адриана, но и весть о его трагической гибели.

По сравнению с тем, какой приём устраивался во дворце на День перемены года, нынешний был скромным. В конце декабря во дворец стекалась чуть ли не половина столичной аристократии, да и кое-кто не из столицы тоже являлся. Не танцевать во время таких приёмов было бы совсем странным, поэтому Анастасия чаще всего предпочитала дворцовым увеселениям более скромные посиделки с бывшими однокурсниками. Их университетская группа была дружной и до сих пор встречалась раз в несколько месяцев. Правда, последний год Анастасию на эти посиделки не приглашали...

Большой зал, в котором всегда устраивались дворцовые балы, был торжественно, но скромно украшен — и сервиз взяли подешевле, и скатерти на столы положили не самые вычурные. Хотя магические светильники традиционно парили в воздухе, да и полы натёрли так, что они сверкали — и в них, как в зеркале, отражалось всё происходящее в зале.

Стол с закусками обычно стояли сбоку, возле одной из стен, чтобы не мешать танцам; возле другой — была небольшая сцена для музыкантов, на которой сейчас стоял маленький оркестр. Он играл и в эту минуту, когда Анастасия только вошла в зал, но мелодия не была танцевальной — просто фон для бесед.

Толком приглядеться к окружающей обстановке у Анастасии не получилось — как только она отошла от входа и принялась приветливо кивать присутствующим, сбоку к ней подошёл канцлер.

— Добрый вечер, ваше высочество, — произнёс он, подставляя ей локоть. — На сегодня я назначен вашим кавалером.

Роланд

В Альганне ко многому относились гораздо проще. В Альтаке принцессе не позволили бы появиться в зале без громкого оповещения распорядителя бала, да и без спутника тоже. У соседей — это канцлер знал точно — подобные правила соблюдались лишь на праздновании Дня перемены года, а на приёмах в честь чьих-либо приездов, помолвки или рождения наследника — нет. Приглашённые просто заходили в зал — кто-то парами, кто-то в одиночестве, — общались, при желании могли взять со стола что-нибудь выпить или поесть, а после

начинались танцы. Это напоминало скорее вечеринки в богатом, но обычном доме, чем бал во дворце. Но, по правде говоря, Роланду так даже больше нравилось.

Анастасия, вошедшая в зал не под руку с сопровождающим, выглядела слегка потерянной, и он поспешил это исправить. Соврал, разумеется: никто его никем не назначал, да и вообще Роланд сегодня ещё не видел императора — у его величества расписание было забито под завязку, попробуй пробейся. И на приёме Арена пока не было, только его супруга с милой улыбкой беседовала с остальными членами делегации, стоя возле накрытых столов.

— Хотите что-нибудь выпить? — поинтересовался Фокс у Анастасии, которая слегка порозовела, принимая его руку. — Заодно познакомлю вас со своими подчинёнными. Вон они стоят, рядом с её величеством.

Анастасия кивнула.

— Да, конечно. Я с радостью познакомлюсь с вашими спутниками.

Роланд повёл принцессу к столу, про себя думая о том, насколько же зажатой порой выглядит эта прекрасная девушка. Хотя, скорее всего, подобное поведение всего лишь последствие смерти родственников: потерять и отца, и мать, и брата меньше чем за год — это не шутка. Неудивительно, что Анастасия так напряжена.

Хотя выглядела она просто чудесно — очень юной и свежей. Рядом с принцессой Фокс даже поневоле начал ощущать себя каким-то чересчур старым, циничным и мрачным — как пожилой ворон рядом с молодой лебедью. Тем более что Роланд всегда ходил только в чёрном.

Предполагая, что Анастасию отпустят в Альтаку с большой свитой, Фокс взял с собой только четверых сопровождающих. Все они были прекрасными специалистами в области безопасности, которая была приоритетной в этом мероприятии по доставке принцессы из Альганны в Альтаку. Поэтому больше никого с собой Роланд не брал, даже слуг. Он же не барышня — одеваться мог и сам. Все его чёрные камзолы — и тем более брюки — застёгивались исключительно спереди. Вот платье у Анастасии точно застёгивалось сзади — и Фокс, ведя принцессу к столу, отчего-то представил, каково будет расстёгивать его... И едва уловимо мотнул головой: нельзя допускать подобных мыслей по отношению к этой девушке. Если она не выйдет за Огдена, то просто уедет обратно домой, и всё. С Роландом уж точно у Анастасии ничего не может быть, кроме уважительного сотрудничества. Не того он полёта птица.

Подойдя к своим сотрудникам, Фокс представил принцессе двоих оставшихся — тех, что были вчера в кабинете императора, она уже знала, — и дальше разговор потёк своим чередом, постоянно направляемый опытейшим из всех возможных «дирижёром» — императрицей. Эта женщина всегда казалась Роланду мастером в ведении бесед ни о чём: погода, литература, художники, театральные и цирковые представления. Но удивительно, что скучно никогда не было — её величество Виктория живо вела разговор, никого не обделяя вниманием. И легко втянула в него Анастасию.

Принцесса оживилась в этой беседе — глаза засверкали, щёки заалели, и Анастасия стала настолько хорошенькой, что Роланд не мог оторвать взгляд от неё. И не сомневался, что остальные тоже, — подобной юной непосредственной красотой сложно не очароваться. Хорошо, что в столицу Альганны он взял не самых молодых специалистов министерства безопасности. Во-первых, потому что они были более опытными, а во-вторых — чтобы избежать сердечных привязанностей. Молодая и прелестная Анастасия обязательно бы тронула чьё-нибудь сердце.

«Достаточно и того, что она тронула моё», — подумал Роланд и беззвучно усмехнулся.

В зале внезапно стало тише, и императрица, в это мгновение рассказывающая о новом главном режиссёре и директоре Императорского театра, замолчала, а потом улыбнулась, кивая кому-то за плечом Фокса.

Он обернулся и сразу заметил императора, который стремительно шёл от двери к их компании. Арен нисколько не улыбался, и если бы Роланд не знал, что он такой всегда, подумал бы, что чем-то провинился — настолько холодными казались глаза его величества.

— Добрый вечер, — поздоровался император, вставая рядом с супругой. Она моментально и естественно взялась за его подставленный локоть. — Прошу прощения за опоздание, у меня сегодня по расписанию финансовый комитет, а они даже демона способны утомить своими цифрами.

— Ничего страшного, ваше величество, мы прекрасно провели время, — вежливо ответил Роланд и непроизвольно внутренне сжался, когда Арен бросил краткий ледяной взгляд на руку Анастасии, что лежала на предплечье канцлера. — Её величество любезно развлекла нас познавательной беседой.

— Благодарю, — произнёс император, посмотрев на супругу действительно с благодарностью. — Что ж, канцлер, пойдёмте. И Анастасия тоже. Нам следует объявить о договорённости между мной и Огденом. Пока о ней не писали в газетах, но завтра с утра напишут — в зале навалом представителей от комитета культуры.

Роланд ощутил, как ладонь Анастасии чуть дрогнула и пальцы сжались сильнее. Нервничает...

Император отправился в центр зала, и канцлер последовал за ним, ведя за собой под руку и принцессу. Её очаровательный румянец и искренняя улыбка исчезли с лица, будто их кто-то платком стёр, и теперь Анастасия выглядела холодной и слегка надменной. Но отчего-то Фокс отлично понимал, что это всего лишь маска, не более.

Наверное, именно этот факт и заставил его тихо сказать, наклонившись к уху принцессы:

— Не волнуйтесь, ваше высочество. Я на вашей стороне.

Анастасия

«На вашей стороне»...

Очень хотелось остановиться и поинтересоваться: а что это, собственно, значит? Какая у неё сторона? Было бы любопытно услышать ответ, поскольку Анастасия и сама не знала, где сейчас её сторона. Точнее — её место. Последние месяцы она умудрялась ощущать себя чужой даже работая в оранжерее, не говоря уже о других местах. И это несмотря на то, что все ближайшие родственники ни в чём её не винили.

Да, и дядя Арен, и его жена, и тётя Анна, и дядя Арчибальд с его невестой — все были добры к Анастасии. Но, когда они с ней разговаривали, она всегда чувствовала их позорную для себя жалость. И не знала, что с этим делать. Что она должна предпринять, чтобы её родные перестали видеть в ней дочь и сестру предателей?..

Так что попытка Остина Роланда Фокса её поддержать сейчас не имела никакого смысла. Кроме чисто человеческого. Да, Анастасия понятия не имела, что чувствует к ней этот мужчина — эмпатический щит она по-прежнему удерживала на месте, — но была благодарна канцлеру хотя бы за желание приободрить её. Это дорогого стоило.

Император, в полной тишине остановившись в центре огромного зала, подождал, когда рядом встанут и Фокс с Анастасией, и поведал, усилив свой голос при помощи магии:

— Добрый вечер всем присутствующим! Как вы уже, я надеюсь, поняли, нынешнее мероприятие приурочено не только к визиту уважаемого канцлера Альтаки и его коллег. У нас есть для вас новости. Несколько месяцев назад я и принц Огден договорились, что в случае, если он займёт трон Альтаки, в Мальтеран приедет моя племянница Анастасия. Она отправляется туда в качестве невесты теперь уже его величества Огдена.

По залу пошёл лёгкий шёпот, но принцесса из-за того, что слишком нервничала, не могла понять — это шёпот одобрения или наоборот?

— Помолвка Анастасии и его величества Огдена будет длиться столько времени, сколько захочет моя племянница. По истечению этого времени она вольна согласиться на это предложение и стать женой его величества Огдена или не согласиться и вернуться в Альганну. В Аль-

таку Анастасия отправится послезавтра, в сопровождении канцлера и его людей. Ну а пока...
— Император чуть наклонил голову и впервые за вечер улыбнулся. Кратко и почти неуловимо.
— Отдыхайте. Музыка!

Не успела Анастасия опомниться, как молчавший до этого оркестр грянул знакомую ненавистную мелодию традиционного для открытия бала танца — вальсона, — и канцлер, осторожно развернув принцессу лицом к себе, поинтересовался, заглядывая ей в глаза со спокойным достоинством:

— Я могу пригласить вас, ваше высочество?

Безумно хотелось ответить: «Нет!» — но это было бы позорно. Поэтому Анастасия лишь обречённо вздохнула и прошелестела:

— Разумеется, канцлер.

Роланд

К его удивлению, принцесса танцевала... нет, не то чтобы нехорошо — скорее посредственно. Фокс ожидал, что она, наоборот, будет блистать в танце — всё-таки принцесса, привлекательная юная девушка, она должна быть гибкой и подвижной, разве нет? Но Анастасия не была. Она танцевала исключительно технично, не наступала на ноги, не сбивалась с такта, не путала движения. Но настолько равнодушно, что после первой же минуты танца Роланду стало ясно — танцевать Анастасия не любила.

Он невольно вспомнил Каролину — та, наоборот, искренне обожала танцы, да и вообще праздники и всё, что к ним относилось. Подвижные игры, спектакли, музыку, всяческие развлечения. Второй месяц пребывая во дворце абсолютно без дела, Каролина страдала только из-за того, что редко видит Огдена, а в остальном — наслаждалась жизнью.

И почему-то Фокс не сомневался, что от подобного времяпрепровождения Анастасия затосковала бы через сутки, а то и быстрее. Нашла бы где-нибудь садовые принадлежности и отправилась на улицу — копать в земле и сажать цветы. Или чем она там занимается в своей оранжерее?

— Знаете, а я ни разу не был в оранжерее, — выпалил невольно Роланд, сам не до конца понимая, зачем говорит это сейчас.

Анастасия, сосредоточенно танцуя, и не стремилась заводить диалог, но его слова слышала и посмотрела на канцлера с искренним удивлением.

— Да, как-то не довелось. Я каждый раз приезжал к императору исключительно по делам, а потом сразу отправлялся домой. Даже на приёмы, подобные этому, оставался крайне редко. Не хотелось тратить время.

— Вы сейчас говорите почти как мой дядя, — улыбнулась Анастасия и поправилась: — Я имею в виду его величество. Его тоже не радует перспектива веселиться, если можно плодотворно поработать. Мне кажется, он и не спал бы, если бы этого не требовал организм.

Фокс хмыкнул — подобное было ему хорошо знакомо.

— Покажите мне оранжерею, ваше высочество?

— Сейчас? — Принцесса подняла тонкие светлые брови.

— Нет, конечно, сейчас уже слишком поздно. Да и будет невежливо, если мы с вами уйдём с приёма. А вот завтра я бы с удовольствием сходил туда.

— Хорошо, сходим, — кивнула Анастасия, и Роланд, немного помолчав, склонился чуть ниже и произнёс девушке на ухо:

— Во время беседы вы расслабляетесь и танцуете более непринуждённо.

Наверное, зря он это сделал — её высочество моментально напряглась. Впрочем, вальсон всё равно закончился, музыка на мгновение стихла — а затем вновь продолжилась, но мелодия

была уже другая, более подвижная. И прежде, чем Роланд успел что-либо сказать, Анастасия предложила:

— Вы не против немного перекусить, канцлер?

— Конечно, ваше высочество, — покладисто согласился Фокс и повёл принцессу к столам, лавируя между вновь начавшими танцевать гостями приёма.

За столами пока почти никто не сидел — всё-таки вечер только начался, и приглашённые в основном стремились танцевать, а уже потом — за еду. Роланд и сам не стал бы приближаться к закускам, если бы не просьба принцессы. Правда, он был уверен, что Анастасия куда сильнее хочет избежать танцев, чем действительно ощущает чувство голода.

Пока шли к столам, Фокс несколько раз кивнул своим сотрудникам, которые тоже были в числе танцующих, показывая им, что срываться и бежать никуда не надо — с принцессой он и сам справится. Во дворце Арена Анастасии точно ничего не грозило.

Её высочество опустилась на один из бордовых пуфов, канцлер сел рядом, и к ним тут же подскочил один из слуг, принялся ухаживать — наливать напитки, подавать закуски. Анастасия, вопреки своим словам, почти ничего не положила в тарелку — чуть-чуть салата и тарелочку с какой-то причудливой начинкой. А когда слуга поклонился и отошёл, заинтересовалась у Роланда:

— А почему вы не танцуете, канцлер? Если хотите, я вас отпускаю.

— Видите ли, ваше высочество, — ответил Фокс с улыбкой, — то, что я умею танцевать, не означает, что я это люблю. Так бывает — порой мы что-то умеем, но не любим, а порой наоборот — любим, но не умеем. Например, его величество Фредерик очень любил играть на пианино, даже я бы сказал — обожал. Но, когда он это делал, лично у меня уши в трубочку сворачивались.

Анастасия засмеялась и слегка порозовела, глядя в тарелку. Она ковыряла вилкой салат, будто никак не могла выбрать, какую его часть положить себе в рот.

— Отчего же вы не едите, ваше высочество? — осторожно уточнил Роланд. — Невкусно?

— Вряд ли еда здесь может быть невкусной. — Девушка подняла глаза и посмотрела на Фокса со смущённой улыбкой. — Я просто помню, что мне нужно потанцевать ещё как минимум дважды... Я и так не слишком хороша в этом, а если ещё и поем...

— Не думаю, что кто-то обидится, если вы больше не станете танцевать, — усмехнулся канцлер, глядя в синие глаза Анастасии. Удивительный оттенок... Нежный и глубокий. Когда принцесса смотрела на Роланда, он чувствовал себя не взрослым мужчиной, а мальчишкой, неожиданно нашедшим посреди выжженного поля цветущую белую лилию. — Да и вряд ли кто-то считает, сколько раз вы это сделали, ваше высочество. Кроме того... послезавтра вы уедете. Не всё ли равно?

— Возможно, вы правы, — негромко ответила Анастасия, замороженно изучая лицо Роланда. — У вас...

Она запнулась и сильнее покраснела.

— Что такое? — встревожился канцлер, невольно коснувшись руки девушки. Ладонь была приятно прохладной, и пальцы дрогнули, отзываясь на прикосновение. — Я чем-то обидел вас, принцесса?

— Ну что вы, — почти прошептала Анастасия, по-прежнему алея щеками. — Я просто обратила внимание на ваши глаза.

— А что с ними? — не понял Роланд.

— Они ярко-зелёные. Я такого цвета глаз никогда не видела.

— А-а-а, — засмеялся мужчина. — Я унаследовал этот цвет от матери. Она была рыжей, гораздо рыжее, чем я, и зеленоглазой. У неё была очень яркая красота, никакими серыми платьями не скрыть.

— А вы... больше похожи на неё или на своего... отца?

Анастасия спросила это робко, с опаской, явно сомневаясь в приличности вопроса. И правильно сомневалась — в Альтаке считалось крайне неприличным спрашивать у носителя двойного имени, кем были его родители, особенно отец, и на кого из них человек сильнее похож. Все старательно делали вид, что им до этого нет никакого дела.

Происхождение Роланда заботило многих, а некоторые — например, Огден — о нём явно догадывались. Но законы Альтаки были неумолимы — незаконнорождённым детям запрещалось жениться и уж тем более восходить на престол. На сторону Остина Роланда Фокса никогда в жизни не встала бы королевская гвардия, не помогло бы даже вмешательство Арена. Поэтому тех, кто догадывался о том, кем канцлеру приходился покойный король Фредерик, не слишком беспокоил этот вопрос.

Прав у Фокса, несмотря на должность и богатство, было даже меньше, чем у не-аристократов в Альганне.

— На отца я вообще не похож. Я пошёл в деда со стороны матери, по крайней мере, если верить её словам, — он умер за несколько лет до моего рождения, — ответил Роланд вежливо.

Он немного соврал — пара родинок на теле точно принадлежала генам Фредерика, да и характер, пожалуй... Мать была мягкой и безвольной женщиной. Она даже не пыталась вырваться из-под гнёта своего любовника, да и не использовала никогда собственное положение как причину для того, чтобы хотя бы перестать работать на кухне. Ей там нравилось — и этим всё сказано. Фредерик её даже немного презирал за подобный характер... Но Роланд — нет. Он свою мать очень любил и ни в чём не обвинял.

— Дед был конюхом, принцесса. А мама работала на кухне, отвечала за нарезку овощей и фруктов.

— Достойный труд, — откликнулась Анастасия, чуть поджав губы, и взглянула на канцлера с вызовом. — Ничуть не хуже, чем работать на земле, сажая цветы и растения, как это делаю я.

— Согласен, — ответил Роланд, улыбнувшись, и его сердце при этом дико забилось, затрепыхалось в груди, посылая волны тепла по всему телу.

Наверное, потому что ни одна девушка в Альтаке не отреагировала бы подобным образом на то, кем являлись ближайшие родственники канцлера. А уж его двойное имя и вовсе вызывало оторопь. Все девушки мечтают о семье, а узнав, что твой собеседник не сможет им её дать, меняли своё отношение к Роланду как по щелчку пальцев.

Какая уж там любовь.

Анастасия

Тот факт, что общество в Альтаке удивительным образом гораздо более социально структурировано, чем даже в Альганне, всегда поражал принцессу до глубины души. В её стране существовала аристократия, нетитулованные маги и обычные люди — и всё. Аристократам было запрещено жениться или выходить замуж за всех остальных, нетитулованные вполне могли связать свою жизнь и с обычными людьми без магии, но делали это редко — слишком велика была разница в мировоззрении, да и жили маги почти в два раза дольше, и старели иначе. А вот аристократия и нетитулованные не слишком отличались между собой — и этот конфликт едва не привёл к гражданской войне.

Давным-давно магия была привилегией аристократии, но с течением времени одарённые дети стали рождаться и у обычных людей. Так появились нетитулованные маги, не-аристократы, которые, в отличие от аристократов, не имели множества социальных благ и обязаны были платить налог на дар от рождения до самой смерти. При этом по величине дара такие маги могли быть и очень сильными, единственным отличием было отсутствие родовой магии — направленного кровного дара. Аристократы получали его от рождения. У одних это

был дар создавать ветер, у других — замораживать воду, у третьих — усиливать рост растений. Этот дар не зависел от силы мага, содержащейся в энергетическом контуре, он существовал отдельно и считался переходящим по крови. Вот у представителей не-аристократии его не было.

Попытка императора Арена изменить подобную социальную несправедливость и переписать закон о титулах, внося в него право заключать браки между всеми людьми, и неважно, одарённые они или нет, едва не стоила ему жизни. Именно против этого закона и выступал отец Анастасии, его высочество Аарон, старший брат императора. И не только он — многие аристократы.

Что же сама Анастасия? В то время, до гибели отца, она не вникала в политику. Она считала, что дядя лучше знает, как править страной. Училась, защитила магистерскую работу, работала в оранжерее и не думала ни о каких законах. Ей самой всегда было безразлично, аристократ перед ней или нет. Ну... почти безразлично. Всё-таки безответная влюблённость в нетитулованного мага давала о себе знать — Анастасии было обидно, что она не сможет выйти замуж за не-аристократа. Но и только.

В Альтаке же всё было не так. Там вообще не существовало родовой магии, только традиционная. И жители этой страны выбирали себе спутника или спутницу жизни не только по силе дара, но и по роду занятий. Например, государственные служащие не слишком желали жениться на кухарке, а супругой крестьянина вряд ли стала бы школьная учительница. Социальное неравенство в Альтаке не просто прорастало — оно цвело и пахло, и запах этот Анастасии не нравился.

Конечно, она понимала, что канцлер, даже несмотря на свой статус второго человека королевства, — жених незавидный. И не только по причине кухарки-матери — его богатство могло бы скрасить сей постыдный недостаток. Но ведь Фокс — незаконнорождённый, а к таким людям в Альтаке относились пренебрежительно. Им по закону нельзя было жениться, а если они заводили детей, это каралось большим штрафом. Какая-то несусветная глупость... Даже глупее традиций в Альтанне, как думалось Анастасии.

Ей очень хотелось спросить у канцлера, как он сам относится к своей невозможности завести семью, но она молча прикусила язык. Вот уж точно совсем неприличный вопрос!..

— Разрешите пригласить вас на танец, ваше высочество? — раздался неожиданно голос позади, прервав мысли Анастасии, и девушка, вздрогнув, обернулась.

Перед ней и канцлером, вытянувшись в струнку, стоял артефактор из её свиты, Риан Ортего. Тот самый человек, о котором император сказал, что доверяет ему.

Роланд, до сих пор не отпустивший руку принцессы, осторожно погладил ладонь девушки, и Анастасия поняла, что он желает этим сказать. «Делайте, что хотите, я в любом случае вас поддержу».

Она бы отказалась, пожалуй. Но этот Ортего вызывал у неё приступы безудержного любопытства.

— Разрешаю, — кивнула Анастасия, приняла протянутую ладонь и встала с пуфа.

— Я подожду здесь, ваше высочество, — произнёс канцлер невозмутимо. — Надо съесть всё, что мне положили в тарелку. Возвращайтесь.

— Непременно, — пообещала она, не оборачиваясь, и вошла в круг танцующих.

С первой же секунды, как Ортего закружил Анастасию в танце — это вновь был вальсон, — она застыла, покрывшись колючими мурашками волнения с ног до головы. Сердце застучало сильнее, с отчаянием ударяясь о грудную клетку, ноздри раздулись, на лбу выступил пот...

— Не надо так волноваться, — заметил мужчина со спокойной иронией. — Иначе ты собьёшься с такта, Тасси. Я лучше всех знаю, какой тяжёлой ты бываешь, когда наступаешь на ногу.

— Риан!.. — то ли прошептала, то ли простонала Анастасия, ощущая, как в глазах вскипают слёзы счастливого облегчения. — Защитница...

Она вцепилась одной рукой в его ладонь, а другой — в плечо, заглядывая в глаза, — и почти не понимала, что именно они танцуют. Но ей и не нужно было понимать — Риан привычно, легко и непринуждённо, вёл сестру в танце, как делал это с самого детства, когда она терялась и путала фигуры.

— Я так и думал, что ты меня узнаешь, — сказал он с лёгкой улыбкой, наклоняясь и шепча слова прямо ей в ухо. — Узнаешь, как только мы начнём танцевать.

— Нет, неправда... — Анастасия всё пыталась сморгнуть повисшие на ресницах слёзы. — Я узнала тебя ещё в кабинете императора... Глаза...

— Ах да. Глаза мне оставили прежними. А ещё — рост и вместимость энергетического контура. Очень щедро со стороны дознавательского комитета, я оценил.

— Я не буду спрашивать почему...

— Я всё равно не смогу ответить, — заключил Риан саркастично. — Давай танцевать, Тасси. У нас ещё будет время поговорить.

Принцесса согласно кивнула и еле слышно всхлипнула, прикрывая глаза, чтобы уж точно не расплакаться.

Защитница! Брат поедет с ней в Альтаку.

Он жив! И он поедет с ней в Альтаку!

Теперь ей совсем ничего не было страшно.

Глава четвёртая

Роланд

Пока Анастасия танцевала, канцлер внимательно следил за принцессой и её кавалером. И пришёл к выводу, что во время танца что-то произошло.

Роланд заметил, что Анастасия сначала словно одеревенела, а потом, наоборот, заплясала так хорошо и настолько искренне улыбалась партнёру, что канцлер даже немного приревновал. Принцесса выглядела как человек, который неожиданно встретил старого знакомого, но почему-то не сразу его узнал. А узнав, обрадовался.

Поэтому, когда Анастасия, слегка запыхавшаяся — она протанцевала не один, а два танца, не меняя кавалера, — вернулась к столу, по-прежнему расслабленно улыбаясь, Фокс непринуждённо поинтересовался, невольно проводив взглядом отошедшего в сторону мужчину, который даже и не подумал присоединиться к ним:

— А кто это был? Он не представился.

— Ох, извините, — поморщилась принцесса. — Я забыла, что надо было вас познакомиться. С манерами у меня не идеально, как вы поняли. Для Альго у меня слишком слабый дар — всего восемьдесят магоктав, — трон не станет моим ни при каких условиях, поэтому...

— Насчёт условий я бы с вами поспорил...

— Ах, да, — она засмеялась, свободно и радостно. Что же ей сказал или сделал этот парень, если принцесса настолько повеселела? — Я и забыла, что разговариваю сейчас с человеком, который два месяца назад организовал государственный переворот! Но всё же Альтака — не Альганна, у нас будущего императора определяет не завещание предыдущего и уж тем более не верность гвардейцев, а родовой артефакт. Носитель Венца должен быть сильным магом. Восемьдесят магоктав — это ни о чём, поэтому ни меня, ни Адриана — это мой старший брат — не готовили как наследников. Так вот, возвращаясь к моему партнёру по танцам... Его зовут айл Риан Ортего, он один из членов моей свиты. Артефактор. Я... — Ресницы принцессы дрогнули, и на её лице вновь расцвела какая-то шальная улыбка. — Я его с детства знаю. Поэтому радуюсь, что со мной поедет хотя бы один близкий человек...

Роланд встревожился. Мало того, что у Огдена есть дама сердца — если ещё и Анастасия привезёт в Альтаку мужчину, который к ней равнодушен, это будет маленькая катастрофа. Или большая.

Хотя она в любом случае привезёт. Его. Но одно дело — канцлер, и совсем другое — вот этот юный хлыщ.

— Ваше высочество, я надеюсь, речь не идёт о чём-то ином, кроме дружбы?

Принцесса почему-то развеселилась, фыркнула даже.

— Нет, канцлер, я обещаю, ни о чём ином! А знаете что?.. — Анастасия вдруг взяла его за руку. — Я хочу ещё танцевать! Вы будете?

— Если вы желаете, то конечно.

— Прекрасно! — восхитилась взбудораженная девушка и вновь вскочила с пуфа, почти таща за собой Роланда.

А спустя полминуты, когда они встали в круг, выяснилось, что совсем рядом танцует император, и канцлеру показалось, будто он смотрит на Анастасию с мягкой понимающей улыбкой, лукаво поблескивая глазами.

Но Роланд моргнул — и это выражение исчезло с лица императора. Скорее всего, действительно почудилось.

Анастасия

Остаток вечера прошёл чудесно.

После того как она узнала, что брат жив, Анастасия сама почувствовала себя заново рождённой. Жив — значит, не виноват! Значит, хоть кто-то из её семьи не предатель!

Эта мысль заставляла сердце биться чаще, а глаза сами собой наливались горькими слезами. Анастасия даже не понимала по-настоящему, сколько боли причиняло ей знание, что они все — и мама, и отец, и даже Риан — участвовали в заговоре против дяди Арена. Отец всё организовывал, убил кучу народу, хотел убить императора... Мама после его смерти помогала заговорщикам получать сведения из дворца... И какое же облегчение, что Риан ни при чём! Его гибель и последующее обвинение — спектакль, это Анастасия теперь понимала ясно. Зачем подобное было нужно, она даже рассуждать не хотела: это дела императора. Главное, что Риан жив!

Не терпелось с ним поговорить, но Анастасия осознавала, что сделать это получится не скоро — слишком много всего нужно успеть до отъезда в Альтаку. Вечером перед сном она даже села за бюро и набросала план на завтрашний день, чтобы ничего не забыть.

И легла спать почти со спокойной душой. Теперь, когда Анастасия знала, что Риан жив и ни в чём не виноват, будущий брак с Огденом её совсем перестал волновать.

Но, скорее всего, это ненадолго.

Утром Анастасия встала привычно рано, оделась, быстро позавтракала в своей комнате, а затем спустилась вниз, на первый этаж, чтобы в восемь часов встретиться с канцлером перед главным входом. Они договорились ещё накануне, что пойдут в оранжерею вместе, и Анастасии было любопытно, насколько свежим после вчерашних танцев до упаду будет Фокс.

А ведь она действительно танцевала только с ним, если не считать Риана. Весь вечер. Подобное в Альтаке не позволялось — максимум три танца с одним партнёром, иначе неприлично, — но в Альганне правила были попроще. И если ты не император — ему как раз нельзя было танцевать ни с кем больше одного раза, кроме законной супруги, — то мог позволить себе что угодно. Хоть постоянно менять партнёров, хоть не менять их вообще.

Анастасии было комфортно с канцлером, ей нравилось его общество, поэтому она не стремилась танцевать с кем-то ещё. Впрочем, её никто и не приглашал. Возможно, дядя пригласил бы, но он не остался до конца вечера — с гостями прощалась императрица.

Фокс, как и ожидала принцесса, выглядел отменно и совсем не походил на человека, танцевавшего до полуночи и толком не успевшего поесть. Такой же небрежно небритый, в длинном чёрном камзоле, перетянута на талии толстым ремнём с крупной пряжкой, он смотрел на Анастасию, лукаво прищулив до невозможности зелёные глаза и вежливо улыбаясь. А когда принцесса приблизилась, воскликнул:

— Вы ходите без сопровождения, ваше высочество?

Анастасия была не уверена, вопрос это или утверждение, но тем не менее кивнула. Она понимала, почему Фокс удивлён, — в Альтаке это было не принято. Но канцлер и сам сейчас стоял посреди холла, по которому туда-сюда ходили слуги, стараясь не коситься ни на Фокса, ни на принцессу, в совершенном одиночестве.

— Охрана следует за мной, когда я отлучаюсь в город, канцлер. В пределах дворца — нет, зачем? Здесь и так повсюду сотрудники комитета безопасности. Сопровождающие есть только у детей его величества. Даже император передвигается по дворцу без охраны.

— Я не имел в виду охрану, — покачал головой Фокс. — Вы ведь слышали о фрейлинах? Я знаю, что в Альганне такой традиции нет, в отличие от моей страны. Но вы берёте с собой трёх девушек. Поэтому я предполагал, что сейчас они будут с вами.

Своих компаньонов Анастасия не видела с того дня, как ей их представили, и, по правде говоря, она уже успела забыть имена девушек.

— Боюсь, что даже в вашей стране я буду пренебрегать этим правилом, — улыбнулась принцесса. — Хотя это требование приличий, но, думаю, мне простят, если я не стану ему следовать. Пойдёмте, канцлер. Скоро наши зоологи будут кормить птиц, я хотела показать вам этот процесс.

— Да, ваше высочество, — кивнул Фокс и подал Анастасии руку.

Роланд

Сегодня принцесса была не менее прекрасна, чем на балу, хотя оделась она в повседневный костюм, причём брючный, тёмно-вишневого цвета, с воротом под самое горло и явно очень тёплый. В Альтке женщины не носили брюки совсем, даже на лошадях ездили в специальных сёдлах. А вот в Альтанне подобная одежда не возбранялась, хотя и не была популярна. Причиной, скорее всего, была одна известная современная альтаннская писательница, яростно критиковавшая в своих романах чрезмерную эмансипацию женщин и высказывавшая опасение, что в будущем представителей обоих полов нельзя будет отличить не только по одежде, но даже по длине волос.

— А как вы относитесь к романам Сильвии Дэйл? — поинтересовался Роланд, шагая по парковой дорожке под руку с молчаливой принцессой.

Анастасия действительно с тех пор, как они вышли из дворца, не проронила ни слова. Зато активно оглядывалась по сторонам, словно пыталась запомнить окружающее. Фокс её понимал — мало ли, когда она в следующий раз увидит здешние места? Если согласится выйти замуж за Огдена — точно не скоро. А канцлер надеялся, что согласится.

Парк вокруг них был красив золотой, с оттенком багрянца, осенней красотой и сейчас, когда землю освещало утреннее солнце, а небо было холодного голубого цвета, особенно восхитительно смотрелся. Удивительно, как же невероятно ярко вспыхивают все краски перед тем, как природа надевает саван из белого снега и погружается в сон до весны.

— За этим именем скрывается мужчина, — живо засмеялась Анастасия, и канцлер удивлённо на неё покосился.

— Откуда вы знаете?

— Вы забыли, что мужем принцессы Анны был глава комитета культуры? — вздохнула девушка, и её улыбка сразу угасла. Понятно почему — муж её высочества Анны погиб от рук заговорщиков при их очередной попытке убить императора. — Дядя Вольф многое рассказывал. Прочитав один роман, я выразила сомнения в том, что его писала женщина, и он по секрету сообщил, что я права. Автор — мужчина, аристократ в годах. Очень боится, что вскоре женщины будут всё больше и больше работать и совсем перестанут рожать. Вот и критикует все идеи, которые касаются равенства женщин и мужчин в обществе, осуждает брюки и уж тем более короткие стрижки. Вы из-за моей одежды вспомнили Сильвию Дэйл?

— Вы проницательны, ваше высочество.

— Да тут не нужна проницательность, это очевидно, — пожала плечами принцесса, вновь улыбнувшись. — Я знаю, что в Альтке невозможно надевать подобное, и, в отличие от традиции с фрейлинами, эту я нарушать не собираюсь. Если только мне вздумается покататься на лошади... Тут уж я точно не надену платье, простите. Во дворце у Огдена есть лошади?

— Есть, принцесса, — ответил Роланд, сдерживая желание поморщиться.

Каролина обожала этих животных. И чтобы сгладить вину перед женщиной, которую он хотел взять в жёны, Огден подарил ей нескольких лошадей. Теперь каждое утро Каролина прогуливалась по парку, сидя на лошади, причём в окружении своих фрейлин.

Да-да, Огден для неё и фрейлин нашёл. Чтобы не скучала.

Канцлер пока и представить не мог, как на это отреагирует Анастасия. Но точно не соби-
рался скрывать подобное от принцессы до прибытия — необходимо было объясниться раньше.
Но не сейчас.

— Лошади — это хорошо, — продолжала между тем Анастасия. — Хотя гораздо сильнее
я люблю птиц, особенно когда они не в клетках. А вот и оранжерея! Пойдёмте скорее.

Через несколько минут Роланд сделал вывод, что принцесса права в своей любви к пти-
цам, — никогда он не видел столь величественного и завораживающего зрелища. Все птицы
оранжереи — из тех, которые не спали днём, — слетались к кормушкам, каждая к своей. Хло-
пали крыльями, кричали что-то, оглядываясь и окидывая сородичей свирепыми взглядами —
не трогай, мол, моё!.. И от буйства красок, шума крыльев и постоянного разнообразного гогота
у Роланда даже немного голова разболелась.

Но с каким восторгом Анастасия за всем этим наблюдала! И не молчала, рассказывала
Фоксу обо всех птицах, указывая на них рукой.

— Вот это прианы из Корго. Смотрите, какие алые, а крылья жёлтые, и клювы у них
синие! Они питаются только очень сладкими плодами, а если дать более кислый, разжуют и
плюнут им в тебя, представляете? С характером птички! А вон там голубые пташки, видите?
Быстро-быстро машут крыльями. Они такие крошечные, но тем не менее — это самая быстрая
птица в мире!

— Вы не шутите? — развеселился Роланд. — Вот эта козявочка, извините, самая быстрая
птица?

— Именно эта козявочка, — решительно закивала Анастасия. — Маленькая, но уда-
ленькая. Так бывает, канцлер. Особенно в природе. Самые сильные запахи источают далеко не
самые большие и красивые цветы, больше всего молока приносят не самые крупные животные,
а то, что сильнее всего притягивает взгляд, порой может оказаться ядовитым.

Канцлер невольно посмотрел на Анастасию, изучая её воодушевлённое лицо.

Был ли это намёк на то, что с принцессой не стоит играть в игры? Он пока не мог опре-
делиться. Чувства говорили, что нет, но разум... Разум, помнящий про то, что рядом с ним
сейчас стоит дочь и сестра предателей, шептал, что рано делать выводы.

Анастасия

То, что канцлер подозревает её в притворстве, Анастасия отлично понимала — ей даже
эмпатический щит для этого не нужно было снимать. Просто подобное было логично. Анаста-
сия по жизни часто сталкивалась с настороженностью и принимала её как должное. Мало кто
верил, что принцесса может быть такой, какой была Анастасия. Особенно это касалось нети-
тулованных.

Да, она привыкла к такому, и тем не менее... Отчего-то хотелось, чтобы канцлер скорее
избавился от своих сомнений насчёт неё. И увидел в ней ту девушку, которой Анастасия всегда
была: искреннюю и немного неуверенную в себе, местами неуклюжую — особенно в танцах, —
обожаящую природу и любящую не шикарную, а обычную жизнь. Её брат Адриан вот сильнее
любил роскошь — по крайней мере, раньше, до своего исчезновения, любил, — развлечения
и безделье, но не Анастасия. Ей с детства нравилось читать книги и копать в саду. А уж в
оранжерею принцесса и вовсе каждый день бегала. Правда, копать там ей не разрешали.

И сейчас Анастасия действительно с удовольствием показывала канцлеру оранжерею,
местных птиц, деревья и растения. Слушателем он был отменным: задавал наводящие вопросы,
интересовался всем, что видел вокруг, даже цветом формы сотрудников. И не испугался, когда
на него с ближайшего дерева попытался запрыгнуть один из хорьков-летяг, — рассмеялся
только, поймав любопытную зверушку.

— Они совершенно безопасные! — тут же уверила смеющегося мужчину Анастасия и сама не удержалась от улыбки. — Легко идут на руки и любят играть. Их активно пытались приручить, потому что домашний питомец из такого хорька вышел бы замечательный. Но... если держать этого зверя не в саду, а в доме, он становится раздражительным и начинает кусать хозяина.

— Это неудивительно, — кивнул Фокс, поглаживая довольного зверька по макушке. — Если бы меня выдернули из привычной среды и поместили в совершенно другую, я бы тоже, пожалуй, начал кусаться. Да, приятель?

Хорёк напоследок что-то промурчал, совсем как кошка, и выскользнул из рук мужчины.

Обратный путь от оранжереи до дворца происходил на пару часов позже, уже не спозаранку, поэтому по дороге приходилось здороваться с обитателями замка и посетителями, решившими погулять по саду в хорошую погоду. Некоторых нужно было представлять канцлеру и из вежливости поддерживать недолгий разговор, поэтому возвращение во дворец слегка затянулось.

И Анастасия никак не ожидала встретить уже почти возле самого входа единственного человека, которого одновременно и хотела, и не хотела видеть. Причём даже не знала, что сильнее...

— Ваше высочество, — скрипуче произнёс главный дознаватель, кланяясь ей, а затем кивнул Фоксу. — Добрый день вам, канцлер.

— Сейчас утро, — иронично заметил Фокс, и Гектор Дайд задумчиво покосился на небо.

— Да, пожалуй, утро, — заключил он, усмехнувшись. — Я просто уже давно не сплю, поэтому слегка потерялся во времени.

Анастасию затопило теплом — и она опустила глаза, чтобы не смотреть на главу дознавательского комитета.

Этот мужчина всегда безумно нравился ей, несмотря на своеобразную внешность и не самый мягкий характер. Слишком высокий и худой, с совершенно белыми короткими волосами и очень светлыми глазами, Гектор Дайд многим казался бесцветным и абсолютно не интересным — но только не Анастасии. Она увидела его впервые восемь лет назад, когда он только занял свою должность при императоре, и сначала просто обратила внимание на этого мужчину, а потом влюбилась.

Анастасия была уверена — Дайд даже не помнит те несколько разговоров, которые случились между ними, когда ей было пятнадцать. Принцесса тогда только поступила в университет и была полна восторженных ожиданий. С утра побежала в оранжерею, чтобы посмотреть на птенцов южных сов, которых вывел один из сотрудников, и на подходе к оранжерее столкнулась с главным дознавателем. Он сидел на скамейке и сосредоточенно о чём-то думал, раскуривая трубку. Анастасия набралась смелости, подошла и завела разговор.

Каких-то пять минут... но ей хватило, чтобы до невозможности влюбиться в этого странного, но притягательного мужчину, который относился к ней хорошо... До определённого момента.

Анастасия знала: то молчание по отношению к поступку её матери Гектор Дайд так и не простил. И вряд ли простит — не тот у него характер.

— У вас же совещание с императором по понедельникам, — пробормотала принцесса, стараясь изо всех сил не смотреть на Дайда. — А сегодня не понедельник...

— У меня совещание с императором, когда он того желает, — хмыкнул мужчина, а потом неожиданно сказал: — Я зайду к вам сегодня, ваше высочество, если вы не возражаете.

Анастасия почувствовала, что заливается краской, причём это ощущение было настолько горячим, что она не сомневалась — цвет её щёк уже наверняка сравнялся с цветом костюма.

— Разумеется, я не возражаю.

Роланд

То, что принцессе нравится главный дознаватель, Фокс понял сразу, но не сразу смог определиться, как к этому относится. С одной стороны, сей факт говорил в пользу того, что Анастасия всё же искренняя девушка — вряд ли притворщица стала бы разыгрывать перед канцлером смущение и неловкость от встречи с Дайдом, в этом не было смысла. А вот если она действительно безответно влюблена...

И вот тут «другая сторона» проявлялась во всей красе.

Влюблена. Мысль неприятно кольнула в груди, заставив Фокса сжать зубы. Конечно, было бы странно ожидать, что Анастасия за двадцать три года ни разу не влюблялась, но... тем не менее неприятно. А главное, удивительно, потому что Гектор Дайд, похожий на длинную ящерицу в своей зелёной форме дознавателя, совсем не ассоциировался с романтическим героем. Разве в таких мужчин влюбляются принцессы?

Роланд даже внутренне усмехнулся. Видимо, он мало что понимает в принцессах. Или только в таких, как Анастасия?

Но долго рассуждать об этом не получилось — после того, как назначил встречу принцессе, Дайд попросил о приватном разговоре и Фокса. А стоило канцлеру уточнить, когда и где, добавил:

— Можно здесь, в парке, и сейчас. Если вы никуда не торопитесь.

По правде говоря, Роланду хотелось нормально позавтракать — утром он, спеша к Анастасии, успел только выпить чаю, да и накануне вечером толком не ел, всё время танцевал с принцессой. Но Дайд не стал бы просить о разговоре, не будь он важным, поэтому Роланд согласно кивнул:

— Хорошо, айл Дайд, я в вашем распоряжении. Ваше высочество... надеюсь чуть позже увидеть вас за обедом.

— Да, канцлер, — тихо ответила Анастасия и, бросив на главного дознавателя краткий, но очень жаркий взгляд, из-за которого Роланду отчего-то стало обидно, пошла вверх по лестнице к парадному входу во дворец.

— Давайте-ка отойдём немного, — тут же сказал Дайд, почти бесцеремонно подхватывая канцлера под локоть, и зашагал в сторону одной из аллей парка. Дошёл до третьей по счёту лавочки, сел на неё, вытянув ноги, повёл плечами, словно у него затекла шея, а затем похлопал по сиденью рядом с собой и протянул:

— Садитесь, канцлер. Надолго я вас не задержу, но стоять всё же не обязательно. А то я чувствую себя изнеженной барышней перед строгим отцом.

— Ну и шутки у вас, айл Дайд, — фыркнул Роланд, усаживаясь рядом с дознавателем. — Так о чём вы хотели со мной поговорить?

Дайд постучал себя ладонью по груди и тут же выругался:

— Демоны... Недавно бросил курить, но никак не отвыкну, всё ищу портсигар.

— Я бы вам одолжил, но не курю.

— Я знаю, — дознаватель кивнул и с намёком произнёс: — Я теперь о вас многое знаю, канцлер. Как и император, разумеется. Я ведь ему докладываю.

— Не сомневаюсь.

— Его величество очень заинтересовался тем, что я выяснил, — продолжал Дайд, словно не заметив ядовитого сарказма Роланда. — Он никогда не копался в вашей биографии, не было необходимости. А тут решил выяснить, чьим заботам поручит племянницу... И изрядно удивился.

— Что же в этом удивительного, айл Дайд? И в Альганне такое существует сплошь и рядом.

— Не совсем, — цокнул языком главный дознаватель. — У нас во многое вносит нюанс пресловутая родовая магия, которую не передашь, если не признать ребёнка и не дать ему свою фамилию. Поэтому побочные дети императоров при всём желании не имеют никаких прав на престол. В вашем же случае...

— В моём?

— В случае с вашей страной, — исправился Дайд с ехидцей. — У вас нет наследуемой родовой магии. Зато у вас есть законы наследования, по которым незаконнорождённым не оказывается никакой поддержки — даже содержание невозможно назначить. И жениться таким детям нельзя, чтобы побочную ветвь не продолжать и не создавать конкуренцию в первую очередь для тех, кто находится на троне. А я всегда удивлялся, зачем эти дурацкие двойные имена и требование не создавать семью? Думал, что глупость. И только сейчас догадался.

— Я вас поздравляю, айл Дайд, — пожал плечами Фокс. — С новыми, так сказать, знаниями. Но я всё ещё не понимаю сути вопроса.

— Суть вопроса... Скажите-ка, за весь срок службы у короля Фредерика неужели вам не предлагали взбрыкнуть и самому сесть на престол? Никто не являлся с подобным предложением?

— Являлся, — подтвердил Роланд, не собираясь скрывать. — Дважды. Я даже могу вам сказать кто — Томас Ротергейл, заместитель министра внутренних дел. Но я всё отрицал, а доказательств у них нет. Да и... айл Дайд, вы меня путаете с его высочеством Аароном. Это он был готов погрузить страну в гражданскую войну, я на такое не пойду.

— Я ничего не путаю, канцлер, — мягко и вкрадчиво откликнулся дознаватель. — Вы не готовы, но другие могут быть готовы. Я всего лишь просчитываю варианты опасности для нашей Анастасии. Вы понимаете, о чём я? Первый вариант исходит от вас. Точнее, не совсем от вас, а от тех, кого вы на троне Альтаки устраиваете больше, чем *остальные* сыновья Фредерика. Погодите, не возражайте — я понимаю, что вы не согласитесь. Но не всегда нужно чьё-то согласие, бывает и так, что не остаётся выбора. Вы же понимаете, что, если погибнут и Огден, и Теден, и Грегор, вам придётся...

— Можете не продолжать, — поморщился Роланд. — Хотя нет, продолжайте. Я не понял, при чём здесь Анастасия. Какая для неё может быть опасность?

— Зависит от планов ваших, скажем так, поклонников. Если они желают получить поддержку Арена — это один вариант. Если же они крайне болезненно относятся к идее становиться хоть на каплю зависимыми от Альганны — другой вариант. Первый, конечно, предпочтительнее.

— Теперь понял. И что вы предлагаете?

— Пока ничего. Но если к вам придут ещё раз — вы расскажете об этом моему человеку из свиты Анастасии. Его зовут Эрнест Тад, он назначен главным распорядителем.

— Хорошо. Расскажу.

— Тогда рассуждаем дальше... Как вы считаете, канцлер, что нужно его высочеству Тедену для того, чтобы занять престол? В нынешних условиях.

— Не считая необходимости вырваться из заточения?

— Да, не считая.

— Тогда ответ очевиден — убрать с дороги Огдена. Он коронован, поэтому должен либо подписать отречение, либо его убивают. Предполагаю, что возможности что-то подписать Теден брату не дал бы, — он не отличается мягкосердечностью. Ну а затем можно и жениться на Анастасии.

— Именно. То есть нашу принцессу Тедену трогать невыгодно. А Грегору? Он-то женат.

— Жену можно и ликвидировать. Думаю, вы лучше меня знаете, как это бывает, айл Дайд.

— Знаю, — хмыкнул главный дознаватель. — Но давайте представим, что его высочество Грегор не хочет убивать супругу. Любит её, ну или по другим причинам. Тогда что он будет предпринимать?

— Уберёт Огдена, в первую очередь.

— Зачем? С ним разбирается Теден. Очень удобно, когда за тебя делают всю грязную работу. Пусть старший брат покончит с младшим, а средний пока понаблюдает. Всякое может случиться в процессе этих разборок, разве не так? Например, они убьют друг друга, а заодно пострадает и Анастасия.

— В таком случае император...

— Тут вы немного ошибаетесь, — перебил Роланда Дайд, покачивая головой. — Арен разумен. Ему не нужна гражданская война. И, если обставить всё так, что в гибели — ну или хотя бы в ранении — принцессы будут виновны Теден и Огден, император не станет лишать Альтаку последнего претендента на престол. Но это всё — один из множества вариантов, канцлер. Я не знаю, что у ваших принцев в головах. Я завёл этот разговор, чтобы показать вам, где таится опасность. Возможно, вы на месте сможете что-то понять лучше, чем я сейчас. Моя жена...

— Вы женаты? — изрядно удивился Фокс. Он всегда считал, что супруга Дайда — это дознавательский комитет.

— Летом женился. Так вот, моя жена — шаман.

Роланд кашлянул.

— А шаманы действительно существуют? Я думал...

— Существуют, — подтвердил дознаватель, кивнув. — Моя жена говорит, что в вашем замке находится целый клубок змей, среди которых тоже есть шаман. И он — или она — опасен.

— Шаман? — Роланд не знал, смеяться ему или опасаться. Он не верил в шаманскую магию, но... когда о ней говорит Гектор Дайд, сложно не верить. — И как его вычислить?

Главный дознаватель Альганны тяжело вздохнул.

— Невозможно вычислить убийцу до совершения преступления, канцлер. И точно так же невозможно увидеть шамана, пока он не начнёт творить свою магию. В свите Анастасии будет шаман, он разберётся.

Удивлению Фокса не было предела.

— Кажется, вы с императором предусмотрели всё... — пробормотал он, но Дайд покачал головой.

— Это, к сожалению, нереально. Но мы постарались.

Анастасия

Вернувшись в свою комнату, принцесса попыталась взять себя в руки и продолжила заниматься делами — сложила кое-какие вещи, написала прощальные письма тем, с кем общалась, когда училась в университете. Да, все её друзья как-то сами собой растворились после случившегося в День Альганны, но Анастасия не могла уехать, не попрощавшись, не поблагодарив напоследок за доброе отношение и дружбу во время учёбы. Ни с кем она не сохранила ни то, ни другое... Чья это вина? Её ли? Анастасия не была в этом уверена, но никого не осуждала. Ещё неизвестно, как бы она сама повела себя на месте своих однокурсников...

Написав письма, Анастасия отправила их почтомагом*, а затем пошла навестить Агату и Александра — детей Арена. (*Почтомаг — магический артефакт для отправки писем. Работает только на малых расстояниях. Например, послать письмо из Альганны в Альтаку почтомагом нереально.) Они приходились ей двоюродными сестрой и братом, но Анастасия называла их маленькими племянниками и очень любила. Накануне она специально уточнила у их

аньян*, когда можно будет навестить детей, и теперь шла к назначенному времени. (*Аньян в Альганне называют няню или гувернантку.)

Покидать семилетнюю Агату и четырёхлетнего Александра было для Анастасии отчего-то труднее всего. Да, она любила и остальных родственников, но дети — всегда дети. И их аньян София Тали тоже была одной из немногих, чьё отношение к принцессе не менялось. Хотя София пришла во дворец уже после Дня Альганны, но другие события застала, и хорошо относиться к Анастасии у неё не было причин. Однако она искренне пожелала принцессе счастья.

Счастья желали и Агата с Александром. Девочка жалела, что Анастасия не останется на её восьмилетие, которое должно было быть в октябре, и заставила пообещать, что принцесса приедет в Альганну хотя бы на праздник перемены года.

— Мы с Софи, Алексом и мамой сейчас пишем сценарий для спектакля! — торжественно объявила девочка. — Про то, как злой колдун решил сделать так, чтобы год не менялся, чтобы время остановилось! Хотел никогда-никогда не стареть!

— Тогда он, может, не злой? — смеялась Анастасия, обнимая Агату. — Добрый?

— Нет, ты что! Ты же биолог, Тасси! Нельзя издеваться над природой!

— Да! — важно подтвердил Александр под тихий смешок принцессы.

А потом был очень тёплый последний семейный обед для Анастасии. И на него пришли все-все, даже дядя Арчибальд пожертвовал ради неё своей работой — он должен был находиться на севере, Геенна как раз собиралась активизироваться, — но решил перенестись туда на пару часов позже. И невесту свою привёл.

Пришла и императрица, и дядя Арен вырвался с совещания, хоть и опоздал.

Ну и, конечно, канцлер тоже был. Сидел рядом с Анастасией и периодически ухаживал за ней, подливая сок, если слуги не сразу замечали опустевший бокал. Агата забрасывала Фокса вопросами про Альтаку, с любопытством глядя на мужчину, а он терпеливо отвечал, не делая попытки прекратить или перевести тему. До тех пор, пока юная принцесса не поинтересовалась:

— А почему вы всегда ходите в чёрном? — Агата тут же смутилась и бросила на отца опасливый взгляд. Арен укоризненно качал головой. — Я, конечно, не видела... Просто слышала, что вы всегда ходите в чёрном! Почему? Или это нельзя спрашивать?

— Ваше высочество, в Альтаке чёрный цвет считается цветом траура, — терпеливо ответил канцлер. — Ничего интересного.

Фокс откровенно ушёл от ответа, и это осознали все, кроме детей. Хотя, возможно, Агата поняла, что ей недоговаривают, но ничего не уточнила.

А вот Анастасии отчего-то стало горько. Да, чёрный цвет означает траур, но не всегда. Иногда он означает вечный траур — то есть неспособность создать семью. Подобное не регламентировалось — насколько принцесса помнила, незаконнорождённые могли носить любую одежду. Значит, канцлер сознательно подчёркивал своё происхождение.

Интересно зачем?

Гектор Дайд зашёл к Анастасии сразу после обеда — она даже подготовиться к его приходу не успела. Хотя бы морально, физически всё было в порядке, и одежду менять не нужно было — то платье, в котором принцесса ходила на обед, вполне подходило.

Главный дознаватель постучался в двери, когда Анастасия занималась цветами, решив полить их перед отъездом. Знала, что ничего с ними не случится и они будут ждать её возможного возвращения, но всё равно на душе было как-то мутно. Ерунда полнейшая... Но вот эта лаурения пурпурная в светло-голубом горшке была первым цветком, который пересадила и вырастила Анастасия. Сколько ей тогда исполнилось? Кажется, шесть.

Странно уезжать отсюда, из этого места. Да, в последнее время оно стало недружелюбным, но всё равно — она ведь здесь выросла...

— Да, заходите, — ответила принцесса, услышав громкий стук в двери, усиленный магией. О Дайде она отчего-то вспомнила не сразу, поначалу решила, что это кто-то из её свиты хочет что-нибудь узнать. Или канцлер.

Но в комнату зашёл главный дознаватель в своей неизменной зелёной форме, и Анастасия, сглотнув от вспыхнувшего волнения, поставила горшок с лауренией обратно на место.

— Я ненадолго, ваше высочество, — произнёс Дайд, останавливаясь в нескольких шагах от принцессы. — Протяните руку.

Она послушно подняла ладонь и слегка вздрогнула, когда дознаватель надел что-то на её запястье. Это что-то ощущалось тёплым и мягким, и Анастасия, посмотрев вниз, с удивлением поняла, что Дайд надел ей на руку браслет-фенечку. Такие браслеты — из цветных ниток, переплетённых между собой, — носили дети.

Анастасия настолько удивилась, что молчала, не в силах спросить, что всё это значит.

— Тайра настояла, чтобы я отдал вам это, — сказал Дайд негромко, и принцессе показалось, что он и сам немного смущён. — Тайра — моя жена, ваше высочество. Она шаман.

Анастасия подняла глаза, перестав рассматривать браслет, и с удивлением уставилась на дознавателя, не понимая, шутит он или говорит серьёзно.

То, что Гектор женат, она отлично помнила. Весть о его свадьбе с какой-то девушкой поразила принцессу до глубины души и подарила пару бессонных ночей. Анастасия тогда ходила как сомнамбула и совсем не могла улыбаться, поэтому даже на обед к родным не приходила — чтобы не видели её несчастное лицо.

Тайра... Значит, вот как зовут эту девушку. И она — шаман.

— Я всегда думала, что все шаманы...

— Шарлатаны, — кивнул Дайд, едва уловимо усмехнувшись. — Многие, но не все. Тайра — настоящий шаман. Она сказала, что эта верёвочка...

— Браслет, — поправила Анастасия даже немного обиженно. Какая же это верёвочка? Очень красивое плетение, с причудливым узором. Принцессе почему-то казалось, что этот узор — как буквы, что-то значит. И складывается в слова.

— Хорошо, браслет, — покладисто согласился Дайд. — Кроме вас, пока он надет на руку, его никто не видит. Тайра говорит, что, как только вы окажетесь рядом с человеком, который замышляет против вас недоброе, браслет будет нагреваться. Не сильно, но достаточно, чтобы вы почувствовали. Только одно условие — рядом больше никого не должно быть. Только вы и этот человек.

— Почти как эмпатия, — улыбнулась Анастасия, невольно погладив свою «фенечку».

— Нет, — возразил Дайд резко. — Эмпатия вам не поможет. Она не выявит недобрые намерения. Враг рядом с вами может испытывать радость от того, что делает вам гадость, а вы будете думать, что он радуется встрече. Браслет Тайры не обманешь — он чувствует недобрые помыслы. Но только помыслы, ваше высочество. Не действия. С действиями вам придётся разбираться на месте.

— Я постараюсь, — пообещала Анастасия, и дознаватель, попрощавшись, ушёл.

Она не знала, браслет в этом виноват или что-то иное, но после визита Дайда Анастасия отчего-то почувствовала себя намного веселее.

Глава пятая

Огден

Первые три дня отсутствия канцлера Огден ощущал невольное раздражение на весь окружающий мир, и в особенности — на Роланда. Всё же, когда ты король, неприятно понимать, что на самом деле страной управляешь совсем не ты, а кое-кто другой. И этот факт ощущался навязчивым зудом на коже. Как же так — королевский обруч на твоей голове, но каждый — каждый, демоны их раздери! — советник на совещании не преминул осторожно поинтересоваться, а когда из Альганны вернётся канцлер. После третьего подобного вопроса Огден не выдержал и рявкнул:

— Вы запомнили, что вашего короля зовут не Остин Роланд Фокс? Может, вам напомнить?

Перед ним извинились, но Огден по глазам видел — не слишком искренне. Потому что пока ещё он плавал во всех вопросах, не знал подноготной многих конфликтов, а чего-то откровенно не понимал. Особенно это касалось законодательной базы. Огден знал законы, касающиеся охранителей и вопросов наследования, но налоги торговцев или сельскохозяйственников были для него тёмным лесом до небес. И он замечал, как советники, вынужденные постоянно что-то пояснять новоиспечённому королю, слегка раздражались. Он их даже понимал — кому охота проводить в королевском кабинете лишний час, объясняя то, о чём Фокс наверняка знал чуть ли не с рождения? Но посочувствовать Огден не мог. В конце концов, он прав — не канцлер должен управлять государством. Совсем советники распустились...

И всё же Огден осознал, что ещё меньше, чем некоторые законы, он понимает собственного покойного отца. Зачем король Фредерик вкладывал столько сил в Роланда? Почему он натаскивал именно его, а не, допустим, Тедсона? Да, Огден помнил, что отец периодически пытался чуть ли не пинками затолкать старших сыновей на совещание, приставлял их в помощники к Фоксу, но от этого выходило не больше толку, чем от бродячей собаки, попавшей на репетицию балета. И тем не менее покойный король оставил трон Тедсону... понадеявшись, что тот всё равно будет держать при себе канцлера? Да, скорее всего, так и было бы. Но только до тех пор, пока старший брат не узнал бы о возможном происхождении Фокса. Огден готов был биться об заклад, утверждая, что, если бы братья знали, кто был отцом Роланда, они не посмотрели бы на его нужность для королевства. Убили бы от греха подальше.

Огден, естественно, ничего подобного делать не собирался. Несмотря на то, что его порой раздражало уважительное отношение к канцлеру советников министерств, которые вообще-то приходили на совещание к королю. У некоторых это отношение даже граничило с каким-то благоговением. Впрочем, возможно, Огдену это всего лишь казалось из-за острой досады и на Роланда, и на собственную бестолковость во многих вопросах.

Система управления государством в Альтаке отличалась от того, что было принято в Альганне. У соседей были комитеты, в Альтаке — министерства. От каждого министерства оформлялась королевская комиссия — пять специалистов-советников, которые во главе с канцлером навещали короля раз в неделю и доводили до его сведения основные вопросы, принимали совместные решения. Канцлер был связующим звеном между министерствами и королём. Впрочем, об этом уже лет пять как подзабыли — Фредерик болел и все дела попросту скинул на Фокса. Может, поэтому советники и были настолько недовольны новыми порядками — уже успели привыкнуть, что им достаточно всё обсудить с канцлером, а король... Король — это всего лишь статус, человек, который подписывает указы, но ничего не решает. И они пока никак не могли осознать, что подобные времена прошли и Огден не станет отходить от дел.

У Роланда подобных иллюзий не было. Наоборот, он был рад, что новый король старается соответствовать своему статусу и не стремится скидывать неприятные вопросы (а в деле управления страной все вопросы — неприятные) канцлеру. Это было даже немного удивительно. Да, Огден и сам никогда не мечтал о троне, но как только выпал шанс его занять — не отказался. А вот Фокс словно был начисто лишён тщеславия, знал своё место и не думал о большем.

Много раз, находясь на совещаниях, Огден представлял, насколько легко канцлеру было бы собрать вокруг себя сторонников и устроить настоящую революцию. Подумаешь, закон о наследовании! Законы можно и переписать. А вот кровь не водица, и тот факт, что Роланд наверняка является старшим сыном короля Фредерика, смог бы подтвердить любой маг. Да, матерью Фокса была кухарка, но он уже давно доказал, что мозги у него не поварёнка, а настоящего управленца, благодаря крепкой руке которого Альтака до сих пор ещё не развалилась на части, превратившись в несколько провинций. Восточная часть — там, где находилась Геенна, — при этом точно отошла бы Альганне.

Огромная огненная стена возникла на севере много лет назад — так давно, что уже никто не помнил, когда именно. В Альтаке она занимала лишь небольшую часть на востоке, и по сравнению с масштабами Альганни это была действительно крошечная территория, но и она доставляла проблемы. Порой Геенна переставала быть просто стеной из вечно горящего пламени, и из неё что-то выбиралось. Это «что-то» охранители — защитники от порождений Геенны — называли демонами независимо от того, чем являлось вышедшее из огня нечто. К сожалению, мирным оно не было никогда, и охранители вынуждены были его уничтожать.

Да, по своей работе Огден скучал сильнее всего. Всё же он был не управленцем, а врачом, причём «медицинским работником особого статуса» — так в Альганне и Альтаке называли медиков, работающих на охранителей. Опасная работа, зачастую грязная и кровавая, — но Огдену нравилось.

Уже несколько месяцев он сидел в четырёх стенах — если не считать прогулки по дворцовому парку и немногочисленные визиты в центр города. Но это точно можно было не считать — Огден, как и все охранители, привык постоянно переноситься на север, тренироваться и принимать настоящих раненых. Быть охранителем — значит, всё время находиться в движении, поэтому теперь Огдену казалось, что он попал в болото и медленно тонет в нём.

Да, это было испытание, но сдаваться он не хотел. И готов был смириться со многим... но только не с вынужденной женитьбой на принцессе, которая была ему не нужна.

На четвёртый день после отъезда канцлера Огден впервые почувствовал себя более-менее уверенно. Почти не «плавал» на совещаниях, вопросы задавал не глупые, а грамотные и даже сумел решить проблему, не оставив её до возвращения Фокса — как делал все дни до этого. Просто потому что был не уверен в собственных решениях и не хотел рисковать.

И выходил из кабинета Огден почти довольным, даже улыбался немного. И улыбнулся шире, встретив в коридоре весёлую Каролину, которая куда-то шла в сопровождении своих фрейлин — Лайзы и Моники. И выглядела настолько привлекательно, что Огдену внезапно захотелось просто утащить её куда-нибудь и забыть об остальных запланированных на день делах.

Но он уже усвоил правило, которое вбивал ему в голову Фокс: если откладывать на завтра то, что можно и нужно сделать сегодня, то завтра может и не наступить.

— Огден! — почти завизжала Каролина и кинулась ему на шею. В присутствии не только фрейлин, но и советников, которые ещё не успели разойтись...

Огден вздохнул, ласково погладил девушку по спине и отстранил от себя. Посмотрел строго, и Каролина показательно надулась.

— Я помню, что ты говорил мне, — проворчала она обиженно. — Никаких проявлений чувств на людях. Да, я помню. Но Огден! Ведь она ещё не приехала.

— Дело не только в Анастасии, — покачал головой новоиспечённый король. — Не надо давать лишнюю пищу для сплетен.

— О том, кто я для тебя, и так все знают, — возразила Каролина. — И пока принцесса не приехала, я не вижу смысла прятаться. Подумаешь, объятие! Все знают, что я живу с тобой как жена. Жёны не прячутся по углам! В конце концов, это унижительно, Огден!

Он не знал, как ещё объяснить Каролине, что унижение для неё — это не катастрофа, а вот если унижительно будет для Анастасии...

— Просто выполни мою просьбу, — попросил Огден тихо. Просто попросил, без угроз и наставлений. — На людях мы всего лишь вежливо здороваемся друг с другом. Это моя просьба, Каролина. Моё решение. Уважай его.

— Может, ты ещё и запрёшь меня после того, как принцесса приедет? — с откровенной печалью вздохнула девушка. — А то, мало ли, вдруг она увидит меня в коридоре или в саду.

— Не запру. И вообще... — И тут Огдена осенило. — Я назначу тебя её главной фрейлиной. Да, точно! И как это я раньше не сообразил!

Каролина настолько удивилась, что даже не нашлась с ответом.

Анастасия

Путешествия по миру никогда не были лёгким делом. Не существовало способа мгновенно перенестись на другой конец континента — пространственные лифты не работали на большие расстояния. Хотя для того, чтобы добраться до Мальтерана, столицы Альтаки, понадобилось бы построить всего около пяти таких лифтов. И при желании можно было бы сократить путешествие до суток. Но, во-первых, пять лифтов подряд на максимально возможное расстояние осилит далеко не каждый маг — а если учесть, что в один лифт влезает не больше трёх человек, то одно такое путешествие сможет отправить на больничную койку пару специалистов по порталным перемещениям. А во-вторых, пространственные лифты не работали для грузов — только для людей. И являться в столицу без вещей, а потом ждать, пока они доберутся, дней пять... Плохая идея. Поэтому Анастасии и её сопровождающим нужно было добираться до места назначения почти без помощи магии.

На поезде.

Поезд Граага — Мальтеран ехал около пяти суток, с остановками в нескольких городах, самая длительная из которых была в приграничной Арзанне. Специально для Анастасии всё лето перестраивали один из пассажирских поездов, чтобы принцесса ехала с комфортом. Обычные пассажиры теснились в небольших купе, а для Анастасии подготовили настоящую комнату с большой кроватью, гардеробом, диванами и столиком. Ванны, конечно, в поезде не было — только слабый душ, но и это впечатляло, ведь в других поездах ничего подобного не имелось, лишь раковина и туалет.

Члены императорской семьи, как выяснилось, не ездили в Альтаку с длительными визитами уже очень давно, по крайней мере с тех пор, как изобрели железную дорогу. А до этого при необходимости обходились пространственными лифтами. Поэтому комфорт для путешествия Анастасии пришлось обеспечивать отдельно. Но в итоге получился такой красивый поезд, что удивилась и она, и её сопровождающие.

Отдельное купе кроме принцессы полагалось ещё канцлеру, остальных поселили по два-четыре человека. Также в поезде был ресторан, где предполагалось завтракать и обедать, а на ужин останавливаться в разных городах. Кроме того, была и общая гостиная с диванами, столами и наборами разных настольных игр, чтобы не скучать в дороге.

Но скучать Анастасии было и некогда. Ранним утром, простившись с императором, его детьми и их аньян — они все встали специально, чтобы сказать ей «до свидания», — принцесса в сопровождении целой толпы народа зашла в поезд. Оставив при себе двух служанок,

Анастасия сразу принялась готовиться к путешествию и разбирать вещи. Почти всю поклажу отнесли в багажное отделение, но кое-что принцесса взяла с собой — нужно было развесить одежду в шкафу, а туалетные принадлежности поставить в ванную. Всё, конечно, сделали служанки — Анастасия лишь проверила, чтобы было понятно и удобно, а потом попросила девушек удалиться.

И только принцесса задумалась, стоит ли немного поспать до обеда или следует заняться чем-то другим, как в дверь купе постучали.

Почему-то Анастасия сразу поняла, кто решил потревожить её покой, и не ошиблась, увидев за порогом вежливо улыбающегося канцлера. Анастасия ещё не видела его сегодня — когда заходила в поезд, император упомянул, что делегация из Альтаки уже внутри, — поэтому вежливо поздоровалась, непроизвольно опуская взгляд вниз.

Да, канцлер был во всём чёрном, как и всегда, но камзол снял. А под камзолом у него оказался свитер из тонкой шерсти, связанный под самое горло. В сочетании с более простыми брюками, чем те, что Анастасия видела на канцлере раньше, у него был почти домашний вид.

— Доброе утро, ваше высочество, — мужчина поклонился.

Краска бросилась принцессе в лицо — она вдруг вспомнила, что так до сих пор и не переоделась. Как вошла в купе в дорожном костюме, который канцлер на ней уже видел, так и щеголяет в нём. Ох, что он о ней подумает? Что она лентяйка?

— Вы желаете отдохнуть или, может, переместимся в гостиную и во что-нибудь сыграем? Там целый шкаф с настольными играми. Мне кажется, некоторые даже я не знаю.

— Даже вы? — Несмотря на смущение, Анастасия постаралась держать лицо и улыбнулась. — А вы такой специалист по настольным играм, канцлер?

— Я бы сказал, что да, — пожал плечами мужчина, а потом произнёс удивительное: — Мой отец часто играл со мной во что-нибудь. Он считал, что некоторые настольные игры не менее полезны для обучения, чем скучные учебники. И вообще любил фразу: «Вся жизнь — игра». Поэтому в играх я действительно разбираюсь. Так что вы решили, принцесса? Мне оставить вас или пойдём в гостиную?

Анастасия не колебалась.

— Я бы предпочла поиграть. Только сначала переоденусь.

— Прекрасно, — канцлер довольно кивнул. — Тогда, если вы не возражаете, я позову ещё ваших компаньонов. Их же трое? Играть впятером будет идеально.

Почему-то внутри шевельнулось недовольство, но Анастасия быстро его погасила.

— Конечно, позовите. Только... я не помню, как их зовут. Мне представляли этих девушек, но...

— Не волнуйтесь, ваше высочество, — засмеялся Фокс. — Я непременно выясню их имена.

Роланд

Что ж, теперь у него есть пять дней, чтобы уговорить принцессу по приезду не горячиться и дать Огдену шанс, несмотря на то, что новоиспечённый король наверняка будет пытаться его не использовать. Оставалось надеяться на разумность Анастасии. Кроме того, при разговоре можно надавить на её уязвимость в Альганне, на то, что она навсегда связана у многих в сознании с предательством своих отца и брата. А в Альтаке принцесса может стать женой и королевой.

С точки зрения канцлера, за это следовало побороться. Хотя, когда он представлял Анастасию в свадебном платье рядом с Огденом, хотелось морщиться от досады. Но ничего — Роланду уже приходилось брать себя в руки, когда дело касалось чувств к чужой женщине. Да, это сложно, но не невозможно.

Он влюблялся несколько раз в жизни, и каждая такая влюблённость приносила горькое разочарование не только в самом чувстве, но и в людях.

Первый раз случился ещё в школе. На Роланда, симпатичного мальчишку в богатой одежде, обращали внимание многие девочки. Точнее, тогда все называли его Остином — король запретил записывать своего бастарда в школу, используя двойное имя. И чёрную одежду носить не велел.

— Не надо, чтобы на это обращали внимание, — так он объяснил тот поступок. — Окружающих это не касается.

Почему Фредерик так поступил, Роланд понял гораздо позже — когда осознал, что его венценосный отец был приверженцем тактики «брось котёнка в воду, если выплывет — молодец, а нет — ну и демоны с ним».

Если бы одноклассники Фокса изначально знали, что он бастард, всё было бы совсем по-другому. Его обходили бы стороной, не звали бы в совместные игры и проделки, и от девочек вместо заинтересованных взглядов Роланд получал бы полные пренебрежения смешки. Решение короля можно было бы посчитать заботой о благополучии мальчика — но, увы, всё было не так. Фредерик отлично осознавал, что правда так или иначе выплывет наружу и тогда Роланду будет несладко. Привыкнув к холодному отношению изначально, он бы не воспринимал его в дальнейшем с болезненной остротой. Но поскольку Роланд не привык...

Её звали Лита. Тоненькая девочка из богатой семьи, со светло-рыжими волосами — похожие были у самого Роланда, только волосы Литы сильнее отливали медью, тогда как его шевелюра в юности была более серо-русой. Он обратил внимание на эту девочку именно из-за её волос, потом очаровался непосредственным поведением и широкими искренними улыбками, влюбился... И тут в школу просочился слух, что Остин Фокс — незаконнорождённый.

— Как же ты осмелился за мной ухаживать! — возмущалась Лита, красная, с заплаканными глазами. — А если бы я в тебя влюбилась?! Ты же не можешь ни на ком жениться! Даже смотреть на меня не смей!

Она тут же отвернулась от него — как будто не было ни дружбы длиной в целый год, ни долгих душевных разговоров, ни нежности, с которой Роланд держал её маленькую ладонь. И разочарование в Лите оказалось настолько тотальным, что он потом ещё много лет на всякий случай старался даже не глядеть на девушек лишней раз.

Хотя в целом Фокс её понимал. Конечно, неприятно было узнать, что его происхождение не оставляет никаких шансов на семью и детей. Но всё же... Не обязательно ведь было вот так — рубить по живому? Обдавать презрением, нарочито поджимать губы, как только он появлялся рядом. Можно же было остаться просто друзьями, разве нет? Так и сказать: «Извини, но я хочу в будущем замуж». Роланд понял бы и совсем не обиделся. А Лита обидела его, и будто бы специально.

Отвернулась от бастарда не только она, но и многие другие одноклассники. Только один из них, наоборот, после случившегося захотел сблизиться с Фоксом.

— Почему? — недоумевал будущий канцлер, и мальчишка, которого Роланд считал самым умным в классе, пожимал плечами:

— А я просто не дурак. И не нежная барышня. Мне нет дела до того, можешь ты жениться или не можешь. Зато ты точно сын какого-то богача, а у меня ничего нет, кроме сильной магии — из-за неё, кстати, меня сюда и определили, в этот класс. А я не хочу всю жизнь быть на вторых ролях. Поможешь мне с карьерой, Остин?

— Я Роланд. Мне больше нравится второе имя.

— Да хоть третье, — расхохотался парень.

С тех пор прошло много лет, и теперь они не были обычными одноклассниками — нищим мальчишкой с сильным даром и бастардом в богатой одежде. Фокс сам сделал Троя Уолтера министром внутренних дел, отправив в отставку за взятки предыдущего, и нисколько об этом

не жалел. Единственное, что беспокоило Роланда, — так это тот факт, что именно заместитель Троя однажды предлагал ему стать королём в обход остальных наследников Фредерика. Друг клялся, что ни при чём, но Фокс в этом сомневался. И надеялся, что за десять лет, прошедших с этого дня, Уолтер успел оставить свою затею. Кстати, именно на Лите он в итоге женился, но не из-за любви, а из-за её богатого отца. Фокс знал, что в этом браке родились двое мальчишек, но дома у Троя он ни разу не был, предпочитая общаться исключительно на работе и по делу.

С той поры Роланд не слушался отца в вопросах одежды и всегда носил чёрное, подчёркивая свой статус — чтобы у окружающих изначально не было никаких иллюзий. Особенно у женщин.

Второй раз Роланд влюбился уже в академии, в одну из однокурсниц. И поначалу ему показалось, что нечто может получиться, несмотря на его статус... Но потом Фокс случайно услышал разговор девушки с подругой, в котором она признавалась, что «с Роланда нечего взять, кроме его чувств ко мне, а чувства — неважный товар», и всё рухнуло, так толком и не построившись.

Той девушке Роланд ничего не сказал, но продолжил встречаться с ней только ради телесных радостей. Чувствовать что-либо ещё после того разговора он перестал. И это оказалось неожиданно удобно — никаких ожиданий, следовательно, никаких разочарований.

Несколько лет Фокс придерживался подобной философии, меняя девушек чаще, чем тетради для лекций. А потом умудрился вляпаться в замужнюю...

Он тогда ещё не вступил в должность канцлера, но уже был близок к этому. Тамира — яркая брюнетка на пять лет старше Роланда — положила на него глаз на одном из официальных мероприятий. Она была супругой рядового сотрудника министерства торговли, считала мужа откровенным лопухом и мечтала о лучшей жизни. Статус постоянной любовницы канцлера её вполне устраивал, и Тамира с упорством барана принялась двигаться к своей цели. Осознав, что Роланд падок на искренние чувства, притворилась по уши влюблённой, клялась, что несчастна в браке, что муж её не любит и даже бьёт, и чуть ли не на колени падала, умоляя не отвергать её. Хотя дело было не только в коленях и пылких чувствах — Тамира, являясь на редкость умной женщиной, сразу смекнула, что о Фоксе некому заботиться (его мать к тому времени год как умерла), и взяла на себя эту обязанность.

Став канцлером, он купил ей квартиру, куда Тамира в любой момент могла приходить, как она говорила, «устав от мужа». И в целом Роланд не скупился на подарки, тем более что Тамира действительно была нежна с ним. И, возможно, так всё и продолжалось бы ещё много лет, если бы женщина не забеременела и не избавилась от ребёнка, думая, что Фокс ни о чём не узнает. Но он узнал.

— Зачем? — спросил он тогда любовницу, искренне недоумевая. — Я бы заплатил штраф, он не такой уж огромный.

— По-твоему, я сошла с ума? — всплеснула руками Тамира. — Зачем мне рожать от тебя? Я замужем, у меня есть ребёнок от законного супруга. Плодить бастардов — путь в никуда! Я не хочу своему малышу такой судьбы, а ты эгоист, если этого не понимаешь!

Роланд тогда чуть не проболтался — хотел сказать, что это ему не повезло, потому что он сын короля и просто не может уехать из страны без разрешения Фредерика. Но собственного сына или дочь он бы спрятал в Альганне. И Тамиру мог бы туда перевезти, если бы она захотела.

Завершив эти отношения, Фокс больше не связывался ни с какими женщинами, кроме продажных. Для него это был идеальный вариант. Да, порой Роланду кто-нибудь нравился, но он гасил в себе эту симпатию быстрее, чем она успевала разгореться.

Фокс считал, что должен постараться сделать так, чтобы Анастасия воспринимала его всего лишь как друга, но ни в коем случае не догадалась о его чувствах.

Иначе он всё испортит.

Анастасия

Её компаньонки звали Элиза, Нинель и Флоранс, и каждая из них была по-своему очаровательна, несмотря на то, что все они только недавно закончили университет и стажировались — Элиза и Флоранс в первом отделе дознавательского комитета, а Нинель была младшим сотрудником службы безопасности. Ничего толкового они ещё не умели, но отправлять в качестве компаньонки опытных дам Гектор Дайд и не мог — фрейлины должны быть одного возраста с принцессой. Впрочем, как Анастасия поняла из того, что успела услышать от Эрнеста Тада — сотрудника первого отдела и главного в своей свите, — среди его коллег состоялся целый конкурс, кто именно поедет с принцессой. Выбирал в том числе лично Дайд.

Так что все три девушки были талантливыми — в этом Анастасия не сомневалась. Но увы: талантливы они были не только в магии. Ещё они умели виртуозно строить глазки. И даже, кажется, соревновались в этом, найдя своеобразное развлечение в том, чтобы пытаться расшевелить подчёркнуто вежливого канцлера.

Фокс не реагировал, точнее, реагировал слабо, равнодушно — и это принцессу отчего-то радовало. И в какой-то момент, успокоившись, что канцлер не отвечает на «ухаживания» девушек, Анастасия наконец расслабилась и смогла получить удовольствие от настольной игры. А там было от чего получать удовольствие.

Игра называлась «Королевство» и была стратегической. Каждому игроку нужно было построить собственное королевство, ориентируясь на первоначальный капитал и условия, которые выпали по жребию. Условия были равные, но разные. В дальнейшем предполагалось не только строить, но и находить союзников, и воевать с соседями. В итоге побеждал тот, кто сумеет «поглотить» хотя бы половину остальных игроков. Победителем — что естественно — оказался канцлер. Причём у Анастасии возникло ощущение, что он ещё и поддавался, чтобы затянуть игру и не шокировать быстрой победой нежные чувства девушек.

А шокировать было чем — Фокс легко складывал, вычитал и даже делил-умножал в уме большие числа, непринуждённо придумывал настолько хитрые ходы, что соперники сами оказывались на грани банкротства, не гнушаясь откровенно обманывать даже союзников. А когда одна из девушек уколола его этим, пожал плечами и сказал с весёлой улыбкой:

— Это всего лишь игра, Флоранс. Не стоит воспринимать её серьёзно.

— По манере игры можно многое сказать о человеке, разве не так? — возразила Флоранс, и канцлер кивнул:

— Так. Действительно — многое. Но не всё.

— Однако же вы играете слишком хорошо для нас, Роланд, — вмешалась Элиза, невинно хлопая ресницами. — Для нас троих, конечно, — принцесса могла бы составить вам конкуренцию, но не мы. — Это была откровенная лесть: Анастасия играла не менее ужасно, чем остальные девушки. — Может, выберем какую-то другую игру? В которую вы не очень хорошо умеете играть.

— Боюсь, что таких игр не существует, — усмехнулся канцлер. — Но я могу предложить...

— Прятки! — неожиданно воскликнула Нинель и хлопнула в ладоши. — Давайте сыграем в прятки!

Анастасия уставилась на неё с недоумением — какие прятки могут быть в поезде? Но Фокс, к её удивлению, кивнул и лукаво улыбнулся:

— Хорошо, я согласен. Как я понимаю, вы хотите, чтобы я водил, верно?

— Разумеется! — заявили все девушки хором, и Анастасия фыркнула.

— Я согласен, но с одним условием — вы прячетесь только здесь, в этой комнате, в коридоре, в столовой или в своих личных комнатах. В подсобные помещения не заходить. Договорились?

— Да-да-да! — обрадовались компаньонки принцессы, а через мгновение канцлер, закрыв глаза, начал считать, и девушки бросились врассыпную, убежав из гостиной так стремительно, что Анастасия даже удивилась. И, посидев на месте ещё пару секунд, решила, что сложнее отыскать человека, который находится где-то поблизости, — поэтому попросту спряталась за кресло, на котором сидел Фокс.

Как она и предполагала, канцлер её не заметил, хотя гостиную осмотрел. Но, когда он обходил кресло, Анастасия тоже осторожно перемещалась, стараясь не шуметь. В итоге, как только Фокс вышел, она опустилась на его место и с видом победителя принялась ждать.

Канцлер в сопровождении трёх девушек вернулся минут через пять. Он поначалу выглядел обеспокоенным, но, увидев Анастасию, обрадовался.

— Ох, ваше высочество! — воскликнула Элиза, всплеснув руками. — А мы вас обыскали! Роланд говорил, что в гостиной вас точно нет!

То, с какой лёгкостью эти девушки начали называть канцлера по имени, вызывало у Анастасии странную досаду, которую она никак не могла проанализировать. Ей самой отчего-то было тяжело так обращаться к канцлеру.

— Да, я не ожидал, — кивнул Фокс, глядя на принцессу с уважением. — Я ведь здесь всё проверил. Где вы были, ваше высочество?

— Секрет, — улыбнулась она, не желая признаваться, что просто сидела на корточках за креслом, а потом обходила его гуськом. — Но знаете что? Я ужасно проголодалась. Нас здесь будут кормить или нет?

— Сейчас распоряжусь, — тут же откликнулся Фокс и вышел из гостиной.

Роланд

Конечно он заметил Анастасию за этим креслом. Хотя она очень старалась спрятаться. Но у Фокса был чуткий музыкальный слух — он разобрал почти неслышное дыхание девушки и шелест ткани её брючного костюма, а потом увидел и край туфель. Но говорить ничего не стал — хотел, чтобы она победила. И чтобы убедилась в том, что он не всемогущ и может чего-нибудь не заметить. Так будет проще с ней договариваться.

Фрейлин для принцессы подобрали хороших — эти девушки Роланду понравились. Не как девушки, разумеется, хотя все три были симпатичными. Светло-русская Элиза, сероглазая, с острым маленьким носиком; темноволосая и темноглазая Флоранс с чуть смугловатой кожей — кто-то из её предков явно был родом из Корго, и Нинель — слишком высокая, со спортивной длинноногой фигурой, но тоже весьма миловидная голубоглазая шатенка. Все три девушки весьма активно строили канцлеру глазки — причём, кажется, искренне, — но при этом не забывали и о собственных обязанностях. Ни одна из них не убежала далеко от гостиной, где осталась принцесса, — и все хором выдали местоположение Анастасии, как только Роланд сказал, что никого не заметил. Не хотели, чтобы он долго искал её высочество, — и правильно, мало ли что может случиться?

После быстрого завтрака, за которым к ним присоединились ещё несколько человек из свиты Анастасии — её камеристка, артефактор и врач, — Роланд вновь предложил настольные игры, но на этот раз выбрал вариант попроще — карты. Все с интересом согласились, особенно отчего-то обрадовался артефактор.

Отчего стало понятно чуть позже, когда Роланд обнаружил, что из всех игроков хорошо играет только этот парень по имени Риан Ортего. Хотя «хорошо» — слишком слабо сказано: артефактор играл так, будто полжизни только этим и занимался. Рист — вообще непростая игра, и Фокс вряд ли научился бы в неё играть на должном уровне, если бы ею не увлекался король Фредерик. Впрочем, он увлекался не только ристом — в целом обожал любые игры, но рист был его любимым развлечением. С Роландом Фредерик обычно играл на желание, и

сколько же сил пришлось потратить, чтобы научиться выигрывать и иметь возможность отстаивать хотя бы некоторые свои интересы...

Ещё сносно играла камеристка, остальные — так себе, хотя и с интересом. В итоге канцлер выиграл три сеанса подряд, и тут Анастасия сделала неожиданное предложение:

— Мне кажется, скучно играть, если всё время понятен победитель. Предлагаю заменить игру. Давайте сыграем в болвана*. По парам. Соперников будем выбирать по жребия.

(*Болван — аналог игры в дурака.)

— Болван — совсем простая игра, — возразила Элиза, удивившись предложению Анастасии. — Для детей.

— Зато там не надо много думать — всё решают везение и риск, — тут же откликнулся артефактор, кивнув принцессе. — Я поддерживаю её высочество. Давайте попробуем. Не факт, что у канцлера получится победить в этом случае.

— Согласен, — подтвердил Роланд, посмеиваясь.

Бросили жребий, и первой парой соперников стали Флоранс и Нинель. Пять минут — и победителем стала Флоранс. Следующими играли камеристка Кларисса Колби и Морган Рид, врач Анастасии, — победил врач. Третьей парой были Анастасия и Элиза — и несмотря на то, что фрейлина безумно хотела победить принцессу, её высочество не уступила победу.

Последними играли канцлер и Ортего — и это был самый жаркий матч. Роланду показалось, что у соперника даже макушка от усердия дымилась. И было мгновение, когда канцлер думал, что всё же проиграет, — но Риан совершил досадную ошибку, и Фокс победил.

— Эх! — воскликнул парень нарочито печально. — И даже в болвана вы играете отлично, канцлер! А ведь это единственная игра, в которую можно обыграть дя... его величество Арена.

Роланд невольно обратил внимание на странное «дя» перед титулом императора, но подумать об этом не успел — Анастасия быстро проговорила:

— Давайте дальше бросать жребий, кто с кем будет играть.

Первой парой выпали Флоранс и Морган Рид. Играли недолго, и победила фрейлина, огласив гостиную радостным визгом, из-за чего присутствующие заулыбались.

— Простите, — хихикнула девушка, зажав рот ладонью. — У меня просто трое старших братьев. Мы с ними часто в болвана резались, то есть играли, когда маленькими были.

Трое старших братьев...

Роланд сразу вспомнил своих братьев — только младших. Впрочем, он отчего-то никогда не воспринимал ни Тедсона, ни Грегора, ни Огдена своими настоящими родственниками. Даже король Фредерик вызывал в нём какие-то родственные чувства — хотя в этих чувствах было немало злости, однако в целом Фокс считал короля отцом, пусть и весьма своеобразным. А вот эта троица... Хотя Огден, конечно, хороший парень. Но «брат» — слишком громко сказано.

Второй парой играли Анастасия и канцлер, и Роланд сделал всё возможное, чтобы проиграть. Не нарочито, осторожно, но проиграть, отдав в нужный момент важные карты. Принцесса удивилась, но свой выигрыш восприняла с достоинством и без особой радости, а вот артефактор не преминул пошутить, что канцлер всё же не всемогущ.

— Конечно, — тут же откликнулся Роланд и, улыбнувшись Анастасии, добавил: — Особенно перед её высочеством.

Девушка чуть порозовела, но улыбнулась в ответ.

Итоговый матч тоже выиграла принцесса, хотя Флоранс, в отличие от канцлера, не поддавалась и очень расстроилась, оставшись в болванах.

— А теперь всем «оболваненным» вы придумываете фант, ваше высочество, — предложил Роланд, и Анастасия удивлённо на него посмотрела.

— Фант? Но когда мы играли до этого, ничего подобного не было.

— Можно и изменить правила. Не стесняйтесь, принцесса, придумывайте для нас испытания. Никто же не против выполнить желание принцессы?

Все помотали головами, хотя, судя по лицам, особого восторга никто не испытывал. Особенно врач — он вообще чаще всего казался таким суровым, что у Роланда не возникало никаких сомнений: этот человек поехал с принцессой не по своей воле. Скорее всего, Моргана Рида настойчиво попросил император. А может, совсем даже и не просил... но в любом случае настойчиво.

Предлагая Анастасии придумать каждому участнику фант, канцлер преследовал собственную цель. Он хотел убедиться — пожалуй, теперь окончательно, — что принцесса действительно адекватная и добрая девушка, какой он её и воспринимал. Роланд лучше всех присутствующих знал, какими гадкими становятся люди, когда им дают над кем-то хотя бы немного власти. И те испытания, которые придумает Анастасия для окружающих, смогут рассказать о её настоящем, а не притворном характере, если не всё, то многое.

Поначалу принцесса вообще не хотела ничего придумывать, но потом, под напором канцлера и, к удивлению Роланда, Ортего, сдалась. И начала с Флоранс:

— Спойте нам, пожалуйста. Хотя бы пару куплетов любой песни. Я помню, вы говорили, что неплохо поёте.

— О, ваше высочество! — благодарно воскликнула девушка. — Я ещё и прекрасно играю на гитаре. Хотите, принесу её сюда и сыграю вам?

— Конечно хочу.

В результате Флоранс играла и пела совсем не пару куплетов, а несколько песен. А потом брэнчала на гитаре весёлую мелодию, под которую кружились в танце артефактор и Элиза — это был их общий фант, один на двоих.

После Нинель рассказывала вслух длинное стихотворение — самое длинное из всех, что помнила, — и делала это так хорошо, что Роланд ничуть не удивился, когда выяснилось, что в детстве девушка ходила в театральный кружок. Затем Кларисса показывала пантомиму, а Морган Рид её угадывал, причём камеристка столь забавно изображала дикую кошку, которая лезет по дереву, выпуская когти, что улыбнулся даже хмурый врач её высочества.

Оставался только сам Роланд, и Анастасия, несколько мгновений помолчав, словно раздумывая, что бы загадать, в конце концов сказала:

— Я хотела бы задать вам один вопрос. Но полагаю, что отвечать на него нужно в одиночестве. Поэтому остальных прошу удалиться.

Фокс поднял брови: подобного он не ожидал. И даже представить не мог, о чём собирается спрашивать принцесса, — до тех пор, пока все молча не ушли из гостиной и Анастасия не произнесла, покраснев и смутившись, как ребёнок:

— Расскажите мне о своём отце, канцлер.

Анастасия

Изумление на лице мужчины отразилось столь явно, что она совсем застыдилась своего поступка. Понимала ведь — неприлично спрашивать о таком. В Альганне и то не совсем прилично, хотя и проще, а уж для незаконнорождённого альтакца это и вовсе оскорбительный вопрос.

— Зачем это вам, принцесса? — поинтересовался Фокс, справившись с удивлением. Теперь его глаза иронично блестели. — Мой отец всё равно уже умер, познакомиться я вас не смогу.

— Мне просто любопытно, кем он был, канцлер, — пожала плечами Анастасия, пытаясь говорить спокойно — хотя её слегка потряхивало от волнения и собственной наглости. — Интересно. Вот и всё. Я обещаю никому не говорить.

На губах Фокса мелькнула лёгкая улыбка, из-за которой Анастасию отчего-то бросило в жар.

Лицо этого человека удивительным образом преображалось, когда он улыбался — особенно вот так, мягко и понимающе, — и становилось менее строгим, более приветливым. И в глазах появлялся живой и дразнящий блеск.

— И какие же у вас соображения, принцесса? — хмыкнул канцлер и, откинувшись в кресле, сложил руки на груди. — Мне тоже, знаете ли, интересно, к каким выводам вы пришли. Раз вы задали этот вопрос — значит, думали о моём происхождении. И до чего додумались?

— Я думаю, ваш отец был очень богатым человеком. Поэтому вы выучились, получили хорошее образование...

— Отличное, ваше высочество, — уточнил Фокс педантично. — Я получил отличное образование. Лучшее из возможных в Альтаке. Простите, что перебил. Итак?

— Вы упоминали, что ваша мама работала на кухне, но не говорили, на какой кухне. Я думаю, это была королевская кухня. Верно?

— Абсолютно, — кивнул канцлер серьёзно, и Анастасия сглотнула.

Ей казалось, будто она балансирует на тонком льду.

А ещё вдруг захотелось узнать, что чувствует этот странный, но до безумия притягательный человек. И кстати...

Браслет! Браслет на её руке не нагрелся. Значит, канцлер ничего не замышляет против принцессы.

Ободрённая этой мыслью, Анастасия осторожно убрала эмпатический щит... и едва не задохнулась от лавины чужих эмоций, ярких и сильных, как мгновенный удар в грудь.

Канцлеру было забавно, горько и больно. И всё это — сразу. Словно его одновременно и смешила, и огорчала эта ситуация и её вопрос. А ещё...

Что-то жаркое и нежное коснулось сердца, вызывая невольное учащение пульса. Это что-то было похоже на... симпатию? Нет — больше. Гораздо больше.

Испугавшись, Анастасия вернула щит на место и, закашлявшись, продолжила, стараясь не думать о том, что недавно почувствовала:

— Я полагаю, ваш отец либо жил, либо работал во дворце, как и ваша мать, только она была работницей кухни, а он... каким-то важным человеком. Может, советником короля...

— Или самим королём, — иронично откликнулся Фокс, и Анастасия замолчала.

Недавний жар чужих эмоций под давлением её собственного страха уходил, растворялся — и сейчас принцесса чувствовала лишь ужас перед последними словами канцлера.

— Король... Фредерик? — выдохнула Анастасия и невольно вцепилась пальцами в подлокотники кресла. — Но...

— Никаких «но», ваше высочество, — усмехнулся канцлер невесело. — Или вы думали: зря в Альтаке приняли этот закон с двойными именами и запретом на женитьбу для бастардов? Во все времена были такие дети. Ничего особенного в этом нет. Вы хотели знать о моём отце? Что ж, пожалуйста, — он был хитрым и жестоким человеком. И целенаправленно растил помощника для одного из своих сыновей. Дал мне всё, что мог, — но любви у него ко мне никогда не было. Я ответил на ваш вопрос?

— Д-да, — произнесла Анастасия, запнувшись, и канцлер, встав с кресла, подал ей руку.

— Тогда пойдёмте, нам пора на обед. И вот ещё что, принцесса... Не думайте об этом. Моё происхождение не имеет для вас никакого значения. Вам достаточно лишь знать, что я не могу причинить зла никому из наследников Фредерика. И если вы станете женой короля Огдена и моей королевой, я буду верен вам до последнего вздоха.

Анастасия приняла протянутую руку и встала.

Глаза щипало от слёз, но она старательно держалась. Только прошептала:

— Он взял с вас клятву, да? Кровную...

— Верно, — кивнул Фокс, и в его лице на мгновение промелькнуло нечто вроде досады.

— А какая была формулировка?

— Я потом расскажу, — пообещал он, сжимая её руку. — А пока идёте обедать.

Глава шестая

Анастасия

После признания канцлера отчего-то стало легче называть его Роландом — будто треснула какая-то преграда, которая находилась между ними. А может, дело не только в его рассказе, но и в том, что Анастасия впервые сняла во время этого разговора эмпатический щит? И почувствовала по отношению к себе то, что не ощущала ещё ни разу в жизни.

Да, когда принцесса училась в университете, она дважды пыталась встречаться с молодыми людьми — аристократами, как и положено. В то время закон о титулах ещё не был принят, поэтому на не-аристократов Анастасия старалась даже не заглядываться — ей хватило безнадёжных и безответных чувств к Гектору Дайду. Находясь рядом с ним, принцесса порой снимала эмпатический щит... но тут же ставила его обратно: было неприятно чувствовать равнодушие главного дознавателя.

Те парни, с которыми Анастасия встречалась в университете, были менее равнодушными, но у обоих интерес к её титулу оказывался выше интереса к личности — это очень чувствовалось по всему, что они делали и говорили. И ничего, кроме разочарования, принцессе те отношения не принесли. Она даже жалела, что родилась Альго, — насколько же проще быть обычным человеком, без дурацкого «ваше высочество»...

Но она, по крайней мере, была вольна делать что угодно — за редким исключением. В целом ни отец, ни дядя не лютовали и не заставляли Анастасию ни присутствовать на официальных приёмах, которые она не любила, ни общаться с «нужными» людьми. Никто не настаивал, чтобы она непременно стала артефактором или дипломатом — нет, все легко приняли её выбор профессии. По сути, история с Огденом была первой попыткой давления на Анастасию со стороны дяди Арена. Но и то — весьма умеренного.

А если судить по тому, о чём вкратце обмолвился Фокс, ему всю жизнь не давали воли. Незаконнорождённый сын короля, из которого специально «лепили» будущего канцлера... Естественно, никто не спрашивал мальчишку, а чего хочет он сам? И с таким отношением к себе он до сих пор сидит во дворце, не уехал никуда...

А может, он и не может уехать? Кто знает, что за формулировка была в той клятве?

Роланд сказал не думать об этом, но у Анастасии не получалось не думать. И она до самого вечера порой проваливалась в рассуждения, невольно бросая изучающие взгляды на канцлера, у которого из-за этого разговора несколько не изменилось настроение — будто и не было её вопроса и их беседы. Анастасия думала о том, каково ему было в детстве... Жить среди роскоши, зная, что ты — старший сын короля, но ни на что не имеешь права. И каково ему сейчас? А ведь он — дядя Арен сам говорил — давно, по сути, управляет Альтакой. Неужели не хочет называться королём по-настоящему?

Несмотря на эти мысли, первый день путешествия прошёл хорошо, Анастасия даже почти не устала от постоянного стука колёс и ощущения, что находишься не у себя дома. И ресторан при вокзале города, где остановился вечером их поезд, тоже порадовал — кормили там хорошо, ещё и развлекали песнями и танцами от труппы местного театра. Даже жаль было через пару часов вновь возвращаться в поезд.

— Спокойной ночи, ваше высочество, — попрощался с Анастасией Фокс, вежливо поклонившись. И иронично покосился на стоящую рядом с принцессой Элизу, которая заинтересованно спросила:

— А вы в другом вагоне живёте, да, Роланд?

Вопрос был более чем бестактный — даже Флоранс и Нинель посмотрели на Элизу с возмущением, а Анастасия почувствовала, что розовеет.

— В другом, — подтвердил канцлер, кивнув, и совсем просто добавил — будто речь шла о погоде: — Вам следует обратить внимание на кого-нибудь другого, милые барышни. Я не зря ношу чёрный цвет.

И пока «милые барышни» переваривали этот ответ, Роланд спокойно удалился.

— Ваше высочество, — вздохнула Элиза сразу после того, как высокая фигура мужчины скрылась за дверью, ведущей в соседний вагон, — а может, вы измените этот дурацкий закон, когда станете королевой, а?

— Лиз, не наглей, — буркнула Флоранс, ткнув подругу в бок локтем. — Её высочество сама разберётся.

— И всё-таки, — вздохнула Нинель, — такой мужчина — и не может жениться... Ну несправедливо же!

Анастасия резко вздохнула и стиснула ладони в кулаки.

Жениться...

Почему-то, как только она представляла канцлера женатым, её захлёстывала волна ярости.

И хотелось кого-нибудь убить.

Чуть позже, когда Анастасия уже находилась в своём купе в одиночестве и даже переоделась в ночную рубашку, в дверь тихо постучали. Принцесса быстро накинула халат и, подойдя к двери, открыла её.

За дверью оказался Риан в сопровождении Моргана Рида. Причём брат улыбался, а вот врач выглядел, как и обычно, хмурым.

— Доброго вечера, Тасси, — произнёс Риан, как только они с Ридом шагнули через порог и Морган закрыл за собой дверь. — Ты кое-что забыла, но мы решили напомнить. Дядя Арен ведь приказал, чтобы Морган смотрел тебя каждый вечер.

«Тасси», «дядя Арен»... Анастасия почувствовала, что глаза у неё непроизвольно лезут на лоб.

— Он... знает? — удивлённо пробормотала девушка и покосилась на сурового Моргана. Тот молча кивнул, а Риан рассмеялся — и Анастасия невольно застыла, вслушиваясь в звучание совсем другого голоса и всматриваясь в чужое лицо. Это было безумно необычно — видеть и слышать брата в другом человеке. Иной голос, иная внешность... Но настоящее проступало в Риане, как истинные черты человека проступают даже сквозь грим, и Анастасия никак не могла отделаться от ощущения, что её брат вот-вот встряхнётся, словно собака, и сбросит маску с лица.

Впрочем, она понимала, что он этого точно не сделает.

— Знает, — произнёс Риан и с улыбкой оглянулся на Моргана. — Видишь, как он доволен по этому поводу.

Анастасия не удержалась от смешка, увидев, как скривился Рид.

— Извините этого балабола, ваше высочество, — произнёс мужчина уважительно. — Да, я в курсе, кем он вам приходится. Скажите... браслет Тайры за сегодняшний день ни разу не потеплел?

— Вы и о браслете знаете? — удивилась принцесса и искренне опешила, когда Рид спокойно пояснил:

— Тайра — моя дочь, ваше высочество.

— И это она настояла, чтобы Морган тоже отправился в Альтаку, — подхватил Риан, по-прежнему улыбаясь, но уже как-то печально. — Видишь ли, он тоже шаман, как и Тайра. Поэтому и будет осматривать тебя каждый вечер, проверять, не было ли воздействия их магией.

— Защитница, — прошептала Анастасия и, не выдержав, рухнула в ближайшее кресло. Принцессе казалось, что её голова распухла от вопросов. Было ощущение, что она не на помолвку с королём соседней страны едет, а выполняет особо сложное шпионское задание, не иначе.

Может, так и есть, конечно. От дяди Арена всего можно ожидать.

— Так что там с браслетом? — напомнил ей Риан. — Не теплел?

— Нет. Но я ни с кем наедине и не оставалась, кроме одной из служанок, но подозревать Мэл в дурных намерениях я даже в дурном сне не смогу.

— А канцлер? С ним ты оставалась наедине.

Анастасия, фыркнув, покачала головой:

— Оставалась, но ничего плохого он мне не желает.

Она вдруг вспомнила о том, как сняла эмпатический щит и что при этом почувствовала, — и смутилась. Даже на всякий случай ущипнула себя за руку, чтобы не краснеть.

— В принципе, логично, — покивал Риан. — Более того, я уверен, он будет над тобой трястись и пылинки сдувать, чтобы ты в Альтаке осталась — ему это выгодно. Вон даже поддался тебе, чтобы ты выиграла в карты.

— Думаешь, поддался? Я не заметила.

— Да точно, Тасси!

— Он поддавался, ваше высочество, — подтвердил Морган. — Это многие заметили, потому что канцлер не слишком скрывался. Он был осторожен, но можно было сделать всё и изящнее. Видимо, ему было безразлично, догадаемся мы или нет.

— Почему?

— Не знаю. Скорее всего, это просто неважно. Вы теперь знаете, что он поддавался, — ну и что это меняет?

— Вы правы, Морган, — вздохнула Анастасия. — Ничего не меняет. Да и доказательств у вас нет, и, даже если я поинтересуюсь, зачем ему это, он может ответить, что вам просто показалось.

— Зачем ему это, и так понятно, — хмыкнул Риан, почти воинственно складывая руки на груди. — Говорю же — он начнёт теперь с тебя пылинки сдувать и всячески подлизываться. Но это неплохо. Морган, ты будешь смотреть Тасси или нет?

— Буду, — тут же откликнулся врач и, перекинув через плечо сумку из тёмно-коричневой кожи, которую Анастасия поначалу не заметила, открыл её и достал оттуда глиняную миску и металлическую флягу. Поставил миску на журнальный столик перед креслом, на котором сидела принцесса, налил туда воды и попросил, кинув на Анастасию быстрый и серьёзный взгляд:

— Плюньте, ваше высочество.

— Что? — она так поразилась, что даже рот открыла.

— Плюньте, — повторил Морган со вздохом. — Лучше всего судить о состоянии вашего организма по жидкостям, слюну достать проще всего. Извините меня, если это оскорбительно.

— Нет-нет, — тут же засуежилась Анастасия и сделала то, что просил Рид. — Я просто удивилась, только и всего...

Мужчина кивнул и вновь начал что-то доставать из сумки. Расставлял на столе, открывал, а потом бросал в воду, помешивая какой-то палочкой, и вглядывался в содержимое. Анастасия смотрела на это всё, как любой человек смотрел бы на полёт слона, и чувствовала себя по-идиотски, совершенно не понимая, что происходит и как на это нужно реагировать.

— Тасси, — неожиданно позвал Риан и, опустившись на корточки рядом с креслом, улыбнулся, вглядываясь в её глаза. — Может, ты о чём-нибудь хочешь меня спросить? Пока Морган работает, можем тихонько пообщаться.

Анастасия на несколько мгновений задумалась — а ведь действительно у неё было множество вопросов... ещё вчера было. Да и только что, когда Риан сказал, что Морган Рид — шаман и отец Тайры.

Но сейчас она отчего-то ни одного не могла вспомнить.

— Знаешь, — прошептала принцесса и, протянув руку, провела кончиками пальцев по щеке брата. Колючая... — Мне главное, что ты невиновен. А с остальным мы как-нибудь справимся.

Риан кивнул и, перехватив её руку, поцеловал ладонь.

Роланд

Его купе было не таким просторным, как купе Анастасии, но тем не менее одноместным и вполне уютным. Даже кровать поставили широкую, гораздо шире, чем в обычных поездах. При желании здесь и вдвоём можно было бы уместиться, но вот чего Фокс точно не собирался делать, так это соблазнять фрейлин или служанок принцессы. Милые девушки, но не для него.

Умывшись и переодевшись перед сном, канцлер выключил свет, перед этим на всякий случай наложив на дверь дополнительное сигнальное заклинание, а затем лёг в постель. И под негромкий перестук колёс задумался, глядя на едва видимый в темноте потолок.

Сегодня днём Роланд попросил принцессу не вспоминать о том, что рассказал ей, и старательно делал вид всё оставшееся время, что и сам нисколько не беспокоится. На самом деле, этот недолгий диалог и ему растревожил душу и вскрыл старые нарывы. Стало неприятно и обидно, как в детстве, когда Фокс общался с отцом и понимал, что всего лишь инструмент, вещь, поделка, которую обтёсывают до состояния совершенства, чтобы в будущем использовать. Но ни капли не любят, даже не уважают. Хотя, пожалуй, ценят. Да, его настолько ценили, что обманом выманили клятву верности.

Конечно, Фредерик понимал — как только юный Роланд сообразит, в чём дело, даст дёру из столицы при первой же возможности. Не для того король вкладывался в бастарда, чтобы позволить ему убежать. Поэтому клятва содержала обещание не только никогда не идти против братьев, но и не покидать того, кто занимает престол, без его разрешения.

В то время Роланд, выслушав рассказ короля о своём происхождении, не понимал точно, в чём именно клянётся. Да и как было понять, если Фредерик просто сказал:

— Ты уже большой мальчик, кроме того, ты мой сын. И я должен взять с тебя кровную клятву — как гарантию того, что ты никогда не поднимешь руку ни на меня, ни на своих братьев.

— Конечно не подниму! — искренне возмутился юный Фокс. — Это же нечестно! Давайте вашу клятву. Что нужно делать и говорить?

И спустя минуту Роланд просто повторил всё, что сказал ему король. Послушно и спокойно, даже не думая о том, зачем это на самом деле нужно. И не понимая, что человек, который только что назвал себя его отцом, может запросто обмануть.

Понимание всего этого пришло не сразу, но пришло, и разочарование было горьким и абсолютным.

Роланд не мог ничего — ни претендовать на престол, ни участвовать в заговоре против своих братьев, ни уехать из Альтаки, ни жениться на понравившейся девушке. Совершенно бесправное существо, хуже бродячей собаки, у той есть хоть какой-то выбор. Он же был вынужден делать всё так, как хотел Фредерик.

Ну, почти всё.

Незадолго до смерти король, лёжа в постели и наблюдая за Роландом, который кратко пересказывал ему последние события в мире и королевстве, вдруг произнёс:

— Сегодня утром я написал завещание, по которому оставляю престол Тедону.

Канцлер, от неожиданности клацнув зубами, поджал губы и процедил:

— И зачем вы это сделали, ваше величество? Чтобы мальчишки не передрались?

— И это тоже, — кивнул Фредерик и, прокашлявшись, продолжил: — Они же как два шелудивых кота, никак не поделят территорию.

— Думаете, ваше завещание остановит их от вражды? — Роланд с иронией рассмеялся. — Я не имею подобных иллюзий. Как только вы покинете этот мир, у нас начнётся гражданская война.

— Так предотврати её, — прошипел король, вытер кровь, выступившую на губах, усмехнулся и многозначительно посмотрел на своего старшего сына. — Я что, зря тебя всему учил? Сделай так, чтобы в Альтаке не было никакой гражданской войны.

— Как?

— Как хочешь. Ты сообразительный, Роланд. Даже жаль, что я заставил тебя дать ту клятву... Теперь можно было бы всё переиграть, но увы — не получится. Боюсь, даже если бы я написал завещание, где объявил бы тебя наследником престола, это не сработало бы. Завещание завещанием, но как только ты пойдёшь против воли своих братьев — нарушишь клятву.

Фокс настолько удивился сказанному, что несколько секунд просто смотрел на Фредерика, не понимая — он действительно это сказал или слышалось?

— Вы... думали о том, чтобы...

— Ещё бы я об этом не думал, — скривился король. — Ни Теден, ни Грегор не смогут удержать престол без твоей помощи. Огден... не знаю, не знаю... Не уверен, что он будет править лучше, чем тот же Теден. Поэтому пусть уж будет старший. Тебе останется только сделать так, чтобы они не поубивали друг друга.

— Как скажете, — пожал плечами Роланд.

Именно в тот момент ему впервые пришла в голову неожиданная, но вполне ясная мысль: а что, если попытаться обойти клятву верности? В ней было сказано обо всех братьях, ни о ком конкретном. Но что, если попытаться посадить на престол не Тедена, а Огдена? Сделать ему такое предложение, а остальное будет решать он сам. Тогда никакого нарушения клятвы не получится, ведь в ней не сказано, кто именно должен занимать трон. И против братьев Роланд не идёт, а всего лишь предлагает Огдену поучаствовать в праве на престол. Это не измена.

Так он в итоге и сделал. И не прогадал — кровная клятва не сработала, Огден отослал Тедена и Грегора подальше от столицы и сам стал королём. Теперь оставалось только выпестовать из него хорошего правителя, а потом можно будет просить позволения об отставке. Если, конечно, Роланд сможет это сделать — иногда канцлеру казалось, что он уже не способен жить без дворцовых интриг и государственных дел, так с ними сросся.

Так что, возможно, быть ему канцлером до самой смерти.

Анастасия

Следующий день как под копирку напоминал предыдущий — целые сутки в поезде: завтрак, обед, ужин в придорожном ресторане, разные настольные игры в перерывах между трапезами, интересные беседы обо всём на свете и кокетство её компаньенок по отношению к Роланду. К сожалению, оно ничуть не уменьшилось, несмотря на его деликатное предостережение. Даже наоборот — все три девушки ещё сильнее начали стараться расшевелить канцлера, только Нинель иногда задумчиво стреляла глазами в Риана, будто пыталась понять, стоит ли ей переключиться на другой объект воздыхания.

В целом скучно не было, лишь одно смущало Анастасию — ей всё время хотелось поговорить с Роландом наедине, но она не знала, как это сделать, чтобы соблюсти приличия. Рядом с ней постоянно кто-то был, и Анастасия опасалась просить канцлера об уединении — мало ли,

как это воспримет король Огден? Может, посчитает оскорблением? Если узнает, разумеется. Докладывать, в принципе, особо некому. Не станет же канцлер сам рассказывать?

Разочарованная, что за весь день так и не нашлось повода, чтобы остаться с Роландом наедине и задать ему пару вопросов, Анастасия пожелала всем спокойной ночи и отправилась в своё купе, как и накануне. Отпустила служанку отдыхать, и, как только девушка вышла, в дверь постучали. Принцесса думала, что это вновь Морган и Риан — пришли проверять её на шаманское воздействие, — но за порогом оказался канцлер.

— Прошу прощения, ваше высочество, — произнёс он с лёгкой улыбкой и поклонился. — Могу я войти?

Возле купе Анастасии круглые сутки находилась стража, и принцесса слегка смутилась, поняв, что они видят, как Фокс пришёл к ней на ночь глядя, но отказывать не стала. Как и вызывать кого-то из компаньонов. Так полагалось делать незамужним девушкам в Альтаке — в Альганне правила были проще даже для принцесс.

— Конечно, заходите, — Анастасия кивнула и, отойдя в сторону, опустила в кресло. — Присаживайтесь, канцлер. Вы что-то хотели обсудить?

Роланд закрыл дверь, а затем подошёл к креслу напротив и опустился в него. Посмотрел по сторонам и усмехнулся каким-то своим мыслям.

— У вас здесь очень красиво. Но вам не хватает растений, чтобы чувствовать себя уютно, верно?

— Верно, — вздохнула Анастасия, с тоской вспомнив свою прежнюю комнату. — Вы так решили, потому что я работала в оранжерее?

— В том числе. В целом мне просто показалось, что вам нравятся живые цветы, вам хорошо рядом с ними. Поэтому я предположил... В Мальтеране комнатные растения не приняты, но мы легко уладим этот вопрос.

Анастасия вспомнила, как Риан говорил, что канцлер теперь будет пылинки с неё сдувать, и, невольно выпрямившись в кресле, повторила свой первоначальный вопрос, стараясь говорить уже не столь радушно:

— Что вы хотели обсудить?

Роланд внимательно и испытующе смотрел на неё, и от этого прямого взгляда Анастасии стало слегка не по себе. Но не неприятно, нет — наоборот. Его взгляд щекотал её, как тонкое пёрышко, и хотелось улыбнуться.

— Вам не идёт суровость, вы знаете? — произнёс неожиданно Фокс, лукаво сверкнув глазами. — Она придаёт вам обиженный вид. Не нужно пытаться быть тем, кем вы не являетесь, принцесса.

Анастасия фыркнула — отчего-то было совсем не обидно такое слышать, даже наоборот. Этот мужчина словно признавал за ней право на слабость, говорил ей, что при нём не обязательно держать маску.

— Вы имеете в виду — рядом с вами? Или всегда?

— Рядом со мной особенно. Но главным образом со всеми остальными. Будьте милой и нежной — такой, какая вы и есть. А если пожелаете указать человеку его место, не старайтесь быть суровой и важничать. Простите, но у вас это немного смешно получается. Гораздо лучше, если вы будете холодны и перестанете улыбаться.

— Я учту, — кивнула Анастасия и, не выдержав, улыбнулась. — Значит, вы это и хотели обсудить? Моё будущее поведение во дворце Мальтерана? Хотите, чтобы я покорила сердце Огдена?

Канцлер опустил глаза — будто опасался, что принцесса сможет прочитать его мысли. И произнёс, глядя в стол:

— По правде говоря, мне в течение всего дня казалось, что вы желаете что-то у меня спросить, но при всех не решаетесь. Поэтому я зашёл. А про ваше поведение заговорил, потому

что вы неожиданно стали более суровой, словно из-за чего-то на меня обижены. Я прошу вас рассказать, из-за чего.

Отнекиваться Анастасия не стала.

— Вы поддавались мне вчера во время игры в болвана.

Она ожидала, что канцлер будет отрицать. Но он, усмехнувшись, признался, вновь поднимая взгляд:

— Да, поддавался. Признаю свою вину. В тот момент мне хотелось узнать, как вы примете свой выигрыш. И как отреагируете на предложение загадывать фанты вашим спутникам.

— И что? — Анастасия подняла брови, чувствуя себя возмущённой. Вот же... экспериментатор. — Я вас не разочаровала?

— Нет, ваше высочество.

— И вы сделали вывод, что я всё же не похожа на своего отца-предателя? — выпалила она, раздражённо сощурившись, и поджала губы, когда Роланд кивнул, не отрицая:

— Да, вы верно понимаете. — Канцлер вдруг встал с кресла и, пока Анастасия удивлённо на него смотрела, обошёл журнальный столик и опустился на колени рядом с креслом принцессы. Взял её за руку, улыбнувшись ошеломлённому выражению лица, поднёс ладонь к лицу и, коснувшись тонкой белой кожи на тыльной стороне губами, серьёзно и проникновенно произнёс: — Я прошу простить меня, принцесса.

Пытаясь скрыть смущение, Анастасия осторожно отняла у мужчины свою руку и нарочито насмешливо сказала:

— Вы, оказывается, склонны к театральным эффектам.

— Бывает, — не стал отрицать Роланд, по-прежнему не поднимаясь с колен. — Но это не отменяет моей искренности. Я прошу меня извинить. Я должен был понять, что вы за человек.

— Поняли?

— Понял. Вы нежная и добрая девушка. Искренняя и совсем не избалованная.

Канцлер так смотрел на Анастасию, говоря всё это, что она не выдержала и отвела взгляд. Слишком горячо. И в груди, и щекам...

— Подхожу... этому вашему... Огдену? — пробурчала она как-то совсем нелепо и сжала руки на коленях.

— Я не уверен, что на свете найдётся мужчина достойный вас, Анастасия, — проговорил Роланд очень тихо и настолько трепетно, что она не выдержала — и, вздрогнув, выпалила, пытаясь отвлечь саму себя от сладкой патоки, в которую погружалось её сознание:

— А почему Огден? Почему вы не выбрали другого принца? Например, старшего.

Защитница, как же хочется снять эмпатический щит! И узнать, что скрывается за этим молчанием. Но Анастасия боялась, что в таком случае она вообще забудет, кто она, где и зачем едет в Альтаку.

— Я расскажу, ваше высочество. Если вы того желаете, расскажу. Могу я вернуться в кресло?

— Да, разумеется.

Роланд сдержал слово — рассказал ей и про свою клятву верности, данную королю Фредерику в глубоком детстве, и о его завещании, и о решении посадить на престол Огдена, чтобы на троне всё-таки находился ответственный человек, а не мальчишка. Пусть и не подготовленный к управлению государством.

Анастасия слушала с большим интересом... и восхищением.

И совершенно не представляла, каким должен быть Огден, чтобы переплюнуть в её глазах канцлера — самого удивительного мужчину из всех, кого она встречала.

Роланд

Всё шло по плану, но от этого Роланду было тошно. Да, в отличие от своего отца, который умел манипулировать кем угодно и сколько угодно, Фоксу тяжело давалось подобное по отношению к тем людям, которые были ему симпатичны. Даже от манипуляций решениями Огдена порой становилось не по себе, что уж говорить про прекрасную и чистую Анастасию.

В целом Роланд знал, что не делает принцессе ничего плохого, даже наоборот — пытается облегчить ей жизнь, подсказывая и направляя. И всё равно было тяжело и противно. Он ведь не столько ради Анастасии, получается, старался — скорее, ради страны. Будет лучше, если принцесса выйдет замуж за Огдена и останется в Альтаке. И нужно сделать так, чтобы при этом и сама Анастасия была вполне довольна своим решением и ни о чём не жалела.

Сделать это, учитывая настроения Огдена, будет весьма тяжело. Но нужно постараться.

На третий день путешествия поезд для разнообразия и по техническим причинам остановился не вечером, а днём, и в придорожный ресторан они отправились не ужинать, а обедать. Ресторан был большой, но из-за приезда принцессы вход для посетителей был невозможен — обслуживали только их делегацию. И обслуживали шикарно, даже полноценный оркестр организовали, и на большом пространстве в центре зала можно было потанцевать.

Этим немедленно воспользовались фрейлины принцессы, принявшись наперебой приглашать Роланда. Причём, поскольку от столицы Альганны поезд отъехал на запад уже довольно-таки далеко, привычные мелодии в ресторане практически не звучали — оркестр играл то, что было популярно у местных. А у местных были популярны в основном «дикие пляски», как называл подобные развлечения Фокс, — быстрые и стремительные, не танцы, а бег на короткую дистанцию, только с гимнастическими фигурами.

К удивлению Роланда, все три девушки танцевали отлично — тогда как Анастасия смотрела в центр зала с настороженной опаской и составить кому-то компанию не рвалась. Канцлер даже не стал её приглашать, понимая, что для принцессы подобное не будет удовольствием, а вот испытанием станет точно.

— Как же вы замечательно танцуете, Роланд! — восхитилась Элиза, когда он с ней под руку вернулся к столу, за которым обедали остальные. Все, кроме Риана Ортего и Флоранс — эта парочка шла след в след. И если Роланду было понятно, где могли научить подобным пляскам сотрудниц первого отдела и комитета безопасности — физической подготовке там традиционно уделялось особенное внимание, — то как, когда и в каком заведении учили артефактора принцессы, оставалось неясным. — А давайте ещё раз!

— Нет, благодарю, — вежливо отказался Фокс. — Мне достаточно. — Он считал, что выполнил свой долг, осчастливив всех фрейлин Анастасии — по одному танцу на каждую девушку. — Я лучше пообедаю. Я даже салат ещё не доел.

Роланд сел на место рядом с Анастасией и, кинув мимолётный взгляд на слишком отстранённое лицо принцессы, поинтересовался у Ортего, который как раз садился напротив:

— А где вы учились танцевать, Риан? Подобный уровень мастерства редко встретишь среди артефакторов.

К удивлению Фокса, Ортего отчего-то задумался, будто никак не мог решить, что ответить. За него ответила Анастасия:

— Мы вместе учились танцевать, канцлер. Риан был моим партнёром в детстве. У нас были одни и те же учителя.

Теперь стало яснее, отчего однажды в разговоре у артефактора промелькнуло нечто фамильярное по отношению к императору. Кажется, Ортего хотел назвать того «дядей Ареном».

— Ничего себе! — восхитилась Флоранс, и на некоторое время фрейлины переключились на Риана, начав кокетливо стрелять глазками уже в него. Расспрашивали обо всём на свете, особенно об уроках танцев в детстве, но отвечал парень вяло.

Одна только Элиза не участвовала в этом диалоге, посылая многозначительные взгляды Роланду, а он делал вид, что ничего не понимает. Причём эти взгляды отлично видела ещё и Анастасия и укоризненно косилась на Элизу в ответ.

Подобное случалось с Фоксом не впервые. Будучи непривлекательным для женщин в вопросе заключения брака, он весьма интересовал некоторых дам в плане создания временного союза для удовлетворения интимных потребностей. В качестве любовника его хотели многие — по разным причинам. У Элизы, Флоранс и Нинель особых причин быть не могло — скорее, просто скука и «спортивный интерес». Девушки не видели проблемы в том, чтобы «поухаживать» за канцлером, им было интересно, кого он выберет.

Удивляла реакция Анастасии, которая воспринимала это всё слишком всерьёз, в отличие от Роланда. Он понимал, что девушки уgomонятся, как только приедут в Альтаку, где кандидатов для оттачивания их навыков флирта окажется полный дворец. Пока же следовало просто подождать.

Но Анастасия расстраивалась и словно даже сердилась, из чего можно было сделать вполне однозначный вывод...

И Роланд не знал, рад он этому выводу или нет. Конечно, когда твои чувства взаимны, обычным людям следует радоваться, но он-то не совсем обычный человек. Анастасии и так будет непросто в Альтаке, а если она ещё и испытывает чувства к канцлеру...

Так что Роланд надеялся, что ошибается. Пусть принцесса просто симпатизирует ему, но без влюблённости.

Ей следует влюбиться в Огдена, а Огдену — влюбиться в неё.

Анастасия

Знала ли она раньше, что такое ревность? Пожалуй, нет. Единственного человека, про которого Анастасия могла сказать, что была сильно влюблена в него, она почти не ревновала. Наверное, потому что целиком и полностью осознавала бесполезность этого предприятия.

Сейчас, на самом деле, она тоже осознавала, что ревновать бессмысленно. Во-первых, для её компаньонов флирт с Роландом — всего лишь развлечение в дороге. Если бы он выбрал одну из девушек, они уже наверняка уgomонились бы, но канцлер никого не выделял — вот они и соревновались. Во-вторых, реакция Роланда показывала, что ему всё равно, в таких условиях ревновать даже было глупо. Ну и в-третьих...

Анастасии с ним не по пути. Её ждёт Огден, а если не он, то обратная дорога в Альганну. Другого варианта нет.

А если бы был?

Анастасия украдкой поглядывала на Фокса и думала — а что, если бы он, как обычный мужчина, мог на ней жениться? Что тогда? Смогла бы она в таком случае пойти против воли императора и заявить дяде, что ей нравится совсем не Огден?

Но тут возникала другая проблема — бастарду короля Фредерика вряд ли позволили бы жениться на принцессе Альго. Альтаку и так разрывает от постоянных дворцовых переворотов — три смены династии за последние сто лет! Их союз стал бы той ещё красной тряпкой для правящего короля. Нет, конечно, брак между ними невозможен...

Защитница, и почему она вообще об этом думает?..

Смущённая собственными мыслями, Анастасия после обеда старалась даже лишний раз не смотреть на Роланда. Хотя это было проблематично — они вновь сели за настольные игры, и канцлер пару раз попадал в пару с принцессой, а ещё пару раз — наоборот, играл против неё. И он не поддавался. Анастасия поняла это, потому что канцлер, к сожалению, вновь начал всё время выигрывать, из-за чего настольные игры быстро всем наскучили.

Тогда Нинель предложила сыграть в пантомиму — ведущий пишет какие-нибудь слова на клочках бумаги, их складывают в шляпу и вытаскивают по очереди. Что вытащил — то и пытаешься изобразить жестами. Тот, кто угадает, загадывает тому, кто показывал, какой-либо фант. Играют все, кроме ведущего, но после очередного раунда он меняется.

Вот тут Роланд и попался! Что пытались изобразить остальные игроки, он угадывал из рук вон плохо, ни разу не получилось. Зато слово, которое изображал канцлер, быстренько угадала Элиза, и в качестве фанта потребовала:

— Хочу увидеть вашу комнату, Роланд!

Анастасия почувствовала, что невольно начинает краснеть от злости, и, чтобы успокоиться, схватила со столика стакан с водой. Сделала глоток, про себя считая до десяти, и едва расслышала спокойный ответ Фокса:

— Как хотите. Пойдёмте, я покажу.

А как только Элиза и Роланд вышли из гостиной, Нинель возмущённо воскликнула:

— Вот хитрюга! Не мытьём, так катаньем — но выиграла ведь!

— Ты о чём? — удивлённо спросил у девушки Риан. Он перешёл со всеми компаньонками Анастасии на «ты» ещё в первый день, называя на «вы» только камеристку и канцлера.

— Да мы поспорили, — поморщилась Флоранс, пока Нинель возмущённо пыхтела. — Кто из нас первой окажется в комнате Роланда. Поэтому и кокетничали с ним. Ну, мы с Нинель поэтому, а у Элизы, кажется, и правда что-то ещё есть. И вот ведь какая! Использовала фант, чтобы выиграть спор!

Риан засмеялся, улыбнулись Кларисса и Морган, а вот Анастасии отчего-то было не смешно. Да и канцлер никак не возвращался...

— Девочки, — она строго посмотрела на Нинель и Флоранс, — пожалуйста, не надо так делать. Я понимаю, вам скучно. Но не нужно спорить на живых людей, это недостойное поведение.

— Так они не на живого человека, а на комнату! — весело возразил Риан, но, заметив сердитый взгляд Анастасии, сделал знак, что закрывает рот на замок и выбрасывает ключ.

Элиза и Роланд пришли ещё через минуту. Лицо у канцлера было бесстрастное, а вот у Элизы — недовольное.

Что, разумеется, очень обрадовало Анастасию.

Роланд

Зачем Элизе его комната, канцлер прекрасно понимал — спор или интимный интерес, а может и то и другое. Хотя интерес точно был, судя по тому, какие налёты сразу стала делать девушка, оказавшись за порогом. Роланд их привычно проигнорировал, не спеша закрывать дверь, а потом и вовсе вышел, заявив, что нужно поскорее вернуться. Элиза, естественно, осталась недовольна, но Роланда это совсем не волновало.

Он зашёл к принцессе, как и накануне, после ужина, перед сном. И удивлённо улыбнулся, заметив её влажные волосы.

— Не ждали меня, ваше высочество? — мягко поинтересовался Фокс, невольно скользнув взглядом по фигуре принцессы. Да, девушка недавно вышла из душа — не только волосы, но и кожа казалась немного влажной. А ещё Анастасия была не в платье, а в халате. Он, разумеется, был закрытым — даже более закрытым, чем некоторые бальные платья, — но всё равно у Роланда возникло ощущение какой-то интимности. Словно он не к принцессе и своей будущей королеве пришёл, а к близкому и родному человеку.

— Не ждала, — буркнула Анастасия, старательно отводя взгляд, как делала это практически весь день. — Я вообще думала, что вы заняты.

— Чем я могу быть занят в поезде? Здесь даже лучшие браслеты связи работают из рук вон плохо.

— Ну мало ли — книжку читаете, с Элизой... гуляете.

— Вам не стоит беспокоиться, — ответил Роланд честно. — Я не заинтересован в этой девушке. Могу я присесть, принцесса?

— Садитесь, — она кивнула и сама села в одно из кресел. Канцлер опустился напротив и спросил, глядя на распущенные волосы Анастасии, которые из-за влажности начали виться:

— А почему вы не высушите их магией до конца? Зачем держите мокрыми?

— Полностью сушить волосы вредно, это каждая девушка знает.

— Ах, вот оно что, — рассмеялся Роланд. — Да, я действительно не в курсе, но я и не девушка.

Анастасия после этой фразы стала менее суровой, даже улыбнулась.

— Думаю, если бы вы были девушкой, ваша жизнь была бы гораздо проще. Вряд ли в таком случае король Фредерик стал бы делать из вас...

Она запнулась, подбирая слова, и канцлер помог ей:

— Раба. Он сделал из меня раба королевской семьи. Тут вы правы — скорее всего, если бы я родился девочкой, Фредерик позволил бы мне жить как хочу. Ну, в разумных пределах — у незаконнорождённых девочек в Альтаке нет никаких послаблений, они точно так же не могут выходить замуж и рожать детей. Зато они способны уехать, например, в Альганну и жить там по законам вашей страны. Что и делает большинство, кстати, и не только девочек.

— А вы бы уехали? — спросила Анастасия с искренним интересом. — Если бы не клятва? Уехали бы?

— Это сложный вопрос, ваше высочество, — Роланд пожал плечами. — С одной стороны, мне хотелось бы получить свободу, но с другой — в Альтаке вся моя жизнь, я привык к своей работе, и мне она нравится. Думаю, если бы не это, я бы уже не выдержал. Но, видите ли, мне действительно доставляет удовольствие быть канцлером. Для вас это, наверное, странно звучит?

— Совсем нет. Хотя дядя Арен никогда не стремился быть императором... А вот мой отец — да, и очень, — тяжело вздохнула Анастасия, вспомнив родителей. — Вы в курсе, разумеется. Теперь весь мир в курсе, как сильно можно хотеть власти, чтобы даже пойти против брата.

— Так не только в Альганне. Просто в вашей стране из-за особенностей родовой магии перевороты проблематичны. Артефакт, который вы называете Венцом, сам выбирает, кто наследует трон, и это большое благо — подобное избавляет от многих конфликтов. Поверьте мне, как человеку, который полжизни видел, как ругаются из-за собственных амбиций двое сыновей короля Фредерика.

— Сильно ругались? — удивлённо покачала головой Анастасия. — Мне это сложно понять. Я всегда думала, что быть королём или императором — слишком тяжёлая повинность, странно её желать. Ещё и пример дяди Арена был перед глазами. А получается...

— Да, власть порой пьянит, — кивнул Роланд, усмехнувшись. — Даже на меня действует моя весьма ограниченная власть. И на Огдена. До того, как стать королём, он был гораздо более милым парнем.

— Неужели настолько изменился? — сразу напряглась принцесса, и Роланд вздохнул. Разговор предстоял из пренеприятных, но... пора.

— Не сильно, — осторожно произнёс Фокс, внимательно глядя на Анастасию. Он безумно сочувствовал ей в эти минуты. — Но изменился. И, ваше высочество... я должен кое-что сказать вам насчёт Огдена. Это не самые хорошие новости, они вам не понравятся, я понимаю. Однако я заранее прошу вас не горячиться и подумать. Приехать в Мальтеран, посмотреть на всё, пообщаться с принц... то есть с королём. И только после этого принимать решение.

Анастасия мгновенно, как только услышала фразу «не самые хорошие новости», стала похожа на натянутую тетиву лука. И Роланд опасался, что выпущенная принцессой стрела обязательно попадёт ему прямоком в сердце.

— Я слушаю вас, канцлер.

Говорить было сложно, безумно сложно. Он даже не мог вспомнить, когда ему в последний раз было настолько тяжело выражать свои мысли. Роланд знал, что обязательно ранит Анастасию всем сказанным — несмотря на то, что она ещё не знакома с Огденом. Услышать такое болезненно для любой девушки, тем более для принцессы.

И особенно — для такой нежной принцессы, как Анастасия.

— У Огдена была невеста. До того, как он согласился во всём этом участвовать, он собирался жениться. Но император Арен поставил условие — помощь взамен на ваш возможный брак, причём отказаться вольны лишь вы — не Огден.

— Можете не продолжать, канцлер, — Анастасия с грустью улыбнулась. Она была очень бледна. — Я не понимаю, зачем в таком случае еду в Альтаку. Давайте я откажусь? И Огден женится на девушке, которую любит.

— Подождите, ваше высочество. Я не зря просил вас не торопиться. Любовь — это прекрасное чувство, хотя я не могу сказать, что сильно в нём разбираюсь. Но оно имеет свойство проходить. Да, сейчас Огден очарован другой, но не факт, что так будет всегда. Брак с ним — ваш шанс начать новую жизнь, без оглядки на прошлое в лице вашего отца. Не нужно отвергать этот шанс сразу. Подождите. Подумайте. Посмотрите. В конце концов, Огден — взрослый мужчина, вы же не считаете, что он никогда и никем не увлекался? Это примерно то же самое, просто зашло чуть дальше.

Анастасия и правда задумалась. Отвела глаза и подняла их вверх, словно разглядывая потолок и стены, закусила губу, вздохнула...

— Думаю, вы правы. Кроме того, будет весьма оскорбительно, если я приеду и сразу уеду. Значит, стоит остаться хотя бы на какое-то время.

— Вам следует знать ещё кое-что. — Говорить дальнейшее было сложнее всего. — Эта девушка живёт во дворце. И её покои находятся напротив покоев Огдена.

Лицо Анастасии дрогнуло и исказилось от обиды, и Роланд поспешил добавить:

— Я понимаю ваши чувства. Но, поверьте, абсолютно неважно, где она находится. Более того, уверен, что держать её во дворце сейчас — лучший выход.

— Почему? Это дурно выглядит.

— Разумеется. Но, ваше высочество, я отнюдь не уверен, что любовницу Огдена — простите, я буду называть вещи своими именами — не захотят использовать его враги, которых у него достаточно. Пусть она находится поблизости, так за ней проще приглядывать.

— Но не напротив же покоев моего так называемого жениха, — поморщилась Анастасия. — Простите, канцлер... Это отвратительно! Я не для того уезжала из Альганны, где на меня косо смотрели, чтобы попасть в такую же ситуацию.

— Здесь не соглашусь — ситуация совсем другая. Предательство ваших отца и брата несравнимо с временным наличием любовницы.

— Вы так уверены, что она — временное явление? — вздохнула принцесса. — Всё-таки Огден хотел жениться...

— Если бы хотел, он бы женился, — отрезал Роланд, ощутив резкую вспышку злости на младшего сына бывшего короля. — Но он предпочёл занять трон. Огден сделал свой выбор, а за выбор всегда приходится отвечать.

— Согласна, — пробормотала Анастасия и, вновь подняв грустные глаза к потолку, негромко произнесла: — Что ж, я тоже отвечу за свой выбор и не стану уезжать сразу. Подожду и присмотрюсь. Вы довольны?

— Да, — кивнул Роланд, отчего-то никакого удовлетворения не чувствуя. — И помните, что я на вашей стороне, принцесса.

Глава седьмая

Огден

В день, когда должна была приехать Анастасия, дворец стоял на ушах с самого утра — всё мылось, протиралось и всячески готовилось к визиту принцессы. Всеобщий ажиотаж захватил даже Каролину, которая изначально не хотела во всём этом участвовать, даже несмотря на то, что Огден по-прежнему намеревался назначить её главной фрейлиной. Его бывшая невеста изначально собиралась надеть самое скромное платье и вообще вести себя тихо, но, когда увидела, как слуги готовят дворец, намывая его и украшая свежими цветами, передумала. Решила, что должна соответствовать, и полдня выбирала платье и драгоценности, а вторые полдня готовилась к встрече и делала причёску.

Огден помнил подобные приёмы — король Фредерик устраивал их часто. Младший принц перестал жить во дворце ближе к совершеннолетию, а до этого регулярно любовался на балы и встречи почётных делегаций из других стран. Принимали всех по-разному — в зависимости от традиций прибывающих гостей. Альганна в плане традиций почти не отличалась от Альтаки, поэтому можно было просто хорошенько всё помыть, украсить, приготовить вкусный ужин и надеть красивую одежду. Делегации из других стран встречали по-другому. К примеру, представители из Корго очень огорчались, если видели у женщин непокрытые волосы, поэтому всем придворным и слугам женского пола приходилось носить палао — специальный головной убор, оставляющий открытым только лицо. И красное мясо коргианцы не ели, только птицу или рыбу, подать на стол что-то другое считалось оскорбительным.

Однако, несмотря на то, что никакого особенного приёма гостям из Альганны не было нужно, Огден чувствовал всеобщую нервозность. Ну как же! Впервые в истории в Альтаку приезжает принцесса Альго, чтобы выйти замуж за короля. А король — вот дурак-то! — жениться на ней совсем не хочет.

Хмурые и укоризненные взгляды Огден ловил на своей персоне даже от простых слуг, которые, по-видимому, как и многие другие, не понимали, почему он не схватился обеими руками за возможность укрепить позиции Альтаки, за шанс для своей династии остаться во главе страны на долгие годы, прекратить бесконечные государственные перевороты. Поддержка императора Арена, которой, как ни крути, добился Фокс, — дорогого стоит. А Огден собирается бросить её псу под хвост.

Он и сам не понимал до конца, отчего настолько недальновидно поступает. С одной стороны, осознавал, что ему, наоборот, следует стелиться у ног Анастасии ковриком, лишь бы она осталась в Альтаке. Если он женится на ней — всё, страну перестанет мотать из стороны в сторону. Это же великое благо!

Но, с другой стороны, для того, чтобы получить подобное благо, надо отказаться от Каролины. Сейчас как минимум отселить её из дворца в городскую квартиру, но в дальнейшем почти наверняка отказаться совсем. Не станет принцесса терпеть любовницу — это однозначно. Да и не сможет Огден бегать от законной жены к другой женщине, не тот у него характер. В отличие от Фредерика, который считал, что брак — это одно, а всё остальное — совсем другое, его младшему сыну хотелось постоянства. Кроме того, он видел, что отца по-настоящему никто не любил — ни жена, ни дети, ни его многочисленные любовницы. Фредерик был сам по себе. И Огдену такой судьбы для себя не хотелось.

Поэтому он и разрывался от противоречивых эмоций и желаний. Да — шанс, да — закрепиться на троне было бы прекрасно. Но не ценой же личного счастья?

Анастасия вместе со своей свитой и остальными сопровождающими должна была быть в королевский дворец Мальтерана около шести часов вечера. Её ждали все. Казалось, даже насекомые замерли в воздухе, чтобы лучше рассмотреть вереницу из магмобилей*, которые двигались по широкой дороге от вокзала до дворца, проехав половину города. (*Магмобиль — магический автомобиль.) И местные жители стояли на всём протяжении дороги, заполнив тротуары так, что пройти сквозь толпу сбившихся в кучу людей можно было только если попытаться их перепрыгнуть.

Всем хотелось увидеть принцессу. В столичных газетах, с тех пор как император Арен в Альганне объявил о помолвке Огдена и Анастасии, только о принцессе и писали. И публиковали магпортреты в диких количествах. И откуда взяли столько... Не иначе, у альганских коллег попросили.

Принцесса на этих портретах, конечно, была очаровательна, глупо отрицать. Анастасия — очень красивая девушка, ещё и поэтому придворные особенно недоумевали из-за поведения Огдена. Ладно бы была старая или несимпатичная! Но ведь чудесная, милая и нежная, с ласковым взглядом и открытой улыбкой. Да на неё молиться надо, а не нос воротить.

За эти мысли было особенно стыдно. Словно каждый раз, когда Огден смотрел на магпортрет Анастасии и думал, как было бы удобно не иметь перед Каролиной никаких обязательств, он предавал свою бывшую невесту, которая была не виновата в том, что он сначала собирался на ней жениться, а потом принял предложение канцлера. Хорошо хоть во дворце Каролину никто не обижал.

За тем, как магмобили заезжают на территорию дворца и останавливаются возле парадного входа, Огден наблюдал из окна тронного зала. Выходить на улицу ему не полагалось — он должен был встречать невесту здесь, внутри. Желательно ещё и сидя на троне, в окружении многочисленных придворных, но сидеть не получилось. Огден, услышав шёпот, пронёсшийся над толпой, — «Приехали!» — всё-таки вскочил с трона и метнулся к окну.

Из первого магмобиля торжественного алого цвета сначала выбрался канцлер. Вокруг всё было ярким, праздничным — слуги расстарались, да и золотая осень в этом году выдалась исключительной. И на фоне красного, жёлтого, белого и прочих радостных цветов Остин Роланд Фокс выглядел мрачной кладбищенской вороной. Впрочем, очень уверенной в себе вороной.

Огден ожидал, что следом за канцлером из магмобиля покажется принцесса, но нет — из салона показалась нога в тёмно-коричневых брюках, потом торс, и на светло-бежевый гравий шагнул ещё один мужчина, худой и высокий. За ним из магмобиля выбрались трое безопасников в тёмно-красных, как густая кровь, мундирах — охранники Анастасии, это Огден понял по форме. Именно представители службы безопасности в Альганне носили такие мундиры. И уже после них...

Канцлер шагнул вперёд и протянул руку, почтительно поклонившись, из-за чего Огден сразу замер и вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит в салоне магмобиля, — но мешала проклятая дверца.

Тонкая девичья рука легла в ладонь канцлера, и Фокс, выпрямившись, помог Анастасии выйти из машины.

Принцесса поражала красотой даже издалека — магпортреты не передавали и сотой доли её очарования. Замечательная фигура, пышные светлые волосы до талии, немного выющиеся, уложенные с истинно королевской небрежностью. Огден изрядно удивился тому, что Каролина, потратив полдня на свою внешность, точно не выглядела сейчас более утончённой, чем принцесса, которая полчаса назад вышла из поезда. Причёска Каролины — волосок к волоску — смотрелась отлично, но почему-то казалась куда менее продуманной, чем оставленные распущенными волосы Анастасии. Принцесса, двигаясь к парадному входу под руку с канцлером

и короткими кивками здоровающаяся с придворными, была по-настоящему величественной. Уверенная походка, идеальный разворот плеч, мягкая улыбка.

Все встречающие Анастасию, когда она проходила мимо, смотрели на принцессу с искренним восхищением, и от этого Огдену было тошно. Хотя канцлер с самого начала говорил, что принцесса наверняка понравится придворным и, если она в итоге откажется от брака и уедет, Огдену этого могут и не простить. Отличный будет повод для нового переворота, тем более что и претендентов на престол целых двое...

Хотя...

Взгляд короля невольно коснулся макушки Роланда, отливающей медью в лучах закатного осеннего солнца.

Может, и больше двоих.

Анастасия

За прошедшие два дня она успела почти полностью успокоиться. Во многом этому поспособствовал канцлер, который действительно поддерживал Анастасию во всём и всячески выказывал ей своё расположение. Находясь рядом с Роландом, принцесса понимала, что он не даст её в обиду ни в коем случае. И уже только этого понимания хватало для того, чтобы она чувствовала себя намного увереннее.

Иногда Анастасия думала: что было бы, не будь с ней рядом Фокса? Пожалуй, она потерялась бы, особенно в том случае, если бы узнала о наличии у Огдена любовницы уже во дворце. Но Роланд подготовил её к этим реалиям. И очень хорошо объяснил преимущество Анастасии не только в собственных глазах.

— Вы — принцесса, ваше высочество, — так он сказал на следующее утро после того разговора. — И всегда останетесь ею, этого не изменить. Огден стал королём меньше двух месяцев назад и может перестать им быть так же легко, как стал. Понимаете, о чём я? Вы не перестанете быть принцессой ни при каких условиях, тогда как положение Огдена на троне чуть более чем просто шаткое. Вы способны его укрепить. Именно вы, ваше высочество, нужны Огдену, а не наоборот. Помните об этом.

«Это я нужна ему, а не наоборот», — повторяла про себя Анастасия, пока шла от магмобилиа ко входу во дворец, и подобная мысль вызывала у неё непроизвольную улыбку, которую она старательно гасила, чтобы не начать улыбаться слишком уж широко. Всего одна фраза — и Анастасия перестала ощущать себя ненужной принцессой.

Как же хорошо, что у неё есть Роланд!

Дворец оказался очень красивым, хотя, конечно, размеры у него были гораздо скромнее, чем у императорского замка в Альганне. Примерно раза в два. И выстроен он был из более тёмного камня, и окна имел более широкие, а не длинные и сужающиеся кверху, и само здание казалось более приземистым — скорее, это был большой дом, а не замок. По крайней мере, так его воспринимала Анастасия, привыкшая ко дворцу их семьи, который выглядел так, словно хотел проткнуть шпилем небо. Дворец в Мальтеране до неба даже не дотягивался. Зато у него практически на каждом окне были балкончики, увитые плющом и разными цветами — Анастасия едва не споткнулась, рассматривая растения и непроизвольно определяя их вид. Красный плющ и белые вьюнки, зелёный виноградный клевер и розовые лотосы, колючий настенный мох и оранжевые карликовые ромашки... Красота! Значит, ей будет чем заняться, тем более что канцлер обещал не препятствовать желанию Анастасии работать.

Да, балкончики впечатляли — в Альганне выйти из дворца и постоять на балконе можно было только на нижних этажах, и то не везде. Здесь же... Хотя, может, эти балконы — просто декоративный элемент? Будет жаль, если так.

Принцесса с канцлером поднялись по лестнице к гостеприимно распахнутым створкам парадного входа, миновали почтительно склонившихся слуг и пошли дальше — вперёд, через большой холл, к широкой лестнице, устланной ковром насыщенного алого оттенка, который отчего-то ассоциировался у Анастасии со свежей кровью. Она даже с опаской ступила на короткий ворс — ей почудилось, что он тотчас влажно захлюпает.

— Осталось недолго, принцесса, — тихо произнёс Роланд и легко погладил её пальцы на сгибе своего локтя. — Поднимемся по лестнице, пройдем немного по коридору — и тронный зал. Там все важные персоны и собрались. Здесь только слуги.

— Думаю, что глазеть на меня там будут не меньше, — так же негромко ответила Анастасия, не меняя вежливо-приветливого выражения лица. — Но знаете, что удивляет, канцлер? Я будто бы им всем нравлюсь. По крайней мере, слугам.

— Как вы вообще можете не нравиться, ваше высочество? — тут же откликнулся Фокс, и принцесса с трудом удержалась от фыркания:

— Вот не надо этих сомнительных комплиментов! Лучше скажите, в чём дело. Отчего так?

Анастасия не увидела, но почувствовала, что улыбка мужчины стала чуть шире, будто канцлера позабавили её слова.

— Очень многие надеются на то, что вы принесёте мир в Альтаку, принцесса. Слишком много крови было в нашей истории, особенно последние сто лет. Слишком часто меняются династии — простые люди хотят нормально жить, а не наблюдать постоянно борьбу за власть в рядах аристократии.

— Аристократии, которой в Альтаке официально нет, — язвительно пробормотала Анастасия и услышала тихий смешок.

— Вы и сами понимаете, что официальное сильно отличается от реального. Наша аристократия, не скованная вашей родовой магией, обожает мериться силами. И на трон традиционно стараются сажать самых сильных магов. С точки зрения многих, Огден до этого звания не дотягивает — семьдесят шесть магоктав... У Фредерика было на десять больше.

— Дело не в количестве магоктав, а в мастерстве, — возразила Анастасия. — У вас пятьдесят, но я уверена, что вы легко заткнёте за пояс многих магов с восьмьюдесятью.

Роланд не стал этого отрицать, да и времени разговаривать больше не было — они наконец достигли входа в тронный зал. Двери были открыты, и громкий голос дворцового глашатая звонко возвестил, эхом отдаваясь от стен, пола и потолка:

— Её высочество Анастасия Альго с сопровождающим!

Принцессе внезапно стало больно, будто это её называли «сопровождающей», а не Фокса, на лице которого не дрогнула ни одна мышца.

Конечно, он привык. Хотя непонятно, как к такому можно привыкнуть? Он словно не человек, а какая-то тень. Роланда даже представлять на официальном приёме не имеют права, будто бы его просто не существует!

Что же это за страна такая, если человек, который, по сути, управляет ею уже много лет, демонстративно игнорируется обществом?..

Роланд

Только вернувшись во дворец, канцлер понял, насколько же на самом деле не желал сюда возвращаться. Потому что это означало возвращение к прежней жизни, в которой он был важной персоной, но при этом являлся человеком, которого не хотели замечать — будто стыдились. К нему обращались при необходимости, его мнение учитывали, его уважали. О его происхождении благоразумно не вспоминали, зная, что у канцлера достаточно власти для того, чтобы доставить проблемы. Но при всём этом он всегда ощущал себя львом на цепи. Да, важ-

ный и опасный, но на цепи ведь. И на ступеньку ниже остальных — потому что не человек, а животное.

В обществе принцессы Роланд терял это ощущение. Именно в её обществе — остальные сопровождающие, разумеется, тоже относились к канцлеру не совсем так, как альтакцы. Но всё же только принцесса была по-настоящему, искренне дружелюбной. То, что она признательна ему за поддержку и советы, очень чувствовалось.

И Роланд хотел, чтобы Анастасия была счастлива здесь. Пусть они с Огденом понравятся друг другу, и он забудет свою Каролину. В конце концов, она молодая симпатичная девушка, ей можно просто дать денег — и Каролина легко найдёт себе жениха. Держать её во дворце, мягко говоря, недальновидно.

Удивительнее всего для Роланда было то, что Огден, в принципе, это понимал. Но отчего-то отказывался увозить любовницу прочь с глаз принцессы. Во всём остальном младший сын короля Фредерика проявлял завидное благоразумие, по крайней мере, по сравнению со своими братьями, но только не в этом. Что Фокс только ни делал, пытаясь уговорить молодого короля отослать Каролину! Не прекращать с ней отношения, если не можется, — хотя бы отослать. Но Огден упёрся как баран — не сдвинуть. Нет, и всё.

Хорошо, что Анастасия оказалась такой понятливой и не стала взбрыкивать и затевать скандал, иначе им обоим досталось бы от Арена. Причём Роланд не сомневался, что Огдену досталось бы гораздо сильнее, чем ему. Хотя бы потому что канцлер был нужен императору — кто-то же должен управлять Альтакой, — а вот Огден не слишком. И за нанесённую племяннице Арена обиду третий сын Фредерика наверняка лишился бы если не жизни, то престола. Впрочем, такой вариант до сих пор вполне возможен — Роланд предполагал, что рано радуется. Тем более что...

Да. Оглядевшись по сторонам, Фокс увидел Каролину. Она была здесь, стояла рядом с возвышением, на котором находились два золотых трона, и смотрела на Анастасию с болезненным любопытством. Глаза девушки сверкали, как две звезды, щёки алели румянцем, губы были нервно поджаты, и в целом её волнение очень ощущалось. Но Каролина была достаточно умна, чтобы хотя бы не демонстрировать собственное превосходство или презрение, — это немного утешало.

В витражные окна заглядывало вечернее солнце и, распадаясь на тонкие разноцветные лучи, раскрашивало тронный зал в разные цвета. От этого все присутствующие, застывшие в полнейшей тишине, пока Анастасия и канцлер шли к Огдену, словно находились в движении. Разноцветный свет, скользя по ткани костюмов и платьев, заставлял мужские и женские фигуры танцевать, краснеть и бледнеть, улыбаться и хмуриться. И у Роланда из-за этого возникло странное и немного страшное ощущение сна, усиливающееся с каждым шагом. Он шёл почти бесшумно, принцесса немного цокала каблучками своих туфелек, и эти звуки, моментально превращающиеся в эхо, погружали в какое-то оцепенение.

Чтобы избавиться от него, Роланд посмотрел на Огдена. Молодой король изучал принцессу, и лицо его казалось выточенным из камня. Совершенное, спокойное и беспристрастное. Будто не на живую и восхитительно прекрасную девушку смотрит, а на статую, которую привезли к нему во дворец, чтобы стояла посреди холла. Канцлеру хотелось воскликнуть: «Улыбнись, дурень!» — но он, конечно, промолчал.

Наконец они дошли до Огдена, и Роланд, остановившись буквально в паре шагов, отпустил руку Анастасии. Сделал шаг в сторону и громко произнёс:

— Ваше величество, по вашему приказу я привёз вашу невесту. Её высочество Анастасия, — Фокс поклонился принцессе, — его величество Огден.

Он отвесил ещё один поклон, ожидая, что сделает король. Огден знал правила этикета, должен был помнить слова — но, мало ли, вдруг позабыл?

— Очень рад видеть вас, принцесса, — сказал Огден наконец, спустя несколько мгновений напряжённой паузы. — Мой дом — ваш дом. Примете ли вы приглашение остаться в нём?

Анастасия тоже ответила не сразу. Пару секунд медлила, изучающе глядя на Огдена. И сказала в итоге очень тихо, гораздо тише, чем говорили король и канцлер:

— Я буду гостьей в вашем доме, ваше величество.

Всё было верно — если бы Анастасия желала немедленно выйти замуж, она бы сказала не «гостьей», а «хозяйкой». Однако слово резануло Роланда ножом по сердцу.

Анастасия заслуживала быть здесь совсем не гостьей, но сможет ли Огден быть при ней хозяином? Хороший вопрос.

Анастасия

Тронный зал был воистину огромных размеров, и людей в нём собралось... Принцесса даже боялась представить сколько. Так полагалось — в Альтаке уж очень любили церемонии. Но Анастасии было немного не по себе от подобного количества присутствующих.

Поэтому она старалась отвлекаться на обстановку, которая действительно была очень красивой. Светлые стены, выложенные мрамором, отмытый до зеркального блеска пол, витражи в окнах. Окна в этом зале были другой формы, не такой, на которую Анастасия обратила внимание, когда шла по улице, — вытянутые не в ширину, а в длину. Этим они напоминали императорский дворец в Альганне. Правда, стоило посмотреть на людей, толпящихся в зале, как это ощущение сразу пропадало. В Альганне настолько пышных платьев почти не носили, Анастасия даже чуть улыбнулась, разглядывая местных дам. В столице своей страны она подобных нарядов и не видела. Юбки, по-видимому, были на каких-то каркасах — иначе непонятно, откуда такая пышность? Впрочем, есть в этих платьях и своя прелесть — в результате мужчины не могут подойти к женщине слишком близко. Захочет поцеловать, и то не дотянется, споткнётся о юбку...

На Огдена Анастасия посмотрела, уже подходя к концу зала — туда, где стояли два трона на возвышении. И отстранённо подумала, что в жизни нынешний король Альтаки выглядит ещё привлекательнее, чем на магпортретах, — вот только эта красота мало трогала сердце девушки.

Огден был одет в традиционный для королей Альтаки светлый камзол с красными манжетами и такого же цвета воротником. А на голове у мужчины поблёскивал золотой обруч — символ королевской власти. Если Анастасия согласится стать женой Огдена, на официальных приёмах будет носить примерно такой же, только меньше и тоньше.

Если согласится...

Несколько ничего не значащих и полагающихся по этикету фраз — и в зале заиграла музыка. К сожалению, Анастасия и Огден должны были танцевать первыми, причём в одиночестве, остальным дозволялось присоединиться только со второго танца. И принцесса сразу внутренне ждалась: не дай Защитница ещё опозориться при всех, когда столько людей на неё смотрит! Малейшую оплошность заметят. Как же жаль, что нельзя выбрать партнёра и танцевать с Роландом. В конце концов, он ведь правит Альтакой вместо короля, почему бы и не потанцевать вместо Огдена...

Бессмысленные мечты, Анастасия понимала это и сама.

Она изо всех сил старалась не споткнуться, танцуя с Огденом, который отчего-то просто молчал и не пытался ни о чём поговорить. Он даже почти не смотрел на неё — его взгляд блуждал где-то за пределом её головы. Подобное, конечно, нельзя назвать прямым оскорблением, но... у Анастасии вновь появилось ощущение собственной ненужности. Правда, без примеси презрения, как это было в Альганне.

И она, усмехнувшись, решила завести разговор сама.

— Зачем же вы приняли предложение дяди, если настолько не желаете жениться на мне? — спросила принцесса и сама удивилась от того, сколько язвительной насмешки прозвучало в её негромком голосе.

Огден

Он не ожидал услышать подобное от принцессы. Почему? И сам не мог понять. Наверное, думал, что она постесняется вот так... выражать свои претензии. Без горечи, с какой-то насмешливостью и без малейшего намёка на обиду.

Огден опустил глаза и посмотрел на Анастасию, которая тоже смотрела на него, кривя в усмешке губы. У неё было очень красивое лицо — такое тонкое и аккуратное, словно выписанное мягкой кистью, чувствительной к малейшим изыянам. В Анастасии почти не было яркости, одни пастельные тона, если не считать цвета глаз — небесно-синих, — но она отчего-то воспринималась яркой девушкой. Наверное, потому что её красота казалась какой-то нереальной, словно сошедшей с картины.

— Почему вы так решили, принцесса? — уточнил Огден, решив, что признаваться ещё рано. — Я вас уверяю, что...

— Я не глупа, — произнесла Анастасия, перебив его, и улыбнулась.

Со стороны, наверное, её улыбка показалась бы вежливой улыбкой польщённой приёмом гостя — Огден же заметил в ней что-то отчаянное.

— Во-первых, вы не приехали за мной в Альганну, ваше величество. Вы послали за мной канцлера — человека, разумеется, важного для вашей страны, но при этом он считается у вас бесправным. Послать за драгоценной невестой, племянницей императора Арена незаконно-рождённого канцлера — весьма красноречивый ход, вы так не считаете?

Огден почувствовал себя растерянным и выпалил, начиная злиться:

— Фокс сам захотел поехать за вами.

— Ничуть не удивлена, — парировала принцесса с гордостью. Глаза её вспыхнули, и Огдену показалось, что взгляд Анастасии прожёт кожу на его щеках. — Канцлер — разумный мужчина. Он посчитал, что обязан сообщить мне о вашей бывшей невесте. И о том, что она до сих пор живёт во дворце. И это — во-вторых, ваше величество.

Что-то раздражённо пульсировало в груди, лицо горело, и Огден уже почти мечтал, чтобы мелодия вальсона наконец закончилась. Но она всё продолжалась... как и насмешливые слова принцессы:

— Чего вы ожидали? Что я, приехав сюда, узнаю правду и сразу умчусь обратно в Альганну? Весьма недальновидно. И это, пожалуй, в-третьих. Какой же вы правитель, если не понимаете, что после такой обиды — с лёгкой руки моего дяди — вы лишитесь трона? Канцлер, поняв, к чему всё идёт, просто попытался со мной договориться в дороге, и я приняла его доводы. Я согласилась, что не буду уезжать сразу, присмотрюсь к вам. Так вот, пока я присматриваюсь, будьте добры всё же ответить на вопрос — зачем вы воспользовались помощью императора? Я хочу понять ваш поступок. Отдали бы трон Тедону или Грегору, а сами женились на своей невесте.

— Ваше высочество, — Огден выдохнул, стараясь успокоиться. Хотя очень хотелось рявкнуть что-нибудь. Что угодно! Только бы выплеснуть раздражение, которое накапливалось в нём с каждым словом принцессы. — Вы несколько неверно понимаете мои мотивы. Я король лишь два месяца. Меня не готовили к этой роли. И я посчитал, что мне будет полезно, если Фокс на время уедет. Всего-то неделя — справлюсь я или нет? Мне хотелось узнать это. Не ищите в моём поступке оскорбления, пожалуйста. Я отправил за вами достойнейшего человека, думаю, вы уже успели его оценить. А насчёт помощи императора... Что ж, не стану скрывать: мне всегда казалось несправедливым, что трон займёт Тедон или Грегор. Я предчувство-

вал, что, если это случится, нас ждёт новый переворот, возможно, даже гражданская война. Я просто выполнил свой долг.

— Считаете себя более достойным власти? — вкрадчиво спросила Анастасия и иронично, даже немного обидно улыбнулась.

— Да, я более ответственный человек, — кивнул Огден. — Надеюсь, что сумею убедить вас в этом.

— Как вы надеетесь в чём-то меня убеждать, если во дворце, ещё и напротив ваших покоев, живёт ваша бывшая невеста?

Огден едва зубами не скрипнул.

Конечно, принцесса совершенно права. Разумеется. И канцлер прав. Но...

— Я её отселю, — нехотя произнёс Огден, скрепя сердце. — На другой этаж, к фрейлинам. Убирать из дворца не буду, но могу пообещать вам: пока вы находитесь здесь, я прекращу отношения с ней. Вас это устроит?

Анастасия задумалась. Скользила взглядом по его лицу, и Огден, наблюдая за тем, как мелькают на её лице отблески разноцветных витражных стёкол, пытался понять, о чём она думает.

Но не преуспел.

— Кровную клятву дадите? — поинтересовалась принцесса кротким голосом и, когда Огден вытаращил глаза, не сдержав удивления, тихо рассмеялась. — Ладно, обойдёмся без клятв. Да, мне достаточно вашего слова. Отселяете её на другой этаж, прекращаете отношения до того момента, как я приму окончательное решение. Подобное меня устроит.

— Договорились, — процедил Огден, подумав, что Анастасия, хоть и выглядит невинной овечкой, не менее хваткая, чем канцлер.

Анастасия

Этот разговор дался принцессе очень тяжело. Анастасия никогда не была ни жёсткой, ни язвительной, предпочитая мягкость и бесконфликтность. Конечно, она порой показывала характер — без этого никуда. Но, если была возможность избежать столкновений, Анастасия ею пользовалась.

Сейчас, увы, возможности не было. Принцесса отлично понимала — канцлер канцлером, но никто лучше неё самой не отстоит её интересы. Да, она ещё не приняла решение, стоит ли становиться женой Огдена, но это не означает, что она будет терпеть у себя под боком его любовницу.

К удивлению Анастасии, Огден согласился на её ультиматум. Причём она специально не стала настаивать на каких-либо клятвах — хотела проверить, сдержит король слово или нет. Сдержит — значит, заработает себе весомый плюс, а не сдержит... Что ж, тогда ответ на вопрос, хочет ли она выйти за него замуж, станет ещё более однозначным.

После танца Огден повёл Анастасию по залу — представлять самым важным из присутствующих на приёме. Министрам, советникам королевских комиссий, начальнику дворцовой гвардии и прочим персонам, имена которых принцесса очень старалась запомнить. Про некоторых она уже кое-что знала — Роланд в дороге рассказывал о ближайшем окружении короля. Причём канцлер даже понимал, кто из этих людей по-настоящему симпатизирует Огдену, а кто — нет. Как у Роланда это получалось, учитывая, что он не эмпат, Анастасия не представляла. Она, глядя на лица, не видела ничего, кроме вежливых улыбок и любопытства в глазах. Хотя точно помнила, что, например, министр дипломатических дел Огдена недолюбливал — дочь этого мужчины была замужем за Грегором, вторым претендентом на престол. И мужчина, скорее всего, надеялся, что после коронации первого принца или самого Грегора положение их

семьи улучшится. А оно, получается, ухудшилось — жену принца сослали из столицы вместе с супругом.

Все представляемые казались Анастасии вполне дружелюбными. А потом...

Кем является эта девушка, принцесса поняла сразу. Наверное, по выражению её лица. Нет, оно не было злым — просто глаза обиженно блестели, словно их обладательница едва сдерживала слёзы.

— Познакомьтесь, ваше высочество, — произнёс Огден, и Анастасия неожиданно поняла, что вокруг них настала странная тишина. — Каролина Эркур, ваша главная фрейлина.

Значит, вот как выглядит его бывшая невеста...

Канцлер говорил, что она милая, и Анастасия была согласна с этим утверждением. Очень милая, юная и хорошенькая, Каролина напоминала принцессе одну из фарфоровых кукол маленькой дочери её тёти Анны. У той тоже были такие светло-рыжие волосы и голубые глаза, большие и невинные. И такой же изящный ротик бантиком. Даже платье девушка надела похожее — светло-зелёное, словно молодая травка. Хотя на вкус Анастасии у него было слишком глубокое декольте — грудь буквально выпрыгивала из лифа. Ещё и юбка эта... словно абажур!

У самой принцессы не было ни слишком откровенного выреза, ни подобной юбки. Для первой встречи с Огденом она выбрала нежно-голубое платье из кружева с длинными рукавами. Украшений никаких не надела — Анастасия, как и её покойная мама, считала, что настоящей принцессе не нужны драгоценности. Поэтому девушка оставила только небольшие серьги в ушах — со светло-голубыми сапфирами в цвет платья и её глаз.

А вот на Каролине украшений было... И в причудливой причёске какие-то заколки, и в ушах крупные серьги с изумрудами и бриллиантами, а на шее такое же кольцо в комплект. И на оголённых руках браслеты. И кольца на пальцах...

Зачем столько? Кто ей сказал, что это красиво? Неужели Огдену нравится, когда юная девушка выглядит, словно манекен в ювелирном салоне?

— Приятно познакомиться, — вежливо улыбнулась Анастасия, не дождавшись, когда Каролина поздоровается сама. Та вообще будто застыла, таращась на принцессу, и Анастасии внезапно стало её жаль. Право слово, вряд ли эту девушку можно в чём-то винить. Наверняка она влюблена в Огдена до безумия — вон какими совиными глазами на него смотрит. — У вас очень красивое платье, Каролина. Хотя я немного не понимаю местной моды на пышные юбки... Надеюсь, на меня не будут сердиться, если я не стану их носить. Как вы считаете?

Каролина наконец отмерла. Поклонилась, как положено, и дрожащим голосом произнесла:

— Прошу простить, ваше высочество. Я так растерялась, увидев вас, что совершенно забыла про этикет...

— Ничего страшного, — вздохнула Анастасия. — Выпрямляйтесь. И... ваше величество, вы не желаете потанцевать с Каролиной? Мне кажется, она будет рада.

И Огден, и сама Каролина — оба воззрились на принцессу с удивлением. Анастасия же, пожав плечами, продолжила:

— А я пока прогуляюсь с канцлером.

И ничуть не удивилась, когда из толпы придворных к ней тут же шагнул Роланд и поставил свой локоть.

Минутой спустя, когда король и её новоиспечённая главная фрейлина уже кружились по залу, канцлер негромко произнёс, провожая Анастасию в банкетный зал, который находился по соседству с тронным:

— Пожалели её, ваше высочество?

— Вы верно поняли, Роланд, — принцесса иронично улыбнулась. — И вообще, если бы не ваши государственные интересы, я бы уехала домой сегодня же. И пусть эти двое влюблённых соединятся. Я бы и дяде Арену жаловаться не стала...

— Ему бы пожаловался кто-нибудь другой, — хмыкнул Фокс. — Более того, я уверен, его величество в курсе насчёт Каролины. Хотя он сам мне ничего не говорил.

Анастасия несколько мгновений молчала, а потом, улыбнувшись, сказала:

— А знаете, что это значит, учитывая характер дяди Арена? Он в вас верит. Верит, что вы и сами всё понимаете — поэтому и не стал ничего говорить.

— Наверное. Только, если я не справлюсь, он оторвёт мне голову.

— Не преувеличивайте, — фыркнула Анастасия. — Ваша голова слишком ценная. Если её не будет, кто станет управлять Альтакой?

— Желающих много, ваше высочество. Меня вообще трижды пытались убить за последние пять лет.

Принцесса, услышав подобное, едва не схватилась за колотящееся сердце. Остановилась и, изумлённо посмотрев на лёгкую усмешку канцлера, процедила:

— А вот с этого места поподробней!

Глава восьмая

Огден

Вроде бы он танцевал с любимой девушкой — а танцевала Каролина отменно, лучше принцессы, — но отчего-то чувствовал себя оплётанным.

Странное ощущение. И непонятное. Откуда оно взялось? Договорились ведь обо всём с Анастасией. Она не уедет, а Огден...

Демоны! Вот откуда это ощущение. Ведь ему как-то придётся объявить Каролине о своём решении поставить на паузу их отношения.

— А она красивая, — вздохнула девушка, покосившись в сторону банкетного зала, куда ушла принцесса под руку с канцлером. — Я рядом с ней почувствовала себя клоуном из цирка. Такая же разряженная... только красного носа не хватает.

Огден мысленно согласился с этим утверждением, но, естественно, вслух говорить ничего подобного не стал.

— Анастасия одевается так, как принято в Альганне. Посмотри по сторонам — тут все одеты иначе. Как ты, а не как она. Вот на контрасте и смотрится немного странно.

— Думаю, что эту моду следует перенять, — пробормотала Каролина, легко погладив Огдена по плечу. — Очень непринуждённо и изящно, да? Тебе ведь понравилась принцесса?

— Ты сама сказала, что Анастасия — красивая девушка. — Огден на провокацию не поддался, услышав ревнивые нотки в голосе Каролины. — И я с тобой согласен.

— Огден...

— Каро... — Момент, наверное, был не слишком подходящий, но король решил не откладывать. Боялся, что иначе передумает — и тогда все старания канцлера пойдут прахом. — Послушай... Я, к сожалению, вынужден переселить тебя со своего этажа к фрейлинам. Ты же понимаешь почему?

— Понимаю, — девушка надула губы. — Потому что тебе понравилась принцесса.

— Нет. Потому что я не могу её оскорбить. Если Анастасия передумает выходить за меня замуж просто из-за того, что я ей не полюбуюсь, — это одно. Но если причиной будет нанесённое ей оскорбление...

— Мне и Роланд такое говорил, — грустно кивнула Каролина. — Что я не задержусь надолго рядом с тобой... Ладно, я перееду. Ты ведь всё равно будешь приходить ко мне каждый вечер?

Очень хотелось сказать: «Конечно буду», но Огден понимал: рано или поздно Анастасия выяснит правду, и тогда ему не поздоровится.

Нет, он дал слово — надо держать.

— Пока принцесса живёт во дворце, я не могу оскорбить её подобным поведением, Каро. Нам придётся подождать.

— Подождать? — возмутилась девушка, гневно сверкнув глазами. — Чего ждать? Можно подумать, она откажется от брака! Или ты хочешь сказать, что нам нельзя быть вместе только до свадьбы, а после будет можно?!

У Огдена сжалось сердце.

Он отлично понимал, что ни до свадьбы, ни после — будет нельзя. Подобный формат не для Анастасии. Не захочет она так жить. Да и Огден не захочет.

— Каролина, послушай...

— Не хочу больше ничего слушать! — девушка всхлипнула и отвернулась, пряча глаза. — Конечно, кто я такая, чтобы считаться с моими интересами... Вот интересы принцессы —

это да, важно. И государственные интересы! А я — так, кусок грязи под вашими ногами, ваше величество!

Каролина выпалила это настолько громко и страстно, что Огден был уверен — слышали многие из танцующих пар поблизости. Некоторые даже танцевать перестали — застыли на месте, беззастенчиво рассматривая красную от гнева девушку.

— Танцуйте! — рявкнул на них Огден, грозно посмотрев по сторонам, но больше ничего сказать или сделать не успел — Каролина вырвалась из его рук и поспешила прочь из зала.

Поначалу Огден дёрнулся... но потом вспомнил обещание, данное Анастасии, и остался на месте.

Вместо этого подозвал к себе одного из слуг и велел:

— Найди дворцового управляющего. Пусть в ближайший час поможет госпоже Каролине Эркур переехать с королевского этажа на первый придворный, к фрейлинам. Подготовить лучшую комнату. И принести туда ужин.

— На двоих, ваше величество? — уточнил слуга, на лице которого отражалась вежливая бесстрастность, и Огден с сожалением покачал головой:

— Нет. Ужин только на одну персону. Для Каролины.

Защитник! Как же выбраться из этого лабиринта...

Анастасия

— Всё просто, ваше высочество, — произнёс канцлер, когда они с принцессой садились за стол в банкетном зале, и поставил полог тишины, чтобы беседу не могли слышать окружающие.

Здесь было ещё шикарнее, чем в тронном зале, но Анастасия толком не обратила внимания на окружающую обстановку и уж тем более на вкуснейшие блюда на столе. Разве можно думать о еде после слов Роланда о покушениях?!

— Да, я по сути последние годы управляю Альтакой. И король Фредерик рассчитывал на мою помощь для одного из своих сыновей, но не всем это нравится, разумеется. И дело не в моём происхождении, точнее, не обязательно в нём. Кому-то хочется занять моё место рядом с безвольным королём. Причём, скорее всего, даже неважно, с кем именно — говоря откровенно, что Тедон, что Грегор одинаково бездарны, да и Огден пока недалеко от них ушёл. Он гораздо ответственнее, это правда, но как правитель ещё ничего не стоит. Обворовать казну при таком короле, извините за выражение, плёвое дело.

— Значит, вы кому-то мешаете... воровать?

— Это один из вариантов. Воровать или просто властвовать — причина может быть как одна, так и несколько. Факт в том, что, как только Фредерик заболел, на меня начались покушения. В первый раз меня попытались застрелить из немагического оружия, причём очень мощного — оно даже пробilo защитный амулет, и, если бы я не успел отскочить в сторону, мы бы с вами сейчас не разговаривали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.